

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РУССКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАРССКОМ
ПАШАЛЫКЕ В 1856 ГОДУ
(Из походных воспоминаний Помандруйко)

*Публикация текста,
предисловие и примечания Акона Г. Мурадяна,
Игоря В. Дубинина*

ՄԵՍՐՈՊ ԿՐԹ. ԱՇԺԵԱՆ
ՄԱՏԵՆԱՇԱՐ
267



ARCH. MESROB ASHJIAN
BOOK SERIES
267

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИТУТЮН» НАН РА
2026

УДК 94(479)
ББК 63.3(531)
П 550

Печатается по решению Ученого совета
Института истории НАН РА

Научный редактор: академик НАН РА *Ашот А. Мелконян*

Рецензенты: *д.и.н., доцент Игорь Г. Иванцов,*
к.и.н., доцент Армен С. Айрапетян

П 550 **Русское управление в Карсском пашалыке в 1856 году (Из походных воспоминаний Помандруйко) /** публикация текста, предисловие и примечания **Акопа Мурадяна, Игоря Дубинина:** Ер., изд.-во «Гитутюн» НАН РА, 2026. – 184 с.

Воспоминания Ивана Диомидовича Попко (Помандруйко) являются одним из достоверных и малоизученных первоисточников по истории Карса. Они рассчитаны на историков и всех интересующихся историей Кавказа и Закавказья XIX в., в особенности коротким периодом русского управления Карсской областью в 1856 г.

УДК 94(479)
ББК 63.3(531)

ISBN 978-5-8080-1611-8
DOI: 10.54503/978-5-8080-1611-8
© Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2026
© Акоп Мурадян, 2026
© Игорь Дубинин, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие российские офицеры, проходящие службу на Кавказе, имели литературный опыт. Один из них военный историк, этнограф и общественный деятель генерал-лейтенант Иван Диомидович Попко (28 августа 1818 г., ст. Полтавская – 30 августа 1893 г., г. Харьков)¹.

После окончания второго класса Екатеринодарского уездного училища И.Д. Попко был переведен в Ставропольское

¹ По общепринятым данным родился И.Д. Попко 28 августа 1819 г. в куренном селении Тимашевском. Эта дата на основе сохранившихся послужных списков впервые была указана в некрологах на смерть историка (см.: *Некролог: Попка Иван Демидович* // Всемирная иллюстрация, Санкт-Петербург, 1893, т. L, № 12, с. 203; *Некролог: Иван Демидович Попка* // Исторический вестник, Санкт-Петербург, 1893, т. LIV, № 11, с. 621–622; *Некролог: Иван Демидович Попка* // Новое время, Санкт-Петербург, 1893, № 6292 и др.) и в работах первых биографов историка (см.: **Городецкий Б.М., Иван Диомидович Попка (Био-библиографический очерк)** // На Кавказе, Екатеринодар, 1909, № 3, с. 315; **Фарфоровский С.В., Козубский Е.Н., Биографические сведения о И.Д. Попко** // Русский архив, Москва, 1910, № 1, с. 93). В последующей историографии И.Д. Попко эта дата стала канонической. В последние несколько лет в различных архивных хранилищах удалось выявить несколько личных и официальных документов, которые ставят под сомнение официальную дату и место рождения историка. Если взять за основу все найденные документы, то родился будущий историк 28 августа 1818 г. в семье дьякона церкви Обрезания Господня куренного селения Полтавского. 5 октября 1818 года его отец – Диомид Несторович Попко был рукоположен в священники и переведен в Троицкую церковь в селение Тимашевское, где стал протоиереем и прослужил более 50 лет.

высшее уездное училище. Такие перемещения учеников в то время практиковались достаточно часто. Окончив учебное заведение, он был отправлен отцом совершенствоваться в науках в Астраханскую духовную семинарию. К этому периоду относятся его первые литературные опыты. Здесь же он начал собирать свою библиотеку – первые «дареные» книги за примерное обучение относятся к астраханскому периоду.

Летом 1838 г. И.Д. Попко закончил семинарию «со способностями весьма хорошими, прилежанием, при поведении похвальном»¹. Следуя уготованной ему судьбе, сын священника в мае 1838 г., по настоянию отца, поступил в Московскую духовную академию. Отучившись год «при способностях очень хороших, прилежании усердном, поведении очень честном наукам: философским и словесности – очень хорошо, математике, греческому и немецкому языкам – достаточно»², Иван Диомидович подал прошение об увольнении по причине болезни. После освидетельствования врачом академии Иваном Высоцким было принято решение «студента Попку согласно его прошению за неспособностью продолжать учение, по причине худого состояния здоровья уволить из академии в Астраханское епархиальное ведомство с надлежащим свидетельством»³.

Вернувшись, молодой человек делает попытку пойти по педагогической стезе. Заручившись поддержкой директора Кавказской гимназии в Ставрополе, он подает прошение в правление Харьковского учебного округа чтобы занять место над-

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК), ф. 427, оп. 1, д. 202, л. 2.

² Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее: ЦГИА), ф. 229, оп. 4, д. 3137, л. 12.

³ ЦГИА, ф. 229, оп. 4, д. 3137, л. 4.

зирателя при пансионе гимназии. К сожалению, 18 февраля 1841 г. пришел ответ, что попечитель округа «не может ныне изъявить своего согласия на определение Ивана Попки комнатным надзирателем... по причине, возникшей с министерством народного просвещения переписки о замещении сей вакансии другим чиновником»¹. Этот отказ поставил крест на педагогической карьере Ивана Диомидовича. Поэтому он был вынужден пойти по стандартному пути молодых казаков и 1 июля был зачислен рядовым в 10-й конный полк Черноморского Казачьего войска.

С этого дня началась его боевая жизнь. Под предводительством наказного атамана Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовского² в 1841 г. Попко совершил свой первый поход от Ольгинского к Абинскому укреплению. Под началом этого славного атамана были еще походы за Кубань в 1843, 1846 и 1853 гг. Затем Иван Диомидович принимал участие в походах под командованием Г.А. Рашпиля³, Я.Г. Кухаренко⁴, Л.М. Серебрякова (К.М. Арцатагорцяна)⁵, М.Т. Лорис-Меликова¹, Н.И.

¹ ГАКК, ф. 427, оп.1, д. 202, л. 6–6 об.

² Завадовский Николай Степанович (1788–1853) – русский генерал от кавалерии, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, наказной атаман Черноморского казачьего войска (1830–1853).

³ Рашпиль Григорий Антонович (1801–1871) – русский генерал-лейтенант, и. о. наказного атамана Черноморского казачьего войска.

⁴ Кухаренко Яков Герасимович (1799/1800–1862) – генерал-майор, и.д. наказного атамана Черноморского казачьего войска (1853–1855), писатель.

⁵ Серебряков Лазарь Маркович (Лазарь Маркосович Арцатагорцяна) (1792–1862) – русский адмирал армянского происхождения, член Адмиралтейств-совета, участник Кавказских походов и Крымской войны. Командующий военно-морскими силами Черноморской береговой линии и её главнокомандующий. При его участии было основано множество населённых пунктов на Черноморском побережье Кавказа.

Евдокимова², Н.Н. Муравьева³, А.Ф. Багговута⁴ и других. До 1853 года основной целью таких походов были военные действия против непокорных горцев и снабжение продовольствием и необходимыми средствами отдаленных гарнизонов и укреплений.

Знакомство с Н.С. Завадовским сыграло огромную роль в дальнейшей судьбе молодого казака. Наказной атаман разглядел в И.Д. Попко большой потенциал и по его ходатайству тот 22 февраля 1848 г. был назначен на должность письмоводителя Г.А. Рашпиля.

В 1848 г. в газете «Кавказ» № 27 появляется статья Ивана Диомидовича «Войсковой праздник черноморских казаков 11-го мая», которая на данный момент является первой выявленной работой будущего историка. По некоторым намекам из дневника его друга Василия Федоровича Золотаренко⁵ и от-

¹ Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1824–1888) – русский военачальник и государственный деятель армянского происхождения, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В августе 1855 года был назначен состоящим по особым поручениям при новом главнокомандующем графе Н.Н. Муравьеве. После взятия Карса назначен начальником Карсской области. В последние месяцы царствования императора Александра II занимал пост министра внутренних дел с расширенными полномочиями, проводил либеральную внутривластную политику.

² Евдокимов Николай Иванович (1804–1873) – военачальник, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Один из главных героев Кавказской войны. Командующий войсками в Кубанской области и начальник области.

³ Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794–1866) – военный деятель, генерал от инфантерии, дипломат. Кавказский наместник. За взятие Карса в 1855 г. почётное прозвище «Карский». Член Государственного Совета.

⁴ Багговут Александр Федорович (1806–1883) – военачальник, генерал от кавалерии. Герой покорения Кавказа и Крымской войны.

⁵ Золотаренко Василий Федорович (1818–1872) – кубанский писатель, этнограф, мемуарист.

дельным фразам из личных писем можно сделать вывод, что это был не первый литературный опыт¹.

В начале 1850 года по приказу директора Департамента военных поселений Н.И. Корфа² и распоряжению и. о. наказного атамана Г.А. Рашпиля, И.Д. Попко (как имеющему опыт литературной работы) было поручено написать «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков» к 25-летию правления Николая I. Молодой историк лично преподнес его наследнику цесаревичу Александру Николаевичу 16 сентября 1850 г., когда тот путешествовал по Кавказу.

17 декабря 1851 г. он был назначен адъютантом при командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории и наказном атамане Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовском.

До 1854 г. И.Д. Попко по долгу службы путешествовал в основном по территории Северо-Западного Кавказа, но после смерти своего непосредственного начальника был зачислен в состав Отдельного Кавказского корпуса и отбыл на российско-турецкую границу. «В воскресенье первой недели поста, я прибыл в Александрополь³ и явился к князю Бебутову⁴. Я получил

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее: ГАСК), ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 46 об.

² Корф фон Николай Иванович (1793–1869) – русский генерал от артиллерии, инспектор всей артиллерии, директор департамента военных поселений. Член Государственного совета.

³ Александрополь – современный город Гюмри (Республика Армения).

⁴ Бебутов Василий Осипович (Иосифович) – (1791–1858) – русский военачальник армянского происхождения, генерал от инфантерии. Герой Кавказских походов и Крымской войны. С конца 1854 года – управляющий

назначение состоять при начальнике кавалерии действующего корпуса, генерал-лейтенанте Багговуте, в должности дежурного штаб-офицера»¹, писал он в письме от 22 апреля 1854 г. своему другу Василию Золотаренко.

По мере приближения зимы и продвижения русских войск вглубь турецких территорий столкновения приобретали более жестокий характер. Одно из самых кровопролитных сражений произошло вблизи селения Кюрюк-Дара, недалеко от крепости Карс² 24 июля.

О нем И.Д. Попко вспоминал как о страшной и кровопролитной схватке двух армий, замечая, что хотя об этом и написано в газетах, «но собственно ужасов боя никакое описание, никакая газета вам не передаст. Всякое описание непременно украдет у существенности половину, как бы оно ни врало»³. Турецкие силы были отброшены под стены крепости.

гражданской частью и войсками, не вошедшими в состав действующего корпуса.

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 144.

² Карс, центр Карсского пашалыка. В 1855 году, во время Крымской войны, город был взят русскими войсками. После подписания Парижского мирного договора в 18 марта 1856 г. был возвращен Турции. В ноябре 1877 года Карс был взят русскими войсками и по Сан-Стефанскому мирному договору 1878 года вошел в состав России. С 1878 по 1917 гг. Карс – центр Карсской области Российской империи. Согласно «Ашхарацуйцу» («Армянская география»), Карсская область охватывает следующие территории Великой Армении (Մեծ Հայք): округа Вананд (Վանանդ), Аршаруник (Արշարուկիք), Габебянк (Գաբեղանք), большую часть Абеянка (Աբեղանք) и Авнуника (Հաճնուկիք), восточную часть Басена (Բասեն), западную часть Ашоцка (Աշոցք) и Ширака (Շիրակ) провинции Айрарат (Այրարատ), большую часть округа Ардаган (Արմահան) провинции Гугарк (Գուգարք), округа Ког (Կող), Чакг (Ճակք), северо-восточную часть уездов Боха (Բոհիս), Бердацпор (Բերդաճփոր) и Партизацпор (Պարտիզաճփոր) провинции Тайк (Տայք).

³ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 146 об.

15 сентября в очередном письме В.Ф. Золотаренко в Санкт-Петербург И. Попко писал: «Мы стоим теперь лагерем недалеко от нашей границы. Турки стоят лагерем близ Карса. Они деятельно занимаются учением и, как слышно, еще хотят дать нам один бой до зимы... Война эта долговременна; немногим будет суждено пережить ее и, ковыляя на деревяшке, пугать детей рассказами об ней»¹. 6 февраля 1855 г. он делился с другом важным событием в своей жизни: «я получил ожидаемое повышение. Перевод в гвардию, в таком чине, как ротмистр – награда редкая вообще, а в казачьих войсках в особенности. Можете вообразить себе, как это ошеломило всех политиков Екатеринодара»². А в следующем письме уточняет: «Мой переход имеет примеры в армии в военное время, но в летописях Черноморского войска нет ему примера»³.

Молодой военнослужащий предполагал, что, получив новое звание, он будет переведен по месту расположения дивизиона в столицу, но «здешнее начальство желает, чтобы я еще оставался при действующем корпусе на неопределенное время. Я совершенно не прочь. С драгунами и со всей здешней кавалерией я сроднился, с театром и образом здешней войны ознакомился, – круг служебных действий у меня свой, самостоятельный, – так от чего бы мне не остаться?»⁴.

14 ноября он уточняет, что «От Его Высочества мне объявлено, что распоряжение по этому предмету будет сделано по миновании во мне здесь надобности. А надобность эта заклю-

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 150–150 об.

² Там же, л. 84.

³ Там же, л. 155 об.

⁴ Там же, л. 155.

чается в поручении, имеющем кончиться с прекращением военных действий в нынешнем году и с роспуском войск по зимним квартирам»¹.

Причина, по которой И.Д. Попко был вынужден остаться на Кавказе, была дипломатического характера и в некотором роде секретной. На тот момент остро стоял вопрос о враждебном отношении курдских племен к российским войскам. Поэтому по распоряжению Кавказского наместника генерала Н.Н. Муравьева в августе 1855 г. была создана переговорная группа из двух человек, «состоящего при мне по особым поручениям гвардии-полковника Бартоломея², совместно с гвардии ротмистром Попко, которым дана от меня надлежащая инструкция...»³. Группа была прикомандирована к штабу Эриванского отряда под командованием генерал-майора А.А. Сулова⁴. Они должны были «войти в сношение с родоначальниками общества Гейдеранлы Гейдер-ханом и Али-Агою, приобрести их расположение и чрез них поправлять ваши действия»⁵.

Главный вопрос решен не был – кочующие племена не захотели принять русскую сторону. В своем докладе И.А. Бартоломей писал: «Будучи чужды воинственного настроения в от-

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 158.

² Бартоломей Иван Алексеевич (1813–1870) – русский генерал-лейтенант, известный нумизмат, археолог, писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Участник Кавказских войн.

³ *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею*. Архив канцелярии главноначальствующего. Т. XI. Издан под редакциею председателя комиссии н.с. Дм. Кобякова, Тифлис: тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888, с. 421 (далее: АКАК).

⁴ Сулов Александр Алексеевич (1807–1877) – русский генерал-лейтенант, участник Кавказской войны.

⁵ АКАК, т. XI, с. 424.

ношении к нам, курды, вместе с тем не решаются и не могут решиться явно принять нашу сторону – по той простой и очевидной причине, что их дома, семейства и имущество находятся во власти турок, более или менее непосредственной и действительной...»¹.

В ноябре 1855 г. случилось событие, которое сделало бессмысленным их дальнейшее пребывание в Эриванском отряде. А.А. Суслов в рапорте от 18 ноября 1855 г. писал Н.Н. Муравьеву о том, что между курдами обществ Гейдеранлы и Хасананлы произошла ссора, кончившаяся кровопролитием. В происшедшей ссоре были убиты сын одного из глав племени и люди из его окружения: «Теперь оба племени эти дерутся и, судя по обычаям курдов, надо полагать, что междоусобие их продлится много лет»².

Завершив миссию, И.Д. Попко снова окунулся в водоворот административных и хозяйственных дел. 16 ноября 1855 г. Карс после многомесячной осады был взят русскими войсками. После этого встал вопрос о восстановлении и приведении в порядок города и его хозяйства. Как писал Н.Н. Муравьев в своем отношении к военному министру, князю В.А. Долгорукову³, он сразу же устроил «гражданское управление покоренных нами санджаков, соединив их в одну область, под названием Карской» и назначил начальником вновь созданной структуры,

¹ АКАК, т. XI, с. 426–427.

² Там же, с. 427.

³ Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) – русский князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, во время Крымской войны (1853–1856) военный министр.

состоящего при нем для особых поручений гвардии-полковника М.Т. Лорис-Меликова»¹.

Новая административная единица Российской империи была разделена на три округа – Карсский, Ольтинский и Ардаганский. По личной просьбе начальника вновь приобретенных территорий в начале 1856 г. И.Д. Попко был назначен начальником Карсского округа. Михаил Тариэлович и Иван Диомидович часто сталкивались по долгу службы, поэтому первый довольно хорошо знал второго, его возможности и способности. 7 марта 1856 г. Лорис-Меликов писал Муравьеву: «Назначение ротмистра Попки в начальники Карсского округа, о чем уже получен приказ, значительно облегчит занятия мои и тем представит возможность лично посещать санджаки и границы области»².

Нужно заметить, что дружба этих двух людей продолжалась и после окончания войны. В Государственном архиве Ставропольского края сохранилось несколько писем Михаила Тариэловича к Ивану Диомидовичу, а в Российском Государственном историческом архиве в фонде М.Т. Лорис-Меликова хранятся письма, адресованные ему И.Д. Попко. Кроме этого, в библиотеке историка был «Атлас фотографических видов гор. Владикавказа и других местностей Терской области, со снимками сцен из Высочайшего путешествия в 1871 г. и с видами

¹ АКАК, т. XI, с. 166. Герасимова Ю.Н., «Неусыпные труды и распорядительность, соединенные со знанием дела». Деятельность М.Т. Лорис-Меликова по управлению Карской областью // «Вестник Тверского государственного университета», Тверь, вып. 3, 2009, с. 3–19, Герасимова Ю., Начальник Карской области Михаил Тариэлович Лорис-Меликов // «Вестник архивов Армении (научно-информационный журнал)», Ереван, 2010, № 1, с. 176–189.

² АКАК, т. XI, с. 290.

Кавказских минеральных вод», с дарственной надписью Михаила Тариеловича¹.

В силу ряда причин, этот этап жизни И.Д. Попко является одним из самых неизученных. Хотя на его становление как администратора и дальнейший карьерный рост он оказал значительное влияние. Небольшое количество выявленных источников не позволяют изучить эту часть биографии всеобъемлюще.

В архивах и периодических изданиях удалось обнаружить ряд документов, относящихся к службе И.Д. Попко в 1855–1856 гг. в Карсской области, которые позволяют ответить на некоторые вопросы из жизни историка и еще немного расширить его биографию.

В феврале 1856 г. И.Д. Попко, рассказывая В.Ф. Золотаренко о новом назначении и описывая свои первые впечатления от пребывания в Карсе, писал, что живет «в большом турецком доме и почти по-турецки...»². Свободного времени очень мало: «Поездки в разные стороны непрерывные. Дела в высшей степени, смешанные»³. Несколько раз приходилось участвовать в походах против башибузуков.

Обосновавшись на новом месте, он продолжил свой рассказ: «образ внутреннего управления в пашалыках т.е. судная и полицейская часть, оставлен нами тот же, какой существовал при турках»⁴. В полицейско-судебной системе области не произошло почти никаких изменений. Составы высших органов управления в пашалыке и санджаках – меджлисах остались

¹ ГАСК, ф. 52, оп. 1, д. 108, л. 25 об.

² Там же, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 167 об.

³ Там же, л. 167 об.

⁴ Там же, л. 175 об.

почти без изменений, также они сохранили все свои функции. Реформирование управления в основном заключалось в том, что новая власть поставила во всех административных единицах начальников из числа российских офицеров, которым были подчинены медресы. Как замечал И.Д. Попко: «...управление это имеет физиономию чисто военную»¹. Большую часть времени составляла рутинная работа с бумагами, в основном эта была переписка по официальным делам: «административной и даже судебной не мало. Где люди, там и страсти, а где страсти, там и письменные дела...»².

Строки из письма подтверждаются цитатой из книги Н.Н. Муравьева «Война за Кавказ в 1855 г.»: «во всех поставлены были мудирь или уездные начальники из жителей, по порядку, существующему до завоевания. Для обсуждения дел и тяжб и для раскладок между жителями повинностей, учреждены были советы, состоявшие из муллы или духовного лица и местных старшин, а для наблюдения за управлением их, назначены офицеры из туземной милиции или охотников... Суд и расправа чинились между жителями по местному обычаю, под нашим наблюдением»³.

Любопытны замечания историка о своем турецком быте в который «вошло уже много турецких элементов: жилище мое турецкое, прислуга турецкая. Язык, к которому я сделал некоторый навык, звучит вокруг меня, с утра до вечера, турецкий. Чубуки, кофе, сиденье с поджатыми ногами – черт возьми, да

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 176.

² Там же, л. 176.

³ **Муравьев Н.Н.**, *Война за Кавказом в 1855 г.*, Санкт-Петербург, 1877, т. 2, с. 242–243.

все турецкое. К сожалению, одной только турецкой лени не хватает места»¹.

Согласно «Положения для управления Карской областью, утвержденному главнокомандующим в 19-й день ноября 1855 года» права и обязанности окружных начальников приравнивались к тем же функциям уездных². Поэтому на Ивана Диомидовича, кроме административных дел, были возложены и хозяйственные: санитарное состояние населенных пунктов, привлечение местных жителей к работам по очистке и уборке, наблюдение за размещением и содержанием больных и раненых и т.д.

18 марта 1856 г. в отношении начальника штаба отдельного Кавказского корпуса Б.Э. Индрениуса³ к командующему отрядом на кавказско-турецкой границе С.А. Хрулеву⁴, говорилось, что перед руководством области главнокомандующим ставилось две первоочередные задачи. Во-первых, чтобы санитарная обстановка не вышла из-под контроля, и в качестве предотвращения распространения особо опасных болезней до наступления потепления нужно было зарыть в землю «по возможности глубже находящиеся там в большом количестве убитых и павших лошадей». Во-вторых, нужно было как можно

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 176 об.

² АКАК, т. XI, с. 168.

³ Индрениус Бернгард (Борис) Эммануилович (1812–1884) – русский генерал от инфантерии, с начала Крымской войны находился в действующей на Кавказе армии.

⁴ Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – русский генерал-лейтенант, герой Крымской войны, военный историк. В начале 1856 г. назначен состоять в распоряжении главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьева. С 15 марта по сентябрь 1856 г. командовал отрядом, расположенным на турецкой границе.

быстрее уничтожить укрепления, возведенные турками для обороны города¹.

С первой задачей удалось справиться достаточно быстро. Уже 20 мая М.Т. Лорис-Меликов докладывал М.Я. Ольшевскому² о том, что меры к очистке городских улиц и окрестностей Карса от трупов животных и нечистот приняты. Ямы, в которые сбрасывали трупы животных «засыпаны известью и тщательно зарыты землей...». Была проведена полная очистка улиц, вырыты канавы и водостоки, «чтобы все нечистоты, вместе с снеговой водой, могли стекать за черту города, унося с собой... зловонные испарения»³.

А вот вторая проблема – ликвидация карских укреплений – до конца не была решена. С.А. Хрулев в рапорте В.О. Бебутову от 23 апреля докладывал, что жители неохотно принимают участие в разрушении укреплений и администрации приходится применять насильственные меры. Командированный поручик Самарин, состоящий при командующем отрядом, 21 апреля доносил, что укрепления сделаны из рыхлой земли и поэтому, имея достаточное количество рабочих, срыть их не представляет больших затруднений⁴.

В этом и заключалась главная проблема – местных жителей привлечь было почти невозможно. Война привела к экономическому кризису, местное население было на грани разоре-

¹ АКАК, т. XI, с. 268.

² Ольшевский Мелентий Яковлевич (1816–1895) – русский военный писатель, генерал от инфантерии, участник кавказских войн. Член-сотрудник Русского географического общества. В 1856 г. – начальник штаба корпуса, действующего на турецкой границе.

³ АКАК, т. XI, с. 443.

⁴ Там же, с. 278.

ния и голода из-за тяжелых повинностей, наложенных турецкими властями для обеспечения армии продовольствием¹.

Опираясь на свои наблюдения, он приходит к выводу, что если применить силу и попытаться принудить жителей к работам, то они лишатся возможности полноценно работать на своих участках, тем более что приближается пора полевых работ. Это может привести к тому, что жители могут лишиться «всякой возможности прокормить себя в настоящее время, когда в каждом доме более больных, нежели здоровых...»².

Другой немаловажной причиной нежелания местного населения принимать участие в ликвидации укреплений был страх перед возможными репрессиями со стороны турецких властей. Кроме этого, 24 апреля 1856 г. начинался праздник Рамадан, когда всякая работа у мусульман считалась грехом³.

Одновременно с вышеупомянутым рапортом Б.Э. Индрениусу пришел доклад М.Я. Ольшевского, который опирался не на теоритические выводы поручика, а на большой административный опыт начальника округа. В документе говорилось, что замещающий по болезни начальника области, гвардии-ротмистр Попка 21 апреля, сообщал ему, что 17 апреля администрация приступила к разрушению укреплений. В виду сложившейся ситуации процесс проходил медленнее, чем предполагалось⁴.

С большим трудом из разных санджаков и Карса было собрано 585 человек. Но постоянно работало всего около 300.

¹ АКАК, т. XI, с. 278.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 279.

Происходило это из-за постоянных побегов, которые происходили в силу физического изнурения рабочих по причине начавшегося поста¹.

Работы продолжались до 4 мая, когда пришло предписание об их окончании. Причем они продолжались даже тогда, когда в Санкт-Петербурге было подписано распоряжение об их прекращении. Произошло это из-за бюрократических проволочек и удаленности столицы от театра боевых действий.

30 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор и Карс с окружающими его территориями были возвращены турецкой стороне. Как горько замечал Н.Н. Муравьев «временное обладание Карским пашалыком принесло нам выгоду только в том отношении, что приобретение сие было положено на весы при уступках, сделанных нами на переговорах, когда заключался мирный трактат»².

30 июля по Действующему корпусу вышел приказ, в котором говорилось, что с 28 июля 1856 г. турецкому правительству возвращен Карс и санджаки, занятые русскими войсками. Областной меджлис и почетные жители «изъявили единодушную благодарность за благодетельное, правосудное и заботливое управление краем временно Русского областного управления»³.

Главнокомандующий Анатолийской армией Измаил-паша⁴ во время торжественной церемонии выразил искреннюю бла-

¹ АКАК, т. XI, с. 268.

² **Муравьев Н.Н.**, *указ. соч.*, с. 239.

³ АКАК, т. XI, с. 310.

⁴ Измаил-паша (Георгий Кметь) (1813–1865) – турецкий главнокомандующий венгерского происхождения. Сын протестантского пастора. После подавления венгерского восстания (1848–1849) бежал в Турцию, принял

годарность бывшему начальнику области М.Т. Лорис-Меликову за «полное удовольствие за человеколюбие, высокое и точное знание своих обязанностей и ограждение жителей от всяких стеснений при управлении Карской областью» и некоторым чиновникам русского областного управления за «ревностную и полезную службу». И.Д. Попко был в списке награжденных, и кроме того, турецким султаном ему был пожалован орден Меджидие 4-й степени. По политическим мотивам носить его историку было Высочайше разрешено только 3 марта 1858 г.¹.

После возвращения из Карса, И.Д. Попко вернулся в Тифлис в ожидании распоряжения о новом назначении, которое ему предстояло ожидать здесь или на родине. Все еще сомневаясь в положительном для себя решении военного министра и «привыкнув предполагать в будущем всегда худшее», он едет в Екатеринодар, надеясь в скором времени отбыть в Санкт-Петербург².

Вскоре после прибытия в Черноморское казачье войско он получает положительное решение и 3 января 1857 г. отправляется в столицу в распоряжение 2 эскадрона лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона, куда прибывает 1 февраля.

Еще в начале 1855 г. в «Русском инвалиде» была опубликована первая статья И.Д. Попко «Пластуны», и чуть позже в этом же году дополнение к ней «Плавни». Как писал историк, это «проба из многого, что у меня затевается, из многого се-

ислам и был назначен генералом турецкой армии. Во время Крымской войны защищал крепость Карс, но когда голод достиг высшей степени, передал командование английскому полковнику Уильямсу и отступил в Эрзерум.

¹ АКАК, т. XI, с. 310.

² ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 178–178 об.

рьезного»¹. Поэтому, прибыв в Санкт-Петербург, он возобновил сотрудничество с газетой, где продолжил публиковать свои работы под псевдонимом Помандруйко. Кроме этого, он начал печататься в журнале «Военный сборник», выбрав псевдоним Есаул.

Именно тогда он познакомился с главным редактором «Русского инвалида» П.С. Лебедевым². Возможно, именно он посоветовал Ивану Диомидовичу переработать, дополнить и издать «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков».

21 мая 1858 г. историк был назначен штаб-офицером для особых поручений при начальнике Главного управления иррегулярных войск с переводом в Черноморское казачье войско. Прибыв к месту службы 17 июля, он некоторое время жил в ст. Тимашевской в доме отца. Поэтому на первом этапе именно П.С. Лебедев взял на себя работу по продвижению и изданию рукописи.

Когда она была подготовлена к печати, возникла финансовая проблема. По совету главного редактора было принято решение посвятить книгу наследнику престола цесаревичу Николаю Александровичу, старшему сыну Александра II, в таком случае можно было надеяться хотя бы на частичную компенсацию издательских издержек.

Летом 1858 г. П.С. Лебедев отправил рукопись в Собственную контору августейших детей их императорских величеств на рассмотрение. В начале сентября был получен ответ, что все

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 84 об.

² Лебедев Петр Семенович (1816–1875) – русский генерал-майор, военный писатель, главный редактор газеты «Русский инвалид».

авторы, желающие посвятить свой труд Наследнику Цесаревичу, должны отправлять его на предварительное рассмотрение министру народного просвещения или в учебный комитет военно-учебных заведений. Пройдя все ступени бюрократической лестницы, работа, одобренная министром Е.П. Ковалевским¹, попала в комитет, члены которого пришли к выводу, что она представляет «весьма утешительное явление в нашей литературе, еще весьма небогатой живыми верными описаниями различных краев Российской империи и что написано оно подробным и глубоким знанием своего края»². Заканчивалось послание информацией, которую Иван Диомидович ждал больше всего. Н.В. Зиновьев³ сообщал, что Наследник изъявил согласие на посвящение книги, с условием, что после ее выхода один экземпляр будет преподнесен ему.

Испытывая финансовые затруднения, И.Д. Попко ходатайствовал о выделении некоторой денежной суммы вместо награды для издания книги. Ответом на эту просьбу стало выделение 350 р. серебром «из собственных сумм Его Высочества»⁴.

В конце 1858 г. в Санкт-Петербурге в типографии П.А. Кулиша⁵ увидела свет книга «Черноморские казаки в их граждан-

¹ Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867) – русский государственный деятель, горный инженер. Попечитель Московского учебного округа. В 1858–1861 гг. – министр народного просвещения.

² ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 2.

³ Зиновьев Николай Васильевич (1801–1882) – русский генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Почетный опекун учреждений императрицы Марии, в 1849–1860 гг. состоящий при великих князьях Николае, Александре и Владимире.

⁴ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 3–3 об.

⁵ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – украинский писатель, поэт, этнограф, переводчик, историк, критик и редактор. Один из крупнейших деятелей украинского просвещения.

ском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: в 2 ч.». В декабре 1858 г. Иван Диомидович получил бриллиантовый перстень с рубином. В этом же месяце Н.В. Зиновьев сообщал историку, что книга, преподнесена Наследнику в день его тезоименитства 6 декабря¹.

А в 1860 г. научный труд историка был удостоен половиной Демидовской премии и получил почетный отзыв Императорской Академии наук.

Книга была принята в обществе с большим интересом. Кроме распространения традиционными путями, в популяризации труда историка принимали участие его коллеги и люди, интересующиеся историей. Одним из них был директор департамента военных поселений А.И. Веригин², отправивший сочинение Н.И. Вольфу³, который в своем отзыве написал, что сочинение должно быть настольной книгой для интересующихся историей Черноморией, «с которой всегда полезно советоваться при обсуждении вопросов, касающихся казачьего быта»⁴.

Некоторым знакомым и друзьям Иван Диомидович лично отправлял свой труд, среди них были М.Я. Ольшевский, А.И. Барятинский⁵, Д.А. Милютин¹ и др.

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 4.

² Веригин Александр Иванович (1807–1891) – русский военный деятель, историк, генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер. Член Государственного совета.

³ Вольф Николай Иванович (1811–1881) – русский генерал-лейтенант, участник Кавказских войн. Член Военного совета.

⁴ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 13–13 об.

⁵ Барятинский Александр Иванович (1815–1879) – русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. В

Будучи потомственным черноморским казаком, Иван Диомидович озаботился распространением книги среди земляков. Некоторое количество экземпляров было послано им директору училищ Черноморского казачьего войска Н.С. Рындовскому². Кроме этого, Николай Семенович, сам приобрел определенное количество для себя, близких, друзей и для подарков ученикам, «отличившимся успехами в науках». Остальные передал «в гимназическую и пансионную библиотеки»³.

Став одной из первых изданных работ по истории черноморского казачества, труд И.Д. Попко явился одной из отправных точек для дальнейшего развития этого направления историографии. Обладание великолепным даром литературного слова позволило историку живо и ясно показать читателям многих поколений яркий облик казака-черноморца первой половины XIX столетия и всей Черномории в целом. Почти в любом исследовании по истории кубанского (черноморского) казачества можно встретить ссылки на это сочинение.

Трудно сказать, насколько значительным был вклад П.С. Лебедева в то, что книга И.Д. Попко увидела свет, но одно можно сказать точно – Иван Диомидович был очень благодарен главному редактору «Русского инвалида» за помощь. На-

1858–1862 гг. главнокомандующий Кавказской армией. Наместник на Кавказе.

¹ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, военный историк и теоретик. В 1856–1857 гг. и.д. начальника главного штаба войск на Кавказе. В 1858–1860 гг. – начальник главного штаба Кавказской армии.

² Рындовский Николай Сесенович (1817–1892) – русский педагог, историк и писатель. Директор училищ Черноморского казачьего войска и Екатеринодарской гимназии.

³ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 10, л. 8–8 об.

чинающий историк был небогат, поэтому в качестве благодарности он преподнес Петру Семеновичу достаточно обширную рукопись, на которую до сегодняшнего момента не ссылался в своих работах ни один исследователь жизни и творчества историка.

Первое и единственное упоминание о ней встречается в письме историка к В.Ф. Золотаренко от 27 марта 1858 г.: «Начало издания в свет Черноморских казаков пошло хорошо. Лебедев удружил... Но и я не остался в долгу у Лебедева. Пред праздником выслал ему, как сознаю, весьма недурную вещь: Русское управление в Карсском пашалыке в 1856 году»¹.

Предположив, что рукопись была опубликована в официальной газете Военного министерства Российской империи «Русский инвалид» Игорем Владимировичем Дубининым была предпринята попытка найти и атрибутировать ее. После запросов и поисков удалось определить, что статья была напечатана в 89, 90, 105, 148, 149, 166 и 167 номерах «Русского инвалида» за 1858 год. Она представляет собой довольно объемный труд, написанный в начале 1858 г. в ст. Тимашевской, которая стоит на берегу р. Кирпили, впадающей в Азовское море. Здесь И.Д. Попко находился какое-то время в доме отца после приезда из Санкт-Петербурга.

В отличие от «Отчета о состоянии Карсской области начальника Карсской области генерал-лейтенанта Ивана Попко»², представляющего собой официальный документ, охваты-

¹ ГАСК, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 183–183 об.

² *Отчет о состоянии Карсской области начальника Карсской области генерал-лейтенанта Ивана Попко 1878 г.* / публикация текста, предисловие

вающий период с 12 апреля по 30 мая 1878 г. и составленный в силу наложенных на И.Д. Попко административных обязанностей, «Русское управление в Карском пашалыке в 1856 г.» является этнографическими, дневниковыми записками, написанными молодым историком по недавним воспоминаниям и еще свежим впечатлениям. Потому, в отличие от официального документа записки написаны более живым языком. Текст эмоционально насыщен яркими оценками происходящего. Представления Ивана Диомидовича о событиях зачастую не совпадают с взглядом официальных властей. В центре исследования повседневная жизнь простого человека, его быт, верования, взаимоотношения в семье и обществе, отношения с властью и др. Данная работа является одной из первых, посвященных Карсу, его жителям и окрестностям крепости, написанная русским историком.

Автор разделил свою работу на четыре главы, причем первая и третья состоят из двух частей. Первые три части представляют собой, как упоминалось выше, этнографические заметки о жизни в Карсе и окрестностях. Они созданы на основе дневниковых записей молодого историка и наполнены его размышлениями о положении покоренного города, его жителях и их нравах, обычаях, судебной и школьной системах, отношении коренных жителей к приходу русской армии, необразованности местного населения, религиозным нравам и влиянию и на общество, народах, населяющих окрестности Карса и др.

Интересны его воспоминания о быте и жизни людей, посвященные совершенно обыденным вещам: жилищу, освеще-

нию, отоплению, земледелию, сенокосению, возке бревен, состоянию ремесел, традиционной мебели, соли, лесу, отношении к женщинам и др.

Как человек с государственным мышлением и большим административным опытом он размышляет о русских и английских мануфактурных изделиях в восточных регионах Османской империи; на кого из гяуров снисходительнее смотрят правоверные; как видоизменяется турецкая честность; о контрабанде у русской границе и др. проблемах. Делится с читателями своими познаниями в области управления новой территорией. В качестве подтверждения своих слов он пишет: «Один раз навсегда всепокорнейше прошу, принять к сведению, что в моих, окуранных порохом, заметках ни одного слова нет из воображения, все из чистой действительности. Пользы не вижу черпать из воображения, да и надобности в том ни малейшей не имею, при обильном запасе действительности. Выноска в предупреждение подозрения и нареkania в самохвальстве».

Касается он психологии и менталитета местного населения. Большой интерес представляют записки о методах и способах работы местных ремесленников. Рассказывает об этом с присущим ему тонким чувством юмора: «Русский человек работает иногда как-нибудь, – только-бы с рук сбыть; но работает он, по крайней мере, живо, и дело горит в его руках. Турецкий уста (мастеровой) работает решительно дурно, и, что хуже еще, работает невыносимо вяло и долго. В его ленивой пятерне дело едва-едва тлеет и дымится вставленным между усов и бороды чубуком. Этот, медленно поспешающий «уста», которого дыхание есть дым зелия, выпрь прозябающего, никогда не гонится за большой платой, но с особенной заботой выговарива-

ет себе сытную пищу, да в заключение работы, в виде финала сыгранной песни, какое-нибудь верхнее платье, чаще всего шальвары».

В качестве примера он приводит два случая. Первый связан с его хорошим знакомым Гейдар-эффенди – «старым мельником и разбитным балагуром», который рассказал историку про обновление своего конака (горницы), занявшее вместо недели более трех месяцев. Причем рассказчик не понимает почему Иван Диомидович отнесся к данному случаю с юмором – настолько мельнику это казалось обычным и естественным. Второй случай коснулся лично Ивана Диомидовича, когда его часы «а ля турка» сломались, и часовой мастер из местных чинил их ему целую неделю вместо одного дня.

Последняя часть посвящена одному событию, вызвавшему в душе Ивана Диомидовича воспоминания о своей юности, о первой любви и не сложившейся семейной жизни, о которой он жалел всю жизнь. В ней рассказывается о любви простого бедного парня Байрама и дочери богатого купца Райфы из Заришада. Об их неудавшемся побеге, после которого парню грозило жестокое наказание, и о том, как после вмешательства в дело И.Д. Попко, дело закончилось свадьбой.

Интересна небольшая эмоциональная отсылка в прошлое, сделанная им в процессе создания статьи. Судя по ней, это дело он воспринял как личное, потому что нашел параллели из своей юности, и помогал и себе тоже – себе из своих юношеских воспоминаний: «А там, за синевой тех дальних гор, мой дом, моя камышовая кровля... где и я, как ты, был молод, где и я, как ты... Но ты счастливее меня!».

Огромным плюсом произведения является то, что оно написано живым, литературным языком, с эмоциональной оценкой происходящих событий, что сильно отличает ее от официального документа.

И.Д. Попко увлекался изучением иностранных языков. В изучении некоторых он преуспел, а некоторые ему давались с трудом. Во время недолгого пребывания в Карсе он, по мере возможности, интересовался турецким языком, но не сильно преуспел. К своим познаниям в нем он относился достаточно критично, поэтому употребляемые им турецкие слова и выражения зачастую написаны с ошибками – он писал, как слышал. Авторы-составители постарались привести их в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Сноски автора * этим знаком.

Кроме этого, некоторые утверждения историка достаточно спорны и выражают его взгляд на видение проблемы, к примеру, имея в виду армян он пишет: «Армяне ничем не оттеняются от господствующего народа по одежде, приемам, привычкам, образу жизни, они те же чалмоносные османлы, даже в килису (церковь) ходят в чалмах. Говорят, они по-турецки и поют (если только поют иногда) турецкие песни. Это единственный, может быть, народ, у которого нет собственной песни, который вместе с отечеством утратил и поэзию». Авторы-составители не разделяют точку зрения И.Д. Попко на эту проблему. Следует отметить, что армянское население разных регионов империи и даже каждой провинции Армении имело свои обычаи, быт, форму одежды и свой национальный костюм (тараз)¹. С

¹ См.: Հ. Վարդանի վ. Հացուիւի, *Ճաշերն եւ խննդք հին Հայաստանի մէջ*, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1912 /**Vardan Hatsuni, Meals and Feasts in Ancient**

другой стороны, подобно другим подданным империи, армяне не могли не подвергнуться влиянию тех или иных обычаев доминирующего народа, тем более что это диктовалось политической правящего государства. Упоминание о том, что армяне с чалмой на голове заходят в церковь, по всей вероятности, является неким недоразумением. По поводу заявления И.Д. Попко о том, что «Это единственный, может быть, народ, у которого нет собственной песни, который вместе с отечеством утратил и поэзию», хотим сказать следующее: хотя армянский народ и потерял государственность, но он продолжал жить и созидать на своей родине, создавать искусство и поэзию¹. Тем более, что далее, развивая ее он продолжает: «Турки на улице, армяне у своего домашнего очага. В недрах семейной жизни они сохра-

Armenia, Venice-St. Lazarus, 1912/, **եօ յէ**, *Պատմութիւն հիւն հայ տարազին*, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1923 /*Illustrated History of Ancient Armenian Clothing, Venice-St. Lazarus, 1923/*, *Հայկական ավանդական տարազը (Armenian Folk Costumes)*, Հայաստանի պատմության թանգարան, Երևան, 2025 /*Armenian Folk Costumes, History Museum of Armenia, Yerevan, 2025/* и т.д.

¹ См.: *Հայ ազգագրություն և բնակչություն*, հտ. 1–26, ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 1970–2009 թվականներ /*Армянская этнография и фольклор*, т. 1–26, Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, изд. «Гитутюн» НАН РА, 1970–2009 гг./, Հայր ունի ինքնուրոյն երաժշտութիւն, **Կոմիտաս Վարդապետ**, Ուսումնասիրութիւններ եւ յօդուածներ, Երկու գրքով, Գիրք Բ. /*աշխատասիրութեամբ Գուրգէն Գասպարեանի եւ Մարինէ Մուշեղեանի/*, Երևան, 2007, էջ 83-93 /*The Armenian People Possess an Indigenous Musical Tradition, Komitas Vardapet, Studies and Articles in Two Books, Book II, edited by Gourgen Gasparian and Marine Mousheghian, Yerevan, 2007, p. 83-93, Ա. Աղասյան, Հ. Հակոբյան, Մ. Հասրաթյան, Վ. Ղազարյան, Հայ արվեստի պատմություն*, Երևան, «Զանգակ-97» հրատ., 2009 /**A. Aghasyan, H. Hakobyan, M. Hasratyan, V. Ghazaryan, The History of Armenian Art**, Yerevan, Publishing house «Zangak-97», 2009/, *Շիրու: Հայոց բնակչության մշակույթը*, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2013 / *Карс. Фольклорная традиция армян*, Ереван, изд. «Гитутюн» НАН РА, 2013 / и т.д.

няют свой природный язык, хотя и допустили вторгнуться в него множеству османлизмов. Сохранением языка и самой веры предков они обязаны грамотности. У них во всякой деревне школа, и мальчики начинают учиться грамоте по-армянски с пяти лет. Нигде так рано не сажают детей за книгу, потому что нигде так практически не рассчитывают, чтобы к тому времени как мальчик по возрасту сделается годен на какое-либо житейское дело, он уже отучился. И не в этом ли причина, что армянский мальчик не имеет живости и резвости своего возраста, что в десять лет он уже смотрит степенным, взрослым человеком, и что вообще армянин не бывает молод?

Замечательно, что турки, громя куполы на христианских храмах, оставляли без внимания школы. Прошли уже столетия, как звон колокола замолк в Армении, и в величественных храмах ее водворилось запустение, мерзость запустения на месте святе; но благодатное слово Евангелия живет в ней, пересаживаемое из поколения в поколение в утлых землянках школ...». Кроме этого, И.Д. Попко делает очень важное замечание о «христианских церквях, обращенных в мечети».

Делясь своими впечатлениями от турок, историк пишет: «Османлы добродушен и признателен, но только в пределах ислама; шаг дальше, при первой встрече с гяурами, он законно, положив руку на сердце, слагает с себя общечеловеческие нравственные обязательства. По крайней мере, досталось мне лично убедиться в этом...».

Печальное впечатление оставил у него повседневный быт турок: «... ничего не увидите, что могли бы без греха назвать удобным и опрятным в быту турецкого поселянина. ...Один вид этой посуды служит достаточной причиной, что завоевате-

ли Византийской Империя были грубые кочевники, и что по прошествии стольких веков они не далеко еще отодвинулись от первобытных привычек, от первобытной обстановки домашней жизни».

Все это делает «Русское управление в Карсском пашалыке в 1856 г.» ценным материалом эпохи, написанным непосредственным участником происходивших событий. Документ представляет собой огромную историческую ценность и позволяет посмотреть на некоторые проблемы более шире, взглянуть на них глазами не представителя высшей администрации, а человека, не ограниченного административными границами восприятия мира. Что в свою очередь дает более объемную картину жизни того времени в городе и его окрестностях. Позволяет объективнее взглянуть на жизнь людей их общественные связи и место в социуме, межнациональные отношения; административную, религиозную, образовательную, производственную и др. системы.

РУССКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАРССКОМ ПАШАЛЫКЕ В 1856 ГОДУ

(Из походных воспоминаний Помандруйко)

I

Положение покоренного Карса. – Турецкая неподвижность к улучшениям. – Жилища. – Женщины. – Освещение и отопление. – Мебель. – Невозможный для путешественников способ изучать чужой народ. – Ислам. – Ибрагим-ага. – На кого из гяуров¹ снисходительнее смотрят правоверные.

К концу 1855 года войска наши победоносно отошли за Арпачай², в пределы Эриванской губернии. На театре войны остался один только восьмитысячный отряд, опора русского управления³, учрежденного в Карсском пашалыке. Отряд расположился зимовать верстах в двенадцати от Карса, в чифтлигайском⁴ лагере, застроенном бараками еще с начала осени. В самом Карсе поместилось несколько русских офицеров, кото-

¹ Gâvur означает «неверный», «не мусульманин», оскорбительное слово, используемое в основном в Османской империи в отношении немусульман, в частности, христиан.

² Река Ахурян.

³ Карсская область была образована из Карсского и части Ольтинского пашалыков (областей) и делилась на три округа: Ардаганский, Карсский и Ольтинский (*Положение для управления Карсской областью, утвержденное главнокомандующим в 19-й день ноября 1855 года. Начальником Карсской области был назначен полковник Михаил Тариелович Лорис-Меликов // Акты, собранные Кавказскою археологической комиссией, Тифлис, 1888, т. XI, с. 167-168*).

⁴ В ноябре 1855 г. главная квартира русских войск находилась вблизи селения Чифтлигчай, находившегося на берегу р. Карс-чай, недалеко от крепости Карс.

рых доверие главнокомандующего призвало к управлению завоеванным краем. Над древней карсской цитаделью развевался русский флаг; у ворот ее сиял русский штык. С крутого берега Карс-чая поил коня казак.

Не мог быть для нас Капуей¹ этот старый турецкий город, над историческими седидами которого совершились кровавые судьбы стольких войн, и которому суждено было теперь выдержать упорнейшую семимесячную блокаду. Голодавшая турецкая армия вконец объела жителей. Во всем городе нельзя было найти ни одной курицы. От всех домашних животных оставались в живых только собаки, да и те были так изнурены, что уже не лаяли и едва передвигали ноги.

Те ж звери, да не те в великих столь бедах!

Один квартал лежал в развалинах. Он был разрушен турецкими солдатами, которые во время блокады добывали лес из домов на дрова.

В первые дни нашего водворения в покоренном городе хлеб, мясо, сено, дрова продавались на городском рынке очень дорого, часто выменивались на серебряные и другие украшения женской одежды. За батман (18 фунтов) пшеничной муки платили 50 гурушей (1 р. 50 к. сер.). Дрова продавались на вес. Полусгнившее сено выбиралось из старых постелей и выносилось на рынок в корзинах. В городе царствовало гробовое молчание. Жители, у которых было еще что-нибудь глотать втихомолку, не показывались на улицах.

¹ Имеется в виду город Капуя, расположенный в Италии в провинции Казерта области Кампания и не раз подвергавшийся разрушению со стороны завоевателей.

Первой нашей заботой было оживить рынок, усилить привоз и удешевить цены предметов первой необходимости. Вместе с тем мы не ленились отыскивать бедствующие семейства в их печальных убежищах, где уже несколько месяцев лежала холодная зола на очаге; мы являлись с пособием и утешением к угнетенным лишениями и посылами врачебной помощи больным, которых было много. Действиями чистосердечного человеколюбия мы не замедлили вызвать правоверных из их замкнутого положения и войти в их доверие. Город зашевелился, ожил. Даллалы (публичные крикуны) кричали по улицам добрые вести: «верблюды с рисом пришли из Эривани; курды пригнали скот из Кагызмана¹; караван с пшеницей идет из Арзрума». На минаретах раздались голоса мулл. Начались посещения, знакомства, деловые объяснения, и через месяц мы уже были между турками почти свои. Так вышло потому, что мы встретились с ними в горе.

Османлы терпелив и молчалив в нужде. Чем гнетущее нужда, тем крепче стискивает он зубы. Здесь дитя не плачет и мать не понимает; здесь целуют только ту руку, которую не могли отрубить^{*}. Но при нас дети доверчиво плакали к чужой матери. «Ага, курсак пропал: экмек давай, ахча давай»². Вот что мы слышали поминутно от детей, в прямом смысле этого слова. Кто учил их такому смешанному складу просительной речи, — аллах билир (Бог знает)³.

¹ Центр одноимённого округа (санджак) Карсского пашалыка.

^{*} Турецкая пословица.

² Kursak – здесь означает детская свистулька, екмек – хлеб, акçe – деньги.

³ Allah bilir.

Доступ к Карсу был труден. Глубокие снега покрывали окрестные горы и долины. Дороги были занесены метелями. Каменные туры, которыми еще с осени наши инженеры обозначили военную дорогу из Александрополя к Карсу, оказались в большой выгоде. Конечно, они стоят и донныне. Обитатель Карского пашалыка несмотря на то, что суровая зима царствует вокруг него четыре месяца, не знает саней, не знает меховой одежды, ни юфтевых сапогов. Как для лета, так и для зимы, у него один и тот же малорослый выучный ишак и одна и та же тяжелая араба, — что-то вроде больших носилок, положенных поперек вертящегося бревна, концы которого вправлены в два деревянные кружала. Как для лета, так и для зимы, у него одна и та же легкая аба, плащ-мешок с короткими рукавами. Прочитайте это слово обратно, все будет аба; выверните этот плащ наизнанку – будет та же самая аба. Как для зеленой муравы, так и для снеговых сугробов, у него одни и те же лапчины – лапти из легкой кожи. С такой слабой защитой он боится пускаться в борьбу против стихий и, как сурок, забивается на целую зиму в мрачное свое подземное жилье, где его согревают кизяк, тлеющий на очаге, и животная теплота, испаряющаяся от буйволов, коров, лошадей, ишаков. Четвероногие предаются печальному кейфу¹ вместе с двуногими под одной кучей земли, то есть под одной крышей. Там же под землей и запасы корма; туда же напускается и вода. Нападают на русского человека за излишнюю привязанность к наследственным привычкам и приемам; но что это в сравнении с турецкой привязанностью к наследственным неудобствам и к наследственно-

¹ Предаются печальному кейфу – предаются печальному отдыху. От глагола «кейфовать» – отдыхать.

му злу, от которого мыслящее существо сознательно и осязательно терпит! Неподатливость к материальным улучшениям происходит в нашем народе от недоверия к новизне, от нежелания быть выскочкой, или от нерешимости навязать коту на хвост колокольчик. У турок совсем не то; у них происходит она от усыпления умственных способностей, поглощенных наркотической уверенностью в чувственном блаженстве на том свете. Я правоверный; главное дело сделано: вечное наслаждение для меня обеспечено. Из-за чего ж, по эту сторону могилы, хлопотать слишком много? Пускай себе хлопочут злополучные гяуры; пускай они ищут потешиться несколько минут за вечный огонь, разведенный для них в джехеннеме¹... Вот мягкий одр, на котором покоится турецкий ум, как бы ни жестка и не беспокойна была его вещественная и нравственная обстановка. Кушай плод, и не думай о дереве^{*}. С другой стороны, выстрой только хоромы, да начни жить лучше других, тут на тебя и налетит всякая должностная галичь – мюдирь, субаши, кадий². Так лучше ж быть или казаться бесплодным деревом, в него никто не швырнет камнем.

В деревнях жилища имеют вид огромных кротовин; в городах – вид огромных ящиков. В противоположность своим хозяевам, всегда покрытым чалмой, папай или фесою, они не имеют крыши. Потолок, насыпанный землей в аршин толщины и больше, лежит между комнатой и небесным сводом. Земля под ногами, земля над головой: земля еси и в землю пойдеси.

¹ Cehennem – ад.

^{*} Буквальный перевод турецкой поговорки.

² Müdür – управляющий делами подчиненного народа по поручению имама, Subaşı – начальник войска, Kadı – мусульманский судья-чиновник, назначаемый правителем и вершащий правосудие на основе шариата.

Самые толстые из этих созерцающих звезды небесные поттолков имеют слабость пропускать течь. Спишь, бывало, и видишь во сне: весь пикет слез с коней да в холодок забился. До сада возьмет, раскроешь рот, чтоб хорошенько прикрикнуть, а тут вдруг что-то холодное и мокрое хватить по усам да по носу.

— Эй, что это тут, откуда вода?

— Большущий дождь на дворе, ваше высокоблагородие.

— Полезай наверх, посмотри там.

— Да чего же там смотреть? Кровать нечто передвинуть.

На этих искусственных лугах-потолках растет трава и пasetся барашек, обреченный для завтрашнего яхны¹. На них же после покоса ставятся стога сена. А тут рядом и дымовая труба. Нужды нет; не суждено сгореть, так не сгорит. По многим из них проложены нетерпеливыми пешеходами кратчайшие поперечные пути из одной бесконечной улицы в другую.

Такие безголовые дома в Карсе выстроены из камня, тесаного и нетесаного. Первый взят из развалин старинных сооружений Византийской Империи, а последний из свежих каменоломен. Причина необтесанности этого последнего заключается единственно в том, что он не побывал в руках грека времен Фоки и Копронима². В числе двадцати с лишком минаретов городских мечетей есть очень высокие и красивые издали. В числе двух тысяч домов есть много в два, и в три этажа. Но это — мрачные, неуклюжие громады, в которых не просвечивает никакой идеи архитектуры, которые не носят никакой физионо-

¹ Яхны — блюдо старинной казачьей кухни, в котором отварные бараньи ребра запекаются в духовке с обжаренными овощами.

² Византийские императоры: Фока правил в 602–610 гг., Константин V Копроним в 741–775 гг.

мии. Головы нет, какая ж тут физиономия? Первый этаж обыкновенно занят конюшнями и службами, которым у нас место во дворе. Во втором помещается хозяин и его «дом», то есть его жены. Третий обитаем только летом и преимущественно назначен для приема гостей. Этот последний этаж освещен большим числом окон, и окна в нем больше похожи на окна, чем редкие и узкие световые отверстия низших этажей. Вход свету и воздуху в женские покои почти воспрещен. Едва пробито несколько скважин в верхней части стены, под потолком. До них нельзя достать, чтобы выглянуть на улицу, если не подставить лестницы. А так как этого дерзкого орудия в числе степенной комнатной мебели не оказывается, то бедному любопытству и несчастному вашему кокетству, неудобозримые ханумлар¹, да будет, впрочем, пушист ваш пилав*! только и ходу, что из ворот да в воду. Вы называли нас удивительными скромниками, а мы все-таки подслушали, как вы расхваливали нашу моногамию, и с какой завистью говорили о свободе наших урус-ханумларын². Одно лишь невероятное почти обстоятельство вырвало у вас громкие ахи и хи-хи. Это обстоятельство относилось не к личности, но к туалету урус-ханумларын.

Воздух и свет не касаются женщины в Турции. Это парниковая луковица в огороде правоверия. Дома она отобщена от лучей и зефиров тюремными стенами, а на улице множеством покровов, окутывающих ее всю от маковки подрезанной косы до каблука желтой туфли. От того она много похожа на сирену,

¹ Hanımlar – дамы.

* Плов.

² Urus hanımların – русских дам.

к которой не будет стремиться предостереженный Улисс¹. С прекрасной головой соединяет она нескладное, заплывшее жиром, туловище, и когда идет по улице, воллага²! имеет вид движущегося мешка.

Окна задернуты деревянной решеткой, которая на зиму заклеивается бумагой, пропитанной маслом. Прищуренные глазки правоверных домов покрываются на зиму бельмом, потому что стекла и в помине нет. наших печей с закрывающейся трубой тоже нет, и можно вообразить, как это досадно русскому человеку, у которого ни под каким небом пар кости не ломит. По глухой стене устроен очаг, который имеет некоторый смысл, то есть разливает теплоту на некоторое от себя расстояние, пока горит в нем огонь. В таких-то мрачных и сырых жилищах бедовали мы зиму 1856 года. Правда, удалось нам открыть несколько ручных железных печей, которые были в употреблении у английских офицеров, состоявших при турецкой армии. Мы и прибегли к их теплотворному пособию. Но эти сильно накаляющиеся и быстро остывающие жаровни только больше располагали нас к простуде. Мы страдали кашлем и завалами в горле. Турецкие медики утешали нас уверением, что это неизбежная климатическая болезнь, специально свойственная карсской местности. Но, кажется, ни местность, ни климат тут не виноваты, а во всей вине жилища, несообразные с климатом и анохронистический способ их нагревания.

¹ Имеется в виду Одиссей, латинизированный вариант имени Улисс, царь Итаки, герой греческой мифологии.

² Vallahi – В тексте встречается «воллага» и «валлага». Судя по всему, имеется в виду «воллаги» – слово, означающее мусульманскую клятву именем Аллаха.

Комнаты меблированы нарами и неподвижными шкафами, или стоячими сундуками, прислоненными к стенам и углам. Некоторые решетчатые шкафы имеют такой странный вид, что, заглянув в них, удивляешься, почему не видишь там гусей. В больших домах, сверх нижних широких нар, протянуты вверху близко к потолку во всю длину стены узкие нары, с перилами в виде хор или театральных лож. Какие ж тут задавались спектакли? Но что за нескромный вопрос? Довольно знать, что все эти мебельные сооружения порядочной столярной работы, с резьбой и раскраской. Резьба и раскраска представляют арабески с множеством новолуний, по всем щелкам заграждающих вход, вы думаете, сквозному ветру, нет, — шайтану¹. В женских покоях, в углу, около плотной двойной двери стоит деревянная будка, в которой несколько человек могут свободно стать и лечь. Некоторым из нас пришлось поместиться по обыкновенной превратности судеб именно в женских покоях домов, оставленных хозяевами. Мы никак не могли отгадать назначения этих комнатных будок, пока один чалмоносный и вместе с тем панталононосный приятель, либерально куривший папиросы вместо законного чубука, и любивший подчас, чего ж тут таиться, дело прошлое, любивший помочить правоверные усы в гяурском роме², пока этот приятель не объяснил нам с лукавой улыбкой, что это... Что это, гамам (мыльня)³.

¹ Şaytan – дьявол.

² Крепкий алкогольный напиток.

³ Намам – баня.

В помещении английского генерала Вилльямса¹ стены двух комнат были обклеены картинками из английской иллюстрации. То же самое, говорят, встречалось в Крыму, в бараках англичан. Стало быть, это что-то у них общее.

Древние стены Карса, христианские церкви, обращенные в мечети, мнимороскошные бани, мрачно обширные караван-сарай, пестрые, как ситец, базары, с грязью и зловонием, тесные и кривые улицы, по которым русскому тарантасу так же неудобно проехать, как верблюду сквозь игольное ушко пройти, все это такие вещи, которые могут видеть и описывать путешественники. Мы были поставлены на чужой стороне в такое положение, в какое никогда, и никакие путешественники попасть не могут: мы были поставлены в непрерывную возню с нуждами и страстями, с добрыми и дурными свойствами османского народа. Посредством такого, можно сказать, домашнего положения, народ изучается, конечно, лучше, чем посредством изысканной туристической наблюдательности, которая скользит по поверхности народной жизни и так часто оступается в лужи промахов, откуда брызги летят ей прямо в глаза.

Ворону спросили: какие самые прекрасные птицы? Она отвечала: мой вывод – это турецкая аллегория, как видите, очень умная. При всем этом если бы спросили турка: какие самые

¹ Сэр Уильям Фенвик Уильямс (Вилльямс) (1800–1883), 1-й баронет Карский (с 18 июля 1856). Британский военачальник, был британским комиссаром в Анатолийской армии. С началом Восточной войны формально перешёл на турецкую службу в чине ферики (генерал-майора) и во время осады Карса русскими войсками командовал обороной крепости. Холод, холера, голод и отсутствие внешней помощи вынудили его 16 ноября 1855 года капитулировать. Перевезённый в качестве военнопленного сначала в Тифлис, а затем в Рязань Уильямс (Вилльямс) в 1856 году был освобождён и уехал на родину.

лучшие люди, он отвечал бы: османлы. Почему? Аллага шукюр¹, потому что они мусульмане. В соразмерность с этим предпосланным условием нравственные достоинства турок, как и чтимая ими луна, бывают видимы настолько, насколько захватывает их свет господствующего светила, и это светило – ислам.

Османлы добродушен и признателен, но только в пределах ислама; шаг дальше, при первой встрече с гяурами, он законно, положив руку на сердце, слагает с себя общечеловеческие нравственные обязательства. По крайней мере, досталось мне лично убедиться в этом, и убедиться презанимательным образом.

Обитал я в третьем этаже почетнейшего дома в Карсе, дома, над главным входом которого были прибиты буйволодые рога. Дом с рогами, какая жалость. Ну, вот уж и жалость, слова нельзя сказать, как будто вашим гяурским предубеждениям и здесь может быть место. Будьте покойны: правоверный дом вооружился рогами единственно для обороны от рогоносца-шайтана. Мой хозяин муфти-зада², то есть сын муфтия, Ибрагим-ага, да будет дымен чубук его! с умом и обширной грамотностью соединял редкое добродушие. Не знаю, чем я ему особенно угодил, но только он питал ко мне удивительное расположение. Мало того, что каждое утро навещался он ко мне с вопросом: кейфин насыл³ (каково здоровье)?; мало того, что каждый раз, как уезжал я преследовать разбойников на караванных дорогах, напутствовал он меня добрым советом и доб-

¹ Allah şükür – Слава Богу.

² Müftü zade. Müftü – высшее духовное лицо, являющееся религиозно-юридическим авторитетом по вопросам шариата. Zade – сын.

³ Keyfin nasıl ? – Как настроение?

рым пожеланием, он разрешал своим ханумам (супругам) прислать мне пилав и каймак¹, а один раз присланы даже были мне от них женские туфли великолепной истамбульской работы, что и поставило меня в такое недоумение, которого не мог разрешить сам призванный на совет, старший баш-кятиб² (письмоводитель), тоже Ибрагим, только не Ибрагим-ага, а Ибрагим-эфенди, да будут равно светлы слог его кегатов³ (бумаг) и самовар, который я подарил ему на прощанье! Достопочтенный Ибрагим-ага почти всякий вечер, в четвертом часу, по-нашему в одиннадцатом, когда мои дневные дела были кончены, и уже все около меня храпело по-русски и по-турецки, поднимался к моей горной обители, мерно отхлопывая туфлями по ступеням лестницы, отворял потихоньку дверь и, просунув голову с дымящимся янтарем у бороды, произносил вполголоса: юхум гяльды-мисик⁴ (пришел ли)? Вслед за отрицательным ответом, освобождал он ноги от туфель, входил по-кошачьи и усаживался на ястых⁵ (продолговатой подушке). И приятельская беседа тянулась до тех пор, пока на второй вопрос: сон пришел ли? не следовал ответ: пришел. Кому неизвестно, какое отвращение питают турки к болтовне в обществе и как они лакомы к беседе в тихом уголку, под дымок двух чубуков? Да, у них от сердца до сердца существует мост; у них говори только мед, мед, и на душе будет сладко*. Нельзя похвалиться, чтобы наша беседа с Ибрагимом-агой лилась быстрым потоком. Я

¹ Kaymak – сливки.

² Baş kâtib – секретарь.

³ Kağıt.

⁴ Yokum geldi mi ?

⁵ Yastık.

* Пословица.

часто не понимал целой четверти фразы моего собеседника и дополнял ее способом, преподаанным в арифметике для отыскания четвертого неизвестного, а мой собеседник еще чаще не досчитывался многих слов в моей фразе, и употреблял тот же способ дополнения.

Так или иначе, но мы понимали один другого, и предметы, скопившиеся для разговора, тем медленнее истощались сквозь тесный шлюз. Чтоб определить степень доброжелательной искренности Ибрагима-аги, довольно упомянуть, что он сообщал мне даже о доносах, исподтишка отправляемых на нас в Арзрум. Впрочем, это были секреты, шитые белыми нитками, и нас они нисколько не тревожили, потому что, говоря, по совести, мы ни на минуту не уклонялись с честного пути долга и порядка. В одну из самых поздних и душевных бесед, Ибрагим-ага смотрел, смотрел на меня и, потянув из чубука с особенным напряжением, говорит:

— Жаль мне тебя: в худом ты положении.

— На хабар¹, Ибрагим-ага, не затевается ли что-нибудь недоброе против нас?

— Нет, ничего не затевается, а я так, вообще говорю. По мне ты хороший человек, а между тем самый последний негодяй в законном праве сделать тебе всякую гадость. Это только на сем свете; на том же, сам, может быть, знаешь, что ждет тебя на том свете. Но там Божье дело; здесь же, будь уверен, вот тебе моя рука, не только, чтобы сделать что-нибудь, я даже не подумаю ничего худого против тебя, все равно как бы ты был правоверный...

¹ Ne haber – Есть новости?

В этих удивительных словах всплыло наверх глубоко сидевшее в сердце доброго мусульманина соболезнование к моему нравственно незащитному положению, или гяурству.

Из всех гауров, кажется на русских, турки смотрят наиболее снисходительно. Говорю это, собственно, о народе. «Чему нас учат англичане и французы, тому учились бы мы охотнее у вас», – вот что случалось нам не раз слышать от степеннейших граждан Карса. Во все время нашего управления в таком пашалыке, куда еще цивилизация не думала и близко подходить, не было ни одного неприятного столкновения между нашими и турками. Хорошо начали, хорошо и кончили. В частую даже случалось видеть нашего казака, дружески сидящего с турком на завалине и, по-видимому, беседующего. Казак знал только три азиатских слова, и то не турецких: гайда, яман, якши¹. Османлы знал то же самое число русских слов, а именно: хорошо, работай, дурак*. И беседа шла.

О чем у них и что бывало разговору.

Иль присказок, иль шуточек каких,

И как беседа шла у них –

Я по сию не знаю пору.

Да на что же у русского человека десять пальцев на руках и на сто десять случаев сноровка!.. Англичан османский народ не любит за их холодное и высокомерное обращение, а французов не уважает за их излишнюю иногда живость и легкость. Мы держим средину. За нами только и вины, что иногда того, – щелчок по воротнику, – да что в бою все лезем нагрудки и на

¹ Naydi – ну давай же, yaman – удивительный, ошеломляющий, сногшибательный, уahşı – хороший.

* У турок есть собственное имя «Дурах».

штык, как будто б иначе и нельзя было драться. Странные люди эти турки, что в райке¹ летят как чурки: кто их больше колодил, того они сердечнее помнят. Очень часто и очень охотно заводили они похвальную речь о Совар-дженерале и Паскев-дженерале².

Я твой султан, я твой раб. – Как видоизменяется турецкая честность. – Писанный лоб. – Мулла³, школьный учитель. – Махмуд-уста⁴. – Прение о железных дорогах. – Куда надобно целить, чтоб попадать. – Борьба здравого смысла с суеверием.

Османлы, завоеватель Византийской Империи и последователь «несомненной веры», его дед и прадед в раю, и он сам на дороге туда же, османлы щекотлив и горд по-своему. Эти,

¹ Жанр народного зрелища, основанный на показе иллюстраций в специальном ящике с устным, чаще рифмованным комментарием исполнителя. Также раек называли «потешной панорамой».

² Совар-дженерале и Паскев-дженерале. Можно предположить, что под «Совар-дженерале» упоминается Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – русский военный и государственный деятель Российской империи, дипломат. Главнокомандующий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Командующий Отдельным Кавказским корпусом с 1816 по 1827 гг. Под «Паскев-дженерале» – Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856) – русский полководец, государственный деятель, дипломат. В 1827–1831 гг. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и командующий Каспийской военной флотилией. Главнокомандующий гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области. Под его командованием российские войска взяли Карс 23 июня 1828 года.

³ Molla – исламский священнослужитель, знаток Корана и религиозных обрядов.

⁴ Usta – специалист, мастер.

как и многие другие, качества придавлены в нем господствующими нравами и господствующим образом правления, но, тем не менее, они действительны. В одно подлинно прекрасное утро, теперь столько поддельных прекрасных утр, сижу я у открытого окна моего высокого жилища и люблюсь видом на близкие минареты города и на вершины далеких гор. Прошел даллал с крикливым объявлением о пропавшем теленке. Через несколько минут раздался крик в другом роде. Опускаю глаза вниз и вижу драку между двумя молодыми мусульманами. Один из бойцов был рослый и плечистый детина; другой имел вид менее воинственный, но обнаруживал больше задору, ругался во все горло и налезал на своего противника то с той, то с другой стороны. Широкоплечий здоровяк ограничивался хладнокровной обороной на ругательства, на самые неумеренные отвечал только: ялан, ялан¹ (ложь, ложь), и на петушиные нападки давал слегка сдачи, от которой нападающий откатывался на целую сажень. «Ирмени оглы ты², – сын армянина», – вскричал, наконец, задирака, отбитый в последний раз и уже начавший отступление. Здоровяк мигом вскипел, тигром ринулся на противника, смял его под себя и там же вытряс бы из него душу, если б не явился на поле сражения мой Семиглазов³ с нагайкой. «А вот тебе, вот тебе, облом ты этакой! Лежачего нечто бьют...».

Не поношение открытой бранью, а сопричтение в родню поработенному и неправоверному племени, вот что преврати-

¹ Yalan, yalan.

² Ermeni oğlu.

³ Евтей Семиглазов – соратник Ивана Попко.

ло так мгновенно великодушное хладнокровие в неистовое бешенство.

В знакомстве и в обхождении со сторонним человеком, в котором нечего искать и которого нечего бояться, османлы вполне оправдывает свою пословицу: «не окажешь ты мне внимания, я твой султан; почтишь меня, я твой раб». Вот почему для снискания откровенности и истинной приязни турка необходимы, прежде всего, внимание и радушие к нему. Внимание, в чем бы оно ни выражалось, особенно размягчает и вытягивает наружу съезженную и глубоко запрятанную душу османлы. Мы много брали тем, что учились по-турецки, и могли обмениваться турецким словом с нашими временными согражданами, что пили кофе из «финджянов»¹ (крошечных чашечек), встречали гостей с «ясаком» (приложением руки ко лбу) и угощали их чубуком чисто по турецкому этикету. Церемонии, существующие в нашем народе для чарки, существуют у турок для чубука. Один раз мне посчастливилось так хорошо принять гостей, что сам их корифей, ронявший слова на счет, как бы они были червонцы высшей пробы, воскликнул: «Иншаллах² (даст Бог), скоро вас нельзя будет отличить от османлы!». Такого комплимента, я уверен, не достаивался никто из англичан, хотя и имели они все полное на него право.

Может быть, потому что османлы горд, он правдив и честен; но и здесь он правдив и честен по-своему, то есть до тех только пор, пока не поставлен в случай брать взятки. Турок в частном положении и турок в должности это две совершенно различные личности, чтоб не сказать даже две различные

¹ Fincan.

² İnşallah.

натуры. Для должностной личности «слаще дареный уксус, чем купленный мед». Сколько нам было хлопот с олицетворениями этой турецкой истины! Главный карский кадий¹ был прекрасный человек, человек редкой терпимости к гяурам и замечательной развязности в суждениях; но и он платил тайную дань слабости, предпочитающей уксус меду. Редко даже от нас уходил он, не выклянчив косвенно какой-нибудь вещицы, хоть глиняной трубки, или коробочки спичек. В откровенных разговорах с людьми недолжностными мы слышали беспощадную хулу на правоверные власти и великодушную похвалу нашим «забитам»² (начальствующим лицам). «Мы знаем, – говорил какой-нибудь Хаджи-ага, – «что у вас не так, как у нас: если сто раз придешь к забиту с пустыми руками, тебе все будут говорить: эфенди³ почивает, а если один раз придешь да принесешь, тебя в ту же минуту попросят очень благосклонно: войдите к эфенди». Турки вообще такого мнения, что у них народ лучше высшего сословия, а что у нас наоборот.

В каком-то сочинении сказано об османском народе: это грубая, но честная натура. Делая конечный вывод из нашего тесного знакомства с потомками Османа, можем сказать: это хорошая сама по себе, но искаженная религией натура. В этой тяжелой и тяжело покрытой голове преобладающая способность – здравый смысл, способность сама по себе уже не блестящая, не сыплющая искрами и не выдумывающая пороку, как остроумие и глубокомыслие, а сидящая в тени на задней лавке,

¹ Kadı – судья, назначаемый из числа высокопоставленных священнослужителей для рассмотрения гражданских и уголовных дел в соответствии с шариатским правом.

² Zabit.

³ Efendi – господин.

пригорюнившись, пока не затронет ее дело. На беду турок, она у них еще приглушена обухом ислама. Был вот какой случай.

По занимаемой мною должности, объезжал я Кагызманский Санджак. В один июньский день, взяв направление от Аракса к Соганлукскому Хребту¹, я проехал шесть сагатов² (часов) по глубокому и совершенно пустынному ущелью Каранлых-Дара (овраг тьмы). При закате солнца выкарабкиваюсь, наконец, из этой дикой трущобы, и, по избитому выражению, изумленным глазам моим представляется очаровательная местность, облитая последними пурпуровыми лучами вечернего солнца. На высоте, обчеркнутой с трех с половиною сторон страшными скалистыми оврагами, лежат развалины замка, до пороуху неодолимого. Из развалин уцелели две-три башни, ворота и небольшая, но прекрасной архитектуры килиса³ (церковь). Камни ее стен и купола от времени слились в бронзу колокола. Среди этих печальных остатков бывшей христианской твердыни, может статься, монастыря, помещается не деревня, а что-то постарше, как бы наш посад, Гечеван⁴. В Гечеване медресе⁵ (школа) и мулла грамотей на весь околоток. Здесь я должен был ночевать и, встреченный юзбашем⁶ (старшиной),

¹ Utđruşu ğınlıġı (горы Мецрац). Соганлукские горы в ряде мест представляют собой топи, на коих растет дикий лук, усвоивший этому хребту и самое название; на татарском и турецком наречиях суган значит лук, суганлы или суганлу – луковый (см.: Ушаков Н.И., *История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах*, ч. 2, СПб., 1836, с. 89, **Цѣркви Ѡ.**, *Цѣрквиши, Чѣтѣнѣлѣ*, 1890, ѡ 70 (Алишан Г., *Айрарат, Венеция*, 1890, с. 70).

² Saat.

³ Kilise.

⁴ Кечван, крепость, центр одноимённого округа (санджак) Карсского пашалыка.

⁵ Medrese.

⁶ Yuzbaşı.

заехал к нему в дом. «Мой дом – твоя конюшня», – вот приглашение, которым почтил меня юзбаш и которым, пожалуй, придирчивый к словам человек мог бы обидеться. Следуя своему правилу, я, как только вошел в конак¹ (комнату), сбросил фуражку и кафтан, и надел на голову фесу, с штаб-офицерским пюскюлем² (кистью), а на плечи – красивую вышитую шелками куртку. В таком привлекательном для моих хозяев наряде уселся я подле очага, совершенно а-ля-турка, и с подобающей важностью закурил из длинного, как уланская турецкая пика, чубука. Между тем, мой проворный кафенджи³ поставил на очаг кофейник и разместил по резной загнетке финджяны с серебряными подставками. Просто луна и звезды! Юзбаш Махмуд-эфенди был очень рослый турок, с открытым, добрым и умным лицом. Сложив почтительно руки на широком поясе, он взял смелость доложить моему высокостепенству:

– Каймакам-ага⁴, прикажи подать мой домашний (то есть приготовленный женскими ручками) кофе.

– Нет, Махмуд-эфенди, сперва я угощу тебя моим походным кофе, а потом не откажусь от твоей хлеба-соли.

– Сен беюк син⁵ (ты начальник, то есть воля твоя).

– А это что за мальчик?

– Это мой сын Джаффар.

– Гяль бурья¹, Джаффар-джан² (поди сюда, Джаффар-душенька).

¹ Konak.

² Püskül – кисть или декоративный элемент из нитей, обычно присутствующий на погонах, одежде или аксессуарах.

³ Kahvesci – кофейный торговец, продавец кофе.

⁴ Kaymakam – глава администрации, начальник казы.

⁵ Sen büyük sen.

Ко мне подошел мальчик болезненного вида и хилого сложения. Бледный лоб его был весь исписан по-турецки. Выдавшиеся из последней строчки длинные хвосты букв аин и гаин пришились как раз к бровям и образовали рога, какие случается видеть над окнами домов шайтанобоязливых мусульман.

– А кто это так исписал ему лоб?

– Мулла прописал сегодня молитву от головной боли. У него часто болит голова и на грудь, бедняжка, припадает. Джаффар первый ученик в школе, и уж что за прилежание! Даже дома книги из рук не выпускает. Коран читает от доски до доски и, вот уж с месяц начал писать. – Последние слова произнесены были с особенным выражением родительской гордости.

– Эй, аслан син³, хороший ты мальчик, Джаффар. Учись, учись, кятибом⁴ будешь.

– Нет уж, Бог с ними, с кятибами. Какие это люди! Фыренсыз-палтар⁵ (французские панталоны) носят, ром пьют, как воду, честного уруча⁶ (поста) не держат, и у бедного человека готовы вырвать из души последний гуруш. Мой сын будет муллой.

– И то хорошо. Прочитай же ты мне что-нибудь, кючюк-мулла⁷ (маленький мулла).

¹ Gel buraya.

² Can.

³ Aslan sen – Ты лев.

⁴ Kâtib – секретарь.

⁵ Fransız pantolonlar.

⁶ Uruça.

⁷ Küçük molla.

Мальчик бросился к полке, снял оттуда книгу, стал возле меня на колени и затащил в нос визгливым и дребезжащим, как звон треснувшего колокольчика, голосом. Остановив печальное чтение на третьем стихе, я отпустил похвалу чтецу в самых лестных выражениях и наградил его великолепным «девизом» – медной чернильницей, с длинным хвостом, которым затыкается она за пояс. Потом, лицемерно отозвавшись о писании на лбу, как о хорошем средстве против кефалопонии¹ и подогнав не совсем близко турецкое изречение: «что у тебя написано на челе, то над тобой сбудется», – я предложил отцу нелицемерный совет дать бедному мальчику отдых от ученья, хоть на недельку. Высокое каймакамское благоволение к сыну-грамотею усугубило радушие в отце-юзбаше. С сияющим лицом вышел он из комнаты, как полагаю, усилить приказания на счет пилава и кебаба. Грустно мне стало от этого лба, исписанного лапою суеверия. Я начал ходить по комнате и тут только обратил внимание на ее красоты. Потолок и стены были облицованы столярной работой заново. Резьба и раскраска были очень хороши. Чисто и даже нарядно. Однако все не то, что у нас на Кубани. Четыре стены выбелены по глине без прикрас и узоров, да в них веселые окошечки. Краше хата, которая улыбается, чем конак, который хмурится. Лишь только встало весеннее солнышко, и вот уж оно в укромной казацкой светелке. Один луч скользнул по винтовке на гвозде; другой озолотил пар раннего самовара на столе. А в эту минуту, как сумерки сгустились по углам, – завтра ведь воскресенье, набожная рука затеплила звездочку пред благословеньем моей доброй матери...

¹ Тяжесть в голове.

- Ага, мулла и общество пришли; прикажешь ли войти?
- Боюр¹.

Любопытно взглянуть на этого зверя, что пишет вздорные эпитафии на разумных черепах только что начинающих жить людей. И уже гадкое чувство шевелилось во мне против автора рецепта, изложенного на лбу бедного Джаффара. Да, это было предчувствие встречи лицом к лицу с безобразием мусульманского суеверия. Вошли старики и молодые, вошли одетые нарядно и бедно, а впереди ввалился толстый, с жирным лицом и красными жилками на белковине глаз, мулла. Мы уже были довольно наметаны в оттоманском этикете, чтоб знать, кого попросить сесть, кого оставить на ногах. Много намотано на голове, есть седина в бороде – боюр отур², прошу садиться; бедно одет, незаметно белизны на бороде – стой, сложа руки на поясе, и открывай рот для одних только раболепных: «бели; башуста; сен беюк син»³. Распределив посетителей на овец и козлиц, на сидящих и стоящих, и приказав подать первым кофе и чубук, я обратился к мулле и похвалил подъемлемые им труды на распространение просвещения. Голосом неприятным, выходящим не настроенной квинтой из горла, как это бывает иногда у людей жирных, он отозвался:

– Да, у меня их десятков до трех наберется; есть даже несколько мальчиков из Кагоцмани⁴.

– Много ли получаешь, имам-эфенди, от воспитанников за ученье?

¹ Buyurun – милости прошу.

² Buyur otur.

³ Belli baş usta, sen büyük sen – О великий мастер, сколь вы велики !

⁴ Кагзван, Кагызман.

– Положено, чтоб каждую джюму¹ (пятницу) мальчик приносил два гуруша (десять коп. сер.); но много таких, что приносят только по одному, хоть кол на голове теши. Недоимки больше, чем наличного дохода.

При этом имам враждебно посмотрел на стоявшего близко к нему старика, у которого шальвары были покрыты заплатами, но за поясом торчал чубук.

– Употребляется ли у тебя в школе феллаха² (варварское орудие наказания мальчиков по пяткам)?

– А как же? Без феллахи разве может существовать медресе? Не виси феллаха на стене, мальчики что будут делать? Будут дремать, либо бодать указками один другого.

Считая неуместным восставать против зеркала медресе, я уплатил остальную дань схоластическому самолюбию чалмонского ментора, и повернул речь к аксакалам³, к седым бородам.

– Каков рост хлебов? Каковы сенокосы?

– В сенокосах, Ага, мы стеснены: курды забижают.

– Вы стеснены в сенокосах? Да, вот сегодня я шесть часов ехал по Каранлых-Даре: трава сплошь в пояс и нигде даже не примята, не то, чтобы покошена.

– Ты ехал по Каранлых-Даре? Аллах-эжбер⁴, да там то и самые шалости от курдов, туда-то мы и носа не показывай¹.

¹ Cuma.

² Falaka.

³ Aksakal – почетный старец, старейшина.

⁴ Allah akbar – это священная фраза в исламе, означающая «Аллах Велик» или «Аллах Величайший».

– Однако по всей длине ущелья я не заметил и тени того, что умные люди говорят: где проедет курд, там трава не растет. Завтра вы сами можете в этом удостовериться. Приготовьтесь на утро – у кого есть лошади и оружие, мы проедем по Каранлых-Даре, и пусть только попадетсЯ нам какой-нибудь гарамзада² курд...

– Да что пустяки толковать? Какое у нас стеснение в сенокосах? Как бы все то нам доставалось, чего мы хотим, всякий факир³ был бы пашой. Слава Богу, довольно с нас и того, что к стороне Баба-Дага, – отозвалось вдруг несколько голосов из восседающих и предстоящих, каковые голоса, по всем вероятностям, принадлежали тем особам, у которых были лошади и оружие...

— Прекрасный у тебя дом, Махмуд-эфенди, – замял я речь, обращаясь к хозяину. – Какой это уста (мастер) работал?

— Бен кендим яптым⁴ – я сам сработал. — Отвечал хозяин с самодовольством. — Я не только столяр, я кузнец и тележник, и бардахчи⁵ (ведерник), и бачахчи⁶ (ножевщик). Мне стоит только взглянуть на что бы то ни было, тотчас перейму и сделаю, не даром же мне дал народ прозвище Махмуд-уста.

— Где же ты учился, Махмуд-уста?

— Нигде я не учился, ага; самоучкой до всего дошел.

¹ Носа не показывать (фразеологизм) – не посещать какое-либо общество или место. Иван Диомидович Попко обратился к разговорной лексике, используя выражение «туда-то мы и носа не показывай».

² Haramzade – ругательское слово означает «ублюдок», «незаконнорожденный» или «подлец».

³ Fakir – бедный.

⁴ Ben kendim yaptım.

⁵ Bardakçı.

⁶ Bıçakçı.

— Честь тебе и хвала, но, если б еще поучился, так из тебя бы вышел усталарын-уста¹ (мастер мастеров).

— Пожалуй, если б поучился, да если б еще поучился у ингилизов (англичан)...

— Гарам сейлер-син², постыдное говоришь ты, Махмуд-уста, – глухо прорычал мулла, – нам-ли правоверным, учиться у ингилизов³.

— Да видно, что приходится учиться, – воскликнул добряк Махмуд-уста, — ходит же слух, что и на нашей земле падишах собирается построить эти темир-йоллары⁴ (железные дороги), по которым огненная коляска* летит сама собой, без лошадей, как кумбара⁵ (бомба), да еще за собой тащит целый караван араб, кто говорит пятьсот, кто говорит пять тысяч; агаджан⁶, видал ли ты эти железные дороги?

— Видал и ездил по ним.

¹ Ustaların ustası.

² Haram söylersen.

³ Имеет в виду англичан.

⁴ Demir yolları. Железная дорога строилась после присоединения Карсской области к Российской империи. Об этом смотри: Соня Мирзоян, Джандан Бадем, Постройка железной дороги Тифлис – Александрополь – Карс (1895–1899), https://www.academia.edu/7068785/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B0_%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8_%D0%A2%D0%B8%D1%84%D0%BB%D0%B8%D1%81_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%81_1895_1899

* Наше слово, получившее в турецком языке право гражданства для обозначения всякого экипажа на четырех колесах.

⁵ Kumbara.

⁶ Ağa san – мой господин.

– Башуста¹, пожалуйста, растолкуй ты нам, как их делают. Я часто заберу себе в дурную голову и начну думать да раздумывать, и так и этак, все хочу представить и объяснить себе это диво, да просто ум за разум заходит.

Я начал объяснять устройство железной дороги и паровоза, упругость и богатырскую силу сжатого пара. Щипцы, чубук, кофейник – все было призвано на помощь моему объяснению. Махмуд-уста слушал жадно; глаза его светились, усы отделялись от бороды; из открытых настежь уст поминутно и на разные тоны вырывалось «бели, бели»² – так, так. Это «бели, бели», с каждым повторением произносимое громче и певучей, служило удостоверением, что в широком смысле в турецкую голову хорошо укладывались и рельсы, и котел с замкнутым паром, и поршень с движущей силой. Между слушателями тоже заметно было возбуждение любопытства и удивления. Аллах и башуста вторили иногда с их стороны восторженному «бели, бели» Махмуда-усты. Один мулла сидел молча, надувшись, как мышь на крупу, и перебирал четки с невозмутимым спокойствием. Я кончил словами:

– Ты, Махмуд-уста, как смысленый ремесленник, вдруг бы понял эту машину, если б рассмотрел ее собственными глазами, и то, что за глаза кажется тебе слишком мудреным, нашел бы ты на деле довольно простым.

– Но, агаджан, каким способом дошли до этого ингилизы?

– Дошли они до этого и до многого другого тем, чем Бог отличил человека от буйвола и ишака – умом да наукой.

¹ Baş usta – главный мастер.

² Belli, belli – ясно, ясно.

Махмуд-уста посмотрел значительно на муллу; мулла издал звуки, похожие на кашель, и, покачнувшись на обе стороны, молвил:

– Не во гнев тебе, каймакам-ага, они дошли до всех хитростей с помощью шайтана, без него бы не дошли.

– Напрасно так думаешь, имам-эфенди, в подобных делах шайтан не помощник; он помощник и подстрекатель только в худых и вредных делах. И у вас, и у ингилизов шайтан одинаков – враг и недоброжелатель человеку.

– А разве железная дорога доброе дело?

– Да, это дело доброе, потому что полезное. Будь, примером скажем, железная дорога отсюда до Арзрума (полтора ста верст). Сегодня, после вечернего намаза, ты обелуешь барана, а завтра, чем свет, мясо этого барана будет уж продаваться на эрзрумском базаре. При такой быстроте сообщения тебе за барана заплатят дороже, мясо его продадут в Арзруме дешевле. Стало быть, и тебе больше дохода от стада, и бедному рабочему в городе меньше расхода на пропитание. Какое ж, посуди сам, удовольствие лиходею шайтану встравать в такое хорошее дело?

– Не знаю, как у вас, а у нас известно, что шайтан берется за разные услуги человеку, чтоб только вернее закабалить его в свою власть.

– Если б шайтан брался за такие дела, как железные дороги, в таком случае дела эти делались бы очень проворно, даже мгновенно. Нечистый столько силен, что с третьих петухов бы начал, а к свету представил бы человеку и железную дорогу, и огненную коляску в полной исправности. Вот тебе на, багор гятыр – изволь, кадий, да не зевай только, правь хорошенько!

Совсем не то, однако ж, бывает на деле: один человек учится и трудится целый свой век, да только начнет; другой примется продолжать начатое, и его веку не станет; да уж третий разве доведет машину до ума. Соком, как изволишь видеть, достаются человеку эти выдумки, и никакая сверхъестественная сила не приходит к нему на помощь.

– Хорошо: если ингилизы¹ сочиняют машины одним умом, без всякой помощи шайтана, так от чего же не сочиняют их другие умные люди, у которых больше веры, чем у ингилизов, например, вы или мы?

– На это скажу тебе, имам-эфенди, вот что: у тебя в школе до тридцати учеников. Положим, что я зашел в школу и попросил тебя заставить почитать одного, другого и третьего ученика. Один будет читать хорошо, другой хуже, а третий и вовсе плохо. Я спрошу тебя: от чего мальчики не одинаково читают? Ты скажешь: от того, что один из них учится уже три года, другой не больше одного года, а третий только еще посажен за книгу. К этому ты прибавишь: один-де имеет очень хорошие способности и к тому не ленив, а вот у этого, что ртом мух ловит, способности слабее и прилежания не спрашивай. Та же самая история и с народами: ингилизы начали учиться давно, мы недавно, а вы еще и нас позднее...

Подтвердительные возгласы раздались между слушателями, не только сидящими, но и стоящими. Считая сражение выигранным, я провозгласил победу в гордом приказании моему кафенджи:

– Чубук долдур² (трубку набей).

¹ İngliz – англичанин.

² Çubuk doldur.

Но мулла не просил прощенья¹: крутил головою, стряхивал четками и щелкал языком в знак отрицания. Между стариками разлился добродушно шутливый говор. Как хороши турецкие старики в подобные минуты! Как хорошо смеется тот, кто редко смеется! Разговор сошел на другие предметы легкого и веселого содержания. Над ингилизами трунили беспощадно. Рассказано было несколько их странностей, получивших удивительные цвета в турецкой призме. Этикет, видимо, поколебался; почти все стоящие присели на корточки и закурили свои короткие чубуки. Закрывать у армянина лавку и разлучить османлы с чубуком – это значит зажать им рот.

Наконец, Джаффар, писанный лоб, внес в конак складные железные ножки и стал их раскидывать около очага. В дверях показался, как восходящий полный месяц, огромный медный поднос. Усмотрев ясно, что это не полный месяц, а нечто питательнее, я признал за благо предложить посетителям «мурахас»² (разрешение уйти). Они удалились, отступая задом до самых дверей, – обычная вежливость, – и делая глубоко зачерпнутые ясаки³. Ужин был на славу. Блюдо с пилавом можно было принять за снежную вершину Арарата⁴. Махмуд-уста, звучно облизывая пальцы, исчислял все, что он сработал долотом и молотом, и считал долгом кормить меня не только пилавом, но и лестью.

– А хорошо ты, ага, отпел имаму. Но только спорить против него нельзя, преумнейший человек. Он все говорит из книг.

¹ Не просил прощенья. Слово вошло в обиход после войны 1812 г.

² Murahas.

³ Yasak - глубокий поклон.

⁴ Большой Арарат (Масис) – самая высокая гора Армянского нагорья (5165 м).

Я уже не чувствовал никакого расположения рассуждать ни за, ни против шайтана, и только мог сказать моему простодушному амфитриону:

– Книг на свете, Махмуд-уста, очень много, а толкований на них еще больше, но лучшая книга та, с которой справляются и грамотный, и неграмотный, и которая разгнута под шапкой каждого человека, здорового снаружи и внутри. Не зарься на белизну муллиной чалмы: ведь мало было взято в дом»^{*}.

– На билиром, сен билир син¹, – Что я знаю? Ты знаешь.

В глубине, в сердцевине, турок очень толковитый человек; но впопыхах его можно принять за самое бессмысленное создание в мире. Без умения взяться за дело с ним можно прохлопотать целые сутки и не добиться, чтоб он вас выразумел, а еще больше, чтоб он убедился вашим решением, когда вы решаете его дело. В отношении к нему надобно действовать прямо, сколько можно прямо на здравый смысл. Это точка, в которую надобно уметь целить и попадать. Турецкие забиты редко берут на себя этот труд, а обыкновенно сокращают его взмахом палки. Но мы имели внимание и терпение приучиться к этой цельной стрельбе и достигали цели без палки в самых трудных делах.

Есть и у нас, на Руси, народец в этом роде.

На другой день я выехал из Гечевана по направлению к сосновым рощам Саганлуга. Юзбаш и человек двадцать жителей, по обычаю, последовали за мной, на коне и при оружии. Отъехав немного от селитьбы, я вытряхнул им последние червонцы из кошелька сладкоглаголания и предложил воротиться.

^{*} Пословица.

¹ Ne bilirim, sen bilirsin.

Все они, не исключая и юзбаша, покачнулись почтительно к гривам и с заметным удовольствием повернули коней хвостами к цели моего путешествия. Еду я, со своей малочисленной ратью и еду. Вьючный катер с багажом и кафенджи вперед на пятьдесят сажен, так надо. Дильбент* Арутюн выскакал тож вперед и начал джигитовать с пикою, по-куртински. Позади молодой казачок Семиглазов затянул сдержанным тенорком приличную песенку: «Ах вы, горы мои, горы, горы ль вы, высокие». Проворно и верно шагает мой куртинский жеребец, и весело он побрякивает своим серебряным ожерельем. Живописным видам конца и краю нет. Вдали, в тумане, суровые высоты Карса, а вот перед глазами – Саганлуг как родной, с елками и соснами. Из затопленных темной зеленью ущелий выкапываются на долину светлые и гремучие ручьи. Трава выше стремени. Что за природа, что за край! Такому ли бы народу населять его!.. Наука и самоотвержение для науки – у них шайтан. Изящные искусства шайтаны и подавно. Да этак, куда ни повернись, везде будешь наткаться на рога шайтана. Как же тут распутать и распознать прогресс и уклонение вспять, истину и заблуждение, истинное человеческое достоинство и мечтательное самообольщение...?

Ну, вот, наконец, и тот знаменитый родник, которого вода бела, как молоко, и приятна, как нектар, к которому, словно к святыне, правоверные приезжают из отдаленнейших мест. Здесь сделаем привал. Эй, Али, дур, дур¹, стой с катером! Потянув поводья, оборачиваюсь назад и что же вижу? Юзбаш

* Переводчик.

¹ Dur.

Махмуд-уста безмолвно и чинно едет с казаками. Я к нему с упреком:

– Зачем не воротился домой, зачем так далеко заехал?

– Башуста, позволь проводить тебя до Чараями¹.

– К чему такие дальние проводы?

– Курдов много шатается по лесу. Старые люди говорят: считай неприятеля слонем, хоть бы он был не больше муравья...

– Да уж ты оставь эту заботу нам самим. Не видишь разве, что нас восемь человек, и что мы не с голыми руками? Воротись, ничего не слушаю, воротись к своим делам.

– Ага, позволь два слова сказать особо.

Мы отъехали в сторону. Махмуд-уста казался мне смущенным и озабоченным. Я ожидал услышать от него что-нибудь важное, и услышал вот что:

– Не прогневайся, но скажи: бош адам² Махмуд-уста^{*}, не плюнь в бороду, если я по душе спрошу тебя: так ли оно заподлинно в самом деле, как вчера ты говорил мулле, что все хитрости делаются у ингилизов без помощи шайтана, а одним лишь хорошим толком да усиленным прилежанием, как у нас делаются разные мастерства?

Надобно было раскрыть глаза от удивления до самых бровей, но не надо было иметь большой проницательности, чтоб видеть, как тяжело боролись здравый смысл и нелепое суеверие в этом, телесно и духовно благополучном смертном.

¹ Вероятно, это армянское село Джермалу, Чармалу в Карском санджаке.

² Boş adam.

* Пустой человек Махмуд-уста.

Всякое приключение, заставляющее плакать, сопровождается приключением, заставляющим смеяться. Не правда ли, что в этом оттоманском изречении есть аттическая соль?

II

Земледелие. – Сенокосение. – Газеты. – Возка бревен. – Состояние ремесел. – Мельник. – Тембель-уста. – Тяжба по поводу мнимой узкости шальваров. – Турецкий часовой мастер. – Русские мануфактурные изделия в Анатолии. – Славянская надпись, осужденная быть греческой. – Чем наполнены карские караван-сарай. – Поросянок на иголках. – Контрабанда у русской границе.

*Дочь моя! Тебе я говорю,
Чтобы сноха в домек взяла¹.
Турецкая пословица*

Карсский пашалык, с его горами, зеленеющими от подошвы до вершины, с его долинами, засеянными пшеницей и ячменем, с его оврагами, полными прохлады и шума гремучих потоков, с жалкими землянками нынешнего уничтожения и благородными развалинами былого величия, так светло и отчетливо отражается в моих воспоминаниях... Так бы вот и набросал длинную и скучную статистику, с увлекательными заглавиями. Но о Турции вообще, и об Анатолии в частности *multi permulta scripserunt*².

¹ Kızım sana söylüyorum, gelinim sen dinle.

² В переводе с латинского - много написано.

Едва ли есть описание, в котором бы карсский пашалык не был бы назван житницей Малой Азии¹. И справедливо. Плодородие вулканической почвы здешних долин неистоцимо. Ее освежают и животворят обильные снега последнего времени года и обильные воды горных рек и ручьев. Измельченный эрративный известняк, внедрившийся в чернозем и легко уступающий ралу², поддерживает в почве сырость даже в засуху. Возвышенные ограды из гор и отгорков защищают растительность долин от неблагоприятных влияний ветров. Каждый поселянин на этой доброй земле помещик, каждый владеет отдельным наследственным лоскутом, который и бороздит он и засекает из года в год. Пашут обыкновенно глубоко, но засекают мелко, без бороны. На этот счет говорят: бояться воробьев - не сыпать проса. Впрочем, ни воробьев, ни галок, ни даже другой птицы здесь почти не водится. Воздушные пространства безжизненны. Охотнику сюда не дорога.

В плуг впрягают до десяти пар волов, с придачею еще двух пар буйволов, у кого нет больше. Одна пара буйволов помещается в голове, а другая в хвосте воловьей вереницы. Паханье производится по ночам, потому что чувствительный к жару буйвол охотнее работает ночью, чем днем. Может быть, чувствительность эту разделяют и хозяева буйволов. Пахатная работа сопровождается громким и дружным криком всей семьи поселянина. Это также должна быть посильная дань своенравию

¹ Об этом Иван Попко написал в своем Отчете: см.: *Отчет о состоянии Карсской области начальника Карсской области генерал-лейтенанта Ивана Попко 1878 г.* / публикация текста, предисловие и примечания **Акопа Мурадяна**, Ереван, изд.-во «Гитутюн» НАН РА, 2025, с. 58.

² Рало – земледельческое орудие, близкое к плугу. Основная функция – разрыхление почвы.

могучих и прихотливых буйволов. В продолжение весны не один раз доставалось мне разъезжать ночью по проселкам по милости шайтанлыков¹, проказ от разбойников. И во всю ночь, бывало, слышишь вокруг себя на бесконечную даль эти буколические концерты, *a la belle etoile*², из голосов всякаго тона, пола и возраста. В сравнении с ними ночные хороводы волков в наших степях – лебединая песня. Кому доведется быть когда-нибудь в Туретчине³, по делам казацкой службы, тот вспомнит мои слова.

Старослуживые казаки, не плохие хозяева у себя, на далеком кубанском гумне, делали замечания, оскорбительные для устройства турецкого плуга, относительно производства паханья и посева. Тоже доставалось и правоверному способу кошения травы. Турецкая коса вдвое почти короче нашей и гораздо скорее отметаёт руки у косца. Вместо одного нашего богатырского взмаха, в полкруга, надобно сделать два и три, меньше, как в четверть круга каждый. Турки сами видели превосходство нашей косы и косьбы, и сами сознавались, что где османлы снимет траву, там казак еще столько же скосит, а после казака, и сам шайтан когтями ничего не наскоблит, но такова сила привычки – никто из широкошальварных косцов не возымел покушения усвоить нашу косу. Одному порядочному хозяину в Кагызмане, беку (дворянину), лично трудившемуся в поле, я подарил русскую косу, объяснив на деле ее употребле-

¹ Şeytanlık – хитрость, коварство, дьявольщина.

² В переводе с французского - у прекрасной звезды.

³ Туречина, Туретчина – устар. Турецкое государство, Турция (*Словарь русского языка*: в 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой, 4-е изд., стереотипное, Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999).

ние. Он попробовал и сразу убедился в преимуществах урус-тырпана¹ (русской косы), но, поработав один день, оставил его, потому что нужно было несколько больше гнуть спину и набирать в легкие побольше духу.

От покоса до пашни, до «оджака»² и хлебопекарной ямы, издающей чад³ на середине землянки, вы ничего не увидите, что могли бы без греха назвать удобным и опрятным в быту турецкого поселянина. Домашняя посуда, в том числе даже выдолблена из липового чурбана, водоносное ведро – бардах⁴, так узкогорло, что о поддержании в ней внутренней чистоты и думать нельзя, а на изнанку не выворачивается. Один вид этой посуды служит достаточной причиной, что завоеватели Византийской Империя были грубые кочевники, и что по прошествии стольких веков они не далеко еще отодвинулись от первобытных привычек, от первобытной обстановки домашней жизни. Сыр, приготовленный в виде ниток, висит мотками на стене под влиянием мух и пыли. Хлеб в виде тонких широких лепешек бросается на стол, не только как основная пища, но как подстилка под мясное кушанье и обтирка для запачканных жиром пальцев. Один простодушно оботрет, другой еще простодушнее съест. Этот хлеб, столько похожий на большие листы бумаги, казаки называли газетами. Какие политические и литературные известия начитывали они в этих ежедневных турецких газетах, им про то знать. Вот иносказательный, но

¹ Urus tirpan.

² Osak.

³ От глагола «чадить» – коптить, дымить при горении.

⁴ Bardak.

очень понятный разговор на скорую руку, между двумя односумами.

– Никак ты ездил в Кизилчахчах¹?

– Ездил.

– Привез газет?

– Привез.

– Дай же листочек.

– Опоздал, братуха, все с отче и Пашенковым прочитали.

– Эки начетчики, дуй вас горой! ...

О, казаки на войне самый изобретательный и притом самый наблюдательный народ! Куда «болтоногим»^{*} видеть то, что они повидят, и посудить-порядить о виденном так, как они посудят-порядят, особенно по хозяйственной части. А письма какие пишут, легши животом на бурку! Куда взводному ундеру, старшему сопеличнику и самому бакенбардисту-вахмистру написать таким цветистым слогом, и, главное, о таких великатных предметах! О чем те господа будут писать? – Двигались направо, налево, рубили пехоту, ходили на батарею, взяли пушки, ну, и только. Эка невидаль! В какие ж времена не таскали этих дурниц без сережных турецких пушек! Нет, – урядник и приказный, независимо от подвигов истинно богатырских, будут описывать еще страну, народонаселение, образ жизни, степень умственного развития и вещественного благо-

¹ Село в Шурагельском округе, в 1829 г. имелось 52 дома армян (**Սևրաթյան Հ.**, *Շիրազի նահանգի փարսիստորդրաբարևիկայի նվիրաբերը 19-րդ դարի տարիների երեսնամյակին*, Երևան, 2006, էջ 79 (**Мурадян А.**, *Административно-демографическая картина Карсской губернии в первое тридцатилетие 19-го века*, Ереван, 2006, с. 79) (далее: **Мурадян А.**).

^{*} Так казаки называют в веселую минуту солдат регулярной кавалерии за их езду на длинных стременах.

состояния, словом, три страницы в их письме займет одна хозяйственная часть. Вот, например... да нет, впрочем, пускай после... В неприятельской земле это непосидячая чига^{*}, эти ненагрей-места полуночники прошныряют по таким закоулкам, трущобам и норкам, куда болтоногим и близко не подъехать курц-галопом да траверсом, – и отовсюду вынесут они свои суждения, свои замечания. Есть одна особенность в походных суждениях и замечаниях казаков: чтоб ни попалося им на глаза мало-мальски диковинного, все будут пригонять к тому-сему в своей станице, а сами же поют, когда расседланы кони, о забвении станичных удовольствий: «перинки-подушечки пора нам забывать». Будет ли то типография вышеупомянутых газет, или величественное здание в развалинах, нескладный выюк на ишаке, или нос в физиономии турка – всему приищут сравнение в Гамогаевской и Барсуковской станице¹. Несдобровать иной раз и старой шляпе отца Микиты... Для казака его станица весь мир. Но речь, впрочем, не о мирах, барсуковских, или мармонтелевских, а о том, что у османских поселян в хозяйственных работах тяжело и грубо. Особенно поражал нас своей крайней нелепостью способ перевозки «одунов»² – бревен

^{*} Название, которым болтоногие в свою очередь отплачивают короткостремленным всадникам.

¹ Гостагаевская станица – населенный пункт в муниципальной единице городе-курорте Анапа Краснодарского края (Россия). В 1842 г. было основано последнее укрепление на Черноморской береговой линии – Гостагаевское, в 1862 г. получившее статус станицы.

Барсуковская станица – населенный пункт в Кочубеевском районе Ставропольского края (Россия). Расположена на правом берегу р. Кубань. В 1784 г. на берегах реки были возведены оборонительные укрепления. Одним из первых стал Преградный стан, в 1825 г. получивший статус станицы и названный Барсуковская, был расположен в устье р. Барсуки.

² Odun.

строевого леса. Две трети тяжести спущены наперед двухколесной арбы; диагонально перевисшее бревно толкает и напирает во всякую встречающуюся неровность и шатает бедных огузов¹ (волов) во все стороны. Напрасно предлагали мы вводить под длинные бревна по две арбы и, таким образом, давать растянутому грузу спокойное горизонтальное положение. Правовверные принимали это предожение за чистейшую шутку, и, поглядывая один на другого, заливались самым добродушным, из самой глубины печени выходившим, смехом.

– Га-га-га! бу коласка оладжактыр² (этак выйдет коляска).

Тут уж и мы не могли вытерпеть и разделяли эту добродушную веселость от чистого сердца, только, разумеется, по другому побуждению. Иго злополучных огузов не облегчалось и одуны ехали по-старому. Совершеннейшая самоуверенность и непоколебимейшее самодовольство по истине принадлежат совершеннейшему и непоколебимейшему невежеству.

Такова черная сельская работа и ее обстановка. Какова ж сельская механика, каковы ремесла? Каковы, например, дегирменны и анахтары³ – мельницы и замки, лопаты, топоры, пилы и струги? Аллах, аллах! Не повелел ли ты Азраилу⁴ создать человека из семи кусков грязи, и не создал ли он прекрасного существа снаружи*? Не вложил ли ты семисот семидесяти семи

¹ Öküz.

² Bu kolaska olacaktır.

³ Degirmen, anahtar.

⁴ Азраил – в мусульманских верованиях ангел смерти. Один из самых близких к Аллаху ангелов, забирающий души умерших по велению Аллаха. В Коране упоминается как Маляк аль-маут.

* У Мусульман по поэтическому учению, человек создан прекрасным существом снаружи; но оставленная внутри его пустота сделалась опаснымместилищем всех недостатков и слабостей всех зол.

прекрасных материалов разумного труда в руки османлы, и не все ли из его рук выходит некрасиво снаружи, плохо внутри? Да, на него направлено это печальное изречение озлобленного на человечество мыслителя: «все хорошо, что выходят из рук Творца, и все дурно, что выходит из рук человека». Русский человек работает иногда как-нибудь, – только бы с рук сбыть; но работает он, по крайней мере, живо, и дело горит в его руках. Турецкий уста (мастеровой) работает решительно дурно, и, что хуже еще, работает невыносимо вяло и долго. В его ленивой пятерне дело едва-едва тлеет и дымится вставленным между усов и бороды чубуком. Этот, медленно поспешающий «уста», которого дыхание есть дым зелия, выпрь прозябающего, никогда не гонится за большой платой, но с особенной заботой выговаривает себе сытную пищу, да в заключение работы, в виде финала сыгранной песни, какое-нибудь верхнее платье, чаще всего шальвары.

В деревни Берна¹, известной своими видными мельницами, похожими на те скромные заведения, в которых у нас придают высшее утучнение презренным, но вкусным животным, ночевал я в опрятном свежеотделанном конаке² (горнице). По карнизу были избоданы новолуния вроде козьих рогов и повсюду напечатаны горячим железом арабески, вроде посохшей вязи на бакше. Всем известно, что на востоке цирюльник считается величайшим охотником и величайшим мастером покалякать. Если не на одну с ним доску, то уже не ниже, как на полдоски от него надобно поставить мельника. Мельница в деревне такое же публичное место, как цирюльня в городе. Хо-

¹ Армянское село в Карском округе.

² Konak.

зьяин моего ночлега Гейдар-эффенди был старый мельник и, для османлы, разбитной балагур. Зерно для перемола и пища для разговора у него, разумеется, никогда не переводились, – успевай только молоть, и жерновом, и языком. Позабыл я, признаться, спросить, много ли намолот Гейдар-эффенди днем, но вечером, пока пил у меня кофе, перемолол он целую самару новостей прошлогодних урожаев.

– Это новый у тебя дом, Гейдар-эффенди? – спросил я у него, между прочим.

– Нет, домишко он старый; а вот этот лишь конак обновлен позапрошлым летом. В те поры вы стояли на Курук-даре¹, а наши в Хадживали². Один раз я полюбопытствовал было взглянуть на ваш лагерь, да с того часу и закаялся. Приезжал я в Хаджи-вали к племяннику, он в башибузуках служил у Темир-Аги. Переночевавши у него в чаунре³ (палатке), поутру вижу, он собирается, коня седлает. А куда это собираешься, племянничек? Наша сотня, говорит, выезжает в караул на нынешний день; поедем, говорит, дядюшка, с нами взглянешь на гяур... кхы! кххы! чхх! чхххи! Саг-эла-сен⁴, будь здоров! Чох разиям⁵ (очень доволен)! Взглянем, говорит, на русский лагерь. Я и поехал сдуру. Отчего ж было и не поехать? Народу, вижу, много – больше ста человек, и народ-то все какой! У каждого

¹ Село в Шурагельском округе, в 1829 г. имелось 20 домов армян (Мурадян А., с. 78).

² Село в Шурагельском округе, в 1829 г. имелось 20 домов армян (Мурадян А., с. 78).

³ Çadır.

⁴ Sağ ol sen.

⁵ Çok razıyım.

мызрах¹ (пика), сажени в две длины, да вокруг пояса штук шесть табанджа² (пистолетов). Проехали мы сагата полтора* ; кто курит, кто калякает, а кто так себе расквасил губы. Наши башибузуки со всеми осторожностями. Ну, вот забелелись ваши чадыри³ и на бугорках замаячили казаки. Мне бы уж дальше и не ехать, Гассан-джан, говорю я племяннику. Отчего же не ехать, говорит он, ты думаешь, близко до них? Это дядюшка, так кажется только... Не успел он это выговорить, как вот откуда ни возьмись – черкез-казаки* человек десять, а может и двенадцать. Паф! Паф! а дальше – ги! ги! Летят прямо на нас – гелычи⁴ (шашки) наголо. Какой страшный народ! Одна борода ниже рта, другая выше глаз, третья на ушах. Так-то мне тогда померещилось. Наши в крик: гала! гала⁵! (вперед), да разом как повернут коней назад, да как дернут, чей конь сильнее – вай, вай! в жизнь мою такой скачки не видывал. Племянник, племянник, не покинь, голубчик! Деточки мои, родненькие мои, правоверные люди! Не покиньте старика беззащитного!.. Но никто меня не слушает, всякий думает только о своей собственной коже, воткнул бороду в гриву и тормозит свою животину руками и ногами. А мой пегливан⁶ (богатырь) племянник, вижу, на самом переди и все своего серого жеребчика мызрахом, да мызрахом катает по ребрам. Скоро все до

¹ Mizrah.

² Tabanca.

* Сагат – час езды шагом. Мы считали в сагате пять верст. (Saat – час, составители).

³ Çadır – палатка, шатер.

* Кавказские линейные казаки.

⁴ Kılıç.

⁵ Yalah.

⁶ Pehlivan.

одного меня покинули, давай я кричать, неоглядучись на зад: аман, аман (пощади, пощади)! и не помню, как потерял из рук повод. Несет моя кобылка, несет куда зря, только ветер в ушах у меня свистит. Никогда не чаял от нее такой прыти. Гляжу, я в Кюльверане¹ – вот куда попал! Нашел повод, остановился на минутку, перевел духу, поправил седло, да оттуда прямо домой. Так и с племянником не простился. Поверите ли, Ага, больше двух недель сна мне не было. Только зажмурю глаза – вот летят черкез-казаки с гелычами наголо. Насилу, насилу мулла отписал. О, черкез-казаки шайтан... кхы! кххы! что это за кашель навязался на меня сегодня?!!

– Да ведь ты около воды целый день.

– Правда твоя, ага, правда: от воды это... Игиды² (молодцы) черкез-казаки, валлага³, игиды! К ним и савари⁴ (уланы) не подъезжай близко. Просто шайта...

– Но, Гейдар-эффенди, что ж тебе стоило обновить этот прекрасный конак?

– Деньгами, ага, немного вышло, и лес же, знаешь, у нас не купленный; да содержания усты, пусть будет высок его порог! стоило-таки порядочно. Одних баранов больше десятка съел.

– Возможно ли это? Да здесь работы много-много на одну неделю. Неужели он съедал по полутора барана в сутки?

– Неприведи, создатель! Что ж бы тогда осталось мне то, с домом? Одни шкурки разве: ведь уста работал изо дня в день

¹ Село в Шурагельском округе, в 1829 г. имелось 30 домов армян (Мурадян А., с. 79).

² İgitler.

³ Vallahi.

⁴ Süvari – всадник.

три с половиной месяца, да, кроме того, недели две у меня же на хлебах сидел, пока мы с ним тягались у мюдира*.

– Какая ж дрянь должен быть этот уста!

– Я не скажу так, ага: уста он чудесный, первый искусник на весь тахтинский санджак¹. Лучшие конаки у нас, в Карача-пре², в Форсадане³ и даже Кенстче⁴, кто ж отделявал больше, как не Тембель-уста?

– Тембель-уста (ленивый мастер), очень приличное название; как же это его настоящее имя?

– А, право не знаю. Тембель-уста, да и только. Так его все величают от мала до велика. Поди, уж он и сам давно забыл, как его настоящее имя. Ты только кликни: Тембель-уста! Он тебе и отзовется ту ж минуту: боюр. Да уж и правда, что ленивый мастер; десяток ленивцев свали в кучу, не выйдет одного такого, – а к тому еще и привередник, этакой он привередник!

– Али! Подай чубук Гейдару-эффенди.

– За обделку этого конака выпросил он без торга пятьдесят гурушей (2 руб. 50 коп. сер.) и новые китайчатые шальвары... Пфф! пфф! Как кончу, говорит, купишь ты мне, Гейдар-эффенди, шальвары, – не кизильбашские (персидские) какие-нибудь, а приличные, полные шальвары: складок чтобы несчесть, куль доставал бы до самых пят.... Пф! пфф! пффф! Доколе же буду работать, харчи ты мне давай по-праздничному...

* Правитель Санджака, в роде нашего станового пристава.

¹ Тахтин - один из санджаков Карсского вилайета.

² Село в Карсском санджаке (Пагирева Д.Д., *Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края*, издание Кавказского Военно-топографического отдела, Тифлис, тип. К.П. Козловского, 1913).

³ Село в Карсском санджаке.

⁴ Село в Карсском санджаке.

пффф! Я, говорит, не из таких мастеров, чтобы стал тебе работать на будничных харчах-марчах. На завтрак, туж минуту после первого намаза, чорба¹ с бараниной... пфф! и яхны² с бараниной... пфффф!.. А баранины вволю и после того, кагве³ (кофе). Слышишь, Гейдар-эффенди? Слышу, и кагве: как же без кагве? ... ппфффф! На обед, говорит: чорба с бараниной, яхны с бараниной, пилав с бараниной... пф! пф! пф!... Баранины то же вволю, на полдник... пф ... яхны и кебаб. Хорошо бы и пилав; ну, не случится, можно будет обойтись... пф! И кагве... пф! ... На ужин тоже самое, что и в обед, слышишь, Гейдар-эффенди! Слышу, джаным⁴, душа моя. Слышу, то же самое, что и в обед. Ну, да. А не случится у меня, ину пору, табак, ты меня поддержишь и табаком. Хорошо, говорю, поделюсь и табаком. Уста-то ведь ты у нас первейший – золото червонное: удружишь, надеюсь, приложишь старание, покажешь искусство. Гм! говорит, – уста первейший! Да подите вы всей деревней, поищите такого усты от Беюк-Тикме⁵ до Арзрума. А что за цаца⁶ Арзрум! Переплюнуть я хочу чрез Арзрум, чубук хочу выбить на его макушку. Идите дальше – до Истамбула... Ладно, ладно говорю, по рукам. Ну, говорит, и по рукам; только харчи – смотри, харчи помни. Как же, говорю, буду помнить и надеюсь, что останешься доволен во всю душу. А

¹ Çorba – суп.

² Yahni – мясное блюдо с луком.

³ Kahve.

⁴ Canım.

⁵ Село в Карсском санджаке.

⁶ Устаревшее слово, входило в повседневную лексику и использовалось как в шутовском, так и в пренебрежительном контексте в основном в отношении высокомерной женщины. Здесь употребляется в переносном смысле и обозначает город.

сам думаю, ни дать ни взять, как ты теперь, Ага: проработает он с недельку, ну, от силы десять дней; выйдет на него, стало быть, десяток (около пуда) баранины и в половину того перинджу¹ (рису). Что ж? Это еще не много, совсем не много. Так, да только не так, не на этот кантарь² Тембель-усту положено весить. Неделя пришла, а он еще и рук не прикладывал к работе. Что ж ты, говорю, Тембель-уста, не принимаешься за работу? Так бы вот тебе и схватить, говорит, волка за уши, так-бы приняться с бухты та барахты! Шибко побежишь, скоро устанешь. Я, говорит, не из таких мастеров, что пришел до и начал ломить с дуру. Нет, мне надо руки поразмять да подумать, хорошенько подумать. Дело-то воском пахнет*. Пришел, слышь ты, турка* на базар и видит у порога лавки полнехоньку кадку меду. Подошел, обнюхал, облизнулся и спрашивает купца: это мед, дядя? Купец между аджамами (персиянами) терся, отвечает сладким голосом: бал, джаным-мед, душа моя.... Турка проворно расстегнул свою торбешку, вытащил чурек и чубурах его в кадку. Ай, ай! что ты это наделал, мошенник? загорланил купец на весь майдан, затопал ногами и замахал руками, что твоя ветреная мельница. Бедный турка ни в тех, ни в сех, вытаращился на купца и говорит: ты ж, добрый человек сказал, что это мед. Ах ты степняк необтесанный! Мед оно дело, а торг медом другое дело... Так вот, изволь-ка видеть, Гейдар-эффен-

¹ Piring.

² Kantar – весы.

* То есть: работы так много, что и ночей будешь прихватывать. Воск вместо свечи. Пословица.

* У турок, которые, по завоевании Византийской Империи, стали величать себя инакче как османлы, слово Турк употребляется в низком смысле, надобно нашему мужик. Замечательно, что курды называют Турок румами, то есть греками.

ди, я не намерен тебе торопиться, как этот олух турка. К тому ж, и погода какая невеселая на дворе, солнышко смотрит изподлобья словно ему дня три не давали обедать. А баранина у тебя; Гейдар-эфенди, нельзя сказать, чтобы была слишком жирная, и масло в пилав кладут совсем скупно, мне, говорит харчи давай по договору, с плохими харчами, что сделаешь путного? Из худой курицы состряпаешь ли ты вкусную чорбу? А тут еще, как на зло и табак у меня весь вышел. На-ка, пожалуйста, насыпь мой платик. Изволил бы ты, Ага, посмотреть, что это был за кисетик такой: пол-самары ячменю засыпай смело. Делать нечего, изгрузил я эту торбищу табаком, зарезал самого жирного барана из стада и приказал домашним лить в пилав масло, как воду. Ничего не жаль – крепко захотелось расписаного конака.

– Али, перемени чубук Гейдару-эфенди!

– Чох разиян¹ (очень доволен). Табак у тебя, ага, падишахский; давно я такого не курил, кажется с тех пор еще, как ездил в лагерь к племяннику, не тем будь помянуто! Желтый какой – не мушский, должен быть*.

– Нет, кизильбаши (персияне) из Арзрума привезли. Пешкеш² саган азаджык эдедже-гим³ (подарю тебе немножко). Но что ж Тембель-уста? Как его дело?

– Тембель-уста, о высокостепеннейший каймакам-ага, пф! пфф! разнял руки, надумался и приступил к работе. Пф! пфф! пф! Но как-же он работал! Ффпппффф! Утром встанет часу в

¹ Çok razıym.

* Мушский пашалык гораздо южнее Карсского, известен своими табачными плантациями.

² Peşkeş.

³ Peşkeş sağan azacık edeceğim.

первом (осьмом), позавтракает до отвала, как бы сбирался уруч (пост) держать, выкурит три трубки сряду... пф! пф!.. и примется за дело на один час, не больше... пфф... а там, глядишь, уж и бросил, и поплелся к речке делать намаз. Молился, не молился и скорей назад, бегом бежит, словно его курд впотьмах за шальвары сзади ловит. Уф! давайте обедать, ради вашей душечки, давайте скорей обедать, отоцал, тошнит! Дадут ему обедать, уж он плямкает, плямкает... пф!.. кузнец мехом проворней поводит... ппфф!.. Удоволится, начнет подниматься. Ох, тяжело бедняжке: изо всей мочушки руками и ногами упирается, как будто его свинцом налили, да еще на спину два юка^{*} взвалили. И зачем, подумаешь, столько трудился? Недолго ведь на ногах подержался, покурил, бухнул и захрапел. Вот что этот человек спал, ума не приложу. Встанет, шербета попросит, и начнет сны рассказывать: в Арзруме каким-то большим ханумам (госпожам) баню отделявал, больно, говорит, жарко было; аджамскому шах-заде (персидскому царевичу) очень хитрый нервет^{*} строил, угодил; набили рот червонцами; чуть не задохся, совсем дух захватило.... Не вытерплю я иной раз, и скажу: хоть и хитрый был нервет персидского царевича, однако ты с ним не возился столько времени, как с моим конаком. Догадается мой пустомеля, возьмется за инструмент и поработает столько же, как утром; потом пойдет опять к речке, потом прибежит назад и кричит: из сил выбился, давайте полдник, и на бок. Не то, чтоб спал, а так просто валяется, потягивается да зевает, инда¹

* К турецкому юк мы прибавили только **в** сначала слова.

* Кровать.

¹ Инда – даже, так что, что даже (*Этимологический словарь русского языка* // **М.Р. Фасмер**, Москва, Прогресс, 1964–1973).

у меня на мельнице слышно. Встревожусь иной раз, прибегу: кейфин насыл¹ (каково твое здоровье), Тембель-уста? Аллага-шюкюр, гюзельдыр² (слава Богу, прекрасно), Гейдар-эфенди. Что ж ты так стонешь? Кто стонет? зачем стонать? я только зеваю, здоровья набираюсь*. И набирается он здоровья до тех пор, что ребра заболят; уж и лежня-то невоготу станет. Поднимется-то по воле и поработает с часик, а тут, глядишь, а мулла кричит вечерний намаз. Шабаш, говорит; умаялся, угорел. Уф! давайте-ка поскорее ужинать. После ужина расскажет какую-нибудь небылицу и начнет укладываться спать. Уж он возится, возится, просто зимовать располагается. Этот килим³ ему негодится, давай другой. Двух ястыхов⁴ (подушек) мало, давай четыре. Не из таких я, говорит, мастеров, чтоб, трудившись день-деньской, мог заснуть на жесткой постели.

– И ты ни разу не подумал, Гейдар-эфенди, протурить в шею этого ленивца и привередника?

– Крепко хотелось мне, ага-джан, тесаного конака: ну, и гожу, бывало, вражьему сыну, как старому сапогу.... Из-под детей, иной раз, ястых вытащу; на, понежься в мою голову, в мой глаз; только конак ты мне отделай не похуже, а еще почище, как у Хаджи Бююк-Шальвара, в Кемюрлю^{*1}. Гм! говорит,

¹ Должно быть Keyfin nasıl.

² Allah şükür, güzeldir.

* Мы привыкли повторять восточное выражение «кейф делать»; яснее было бы говорить «здоровы делать», или, если это не хорошо по-русски – здоровья набираться, потому что кейф значит – здоровье.

³ Kilim – безворсовый ковер, палас.

⁴ Yastık.

* У турок, как известно, нет наследственных фамилий, потому что нет наследственных прав и преимуществ состояния. Но часто даются у них, в простом народе, пожизненные прозвища, взятые из какой-нибудь нрав-

нашел добра-конак Бёюк-Шальвара, нашел, что мне указывать. Джаным, душа моя! скажи ты мне, что за вещь конак Бёюк-Шальвара? Гм! гм! ахор дыр², конюшня. Да не про всякого еще коня, скажу тебе, конюшня. Был, например, арабский жеребец у Гафиз-паши, что за красота! Росту как двух коней поставить одного на другого. Шея десять шей лебединых, стачанных в одну, вот какой, обруч; колесо, встав в середку, еще порожнего места на ладонь останется. На передней стороне шеи, около самого зареза нишан³ (отметина). Конюх Гамид его показывал онбашу⁴ (унтер-офицеру) Юсупу Гельч-оглы, Юсуп мне рассказывал. Один этот нишан стоил тысячу червонцев: он означал честь и благополучие ездоку. Шерсть белая, белее твоей бороды, да так и лоснится, так и блестит. Гамид не знал другого зеркала: кончит, бывало, чистку, намылит щеки и бреется против лопатки, хоть справа, хоть слева, все равно, все то же зеркало. Онбаш-Юсуп сколько раз туда ж смотрелся, поправлял усы и перевязь, чище говорить, не видал на свете зеркала. А какой был смысл в этом жеребчике? Только б заслушал он крик муллы на минарете, туж минуто – бух на передние ноги, повалится, упрет лбом в ясли и делает намаз. Что ж, ты дума-

ственной особенности, из какого-нибудь личного недостатка, или избытка, как в настоящем случае. Бёюк-шальвар, т.е. большие шальвары это часть вместо целого, или принадлежность вместо главного – метонимия, обращенная в прозвище человеку, огромного роста. На этом же основании и Тембелуста, затмивший своей классической ленью всех обыкновенных ленивцев, удостоился прозвища «Ленивый мастер».

¹ Кермерли, Камарлу, село в Кечеванском санджаке Карсского пашалыка.

² Ahordur.

³ Nişan.

⁴ Onbaşı.

ешь, кушала эта правоверная скотинка? Небось, ячмень? саман? как твой глупый одер. Как бы не так! Не всякому имаму удастся такой стол иметь. Арабестанский пернидж (рис), душа моя, перечищенный по зернушку и пересыпанный шекером¹ (сахаром), кушал пашинский жеребец с серебряного блюда, а воду подносили ему раззолоченными финджянами, словно кагве. Каждую джюму (пятницу) ему привозила из Арабестана большой бардан верблюжьего молока, и к празднику байрама, аж из-за Арабестана откуда-то, из Мекки что ли, приходил для него караван с верблюжьим салом. Во время ж уруча (поста) ни-ни-ни! ни росинки корму, ни капли водицы в рот не брал. Никто так крепко не мог держать уруча, как он, и никто в свете не мог сесть на него, кроме паши, да кому его высостепенство приказать изволит. Напишет, бывало, Гафиз-паша записку в Арзрум, к своему приятелю великому-паше, почти уж в обеденную пору, кликнет Гамида и приказывает: сядь ты, Гамид, на белого жеребца и сбегай с этой запиской в Арзрум, да смотри, чтоб сегодня ж, до солнца, поспел ты и назад, в Карс, с ответом. Гамид докладывает: жеребец, паша-эффендин, недопустит меня сесть на него. Допустит, кричит паша, скажи – я приказал... Так этакого бы коняшку, что приказу пашинского слушает и уруч держит и намаз творит, попотчивал бы ты, Гейдар-эффенди, конаком Беюк-Шальвара, чтобы он тебе пропел! Любопытно мне послушать, что б он тебе пропел!.. Что ж ты суешь мне в бороду конак Беюк Шальвара? Душа моя, нетаковский конак я тебе отхватаю. Сделай милость, только не торопи, не толкай ты меня в спину, не вгоняй в ча-

¹ Şeker.

хотку. Не ловит зайцев хорт, когда его волоком волокут на охоту. Дай отдохнуть денька три-четыре, с духом собраться: начну расписывать. Увидешь, как распишу, глаза проглядишь. Приедет к тебе гость, беюк¹ (начальник) какой-нибудь, войдет проворно в конак, чубукчи сзади, развалится, знаешь, этак... На хабар эффендин²? Хабар чох вар-дыр^{*}. Что ж дальше. Дальше ни гу-гу! речи отняло. Вытаращил твой гость глаза на потолок, язык ему втянуло, обомлел, заоченел. Ты не замечаешь этого, подливаешь, суешь чубук ему в бороду, держа левую руку под ложечкой: эффендим, боюр, эффендим, эффендим³! Кричи, сколько твоей душе угодно: у твоего эффенди гудет в ушах, рябит в глазах, искры в зрачках скачут, и ничего он невидит – воллага! ничего, кроме узоров на потолке. Закрывай скорее узоры: может, отойдет... Вот каков Тембель-уста! Подсыпь-ка табаку в мою кисетюночку: трубка уж за рубец на дне задевает. Али, на, передай мой чубук Гейдару-эффенди, да насыпь в его кисет нашего табаку! Очень доволен, пффф! Сказать правду, о высокостепениный или каймакам-ага! пф! этих столбняков, что Тембель-уста посулил, на моих гостей еще не находило – Бог хранил. А сам он, пф! пф! и за правду заглядывался на свои узоры по целым часам. Скребнет, бывало, раз, другой, долотом, пф! либо выведет кружок горячим гвоздем, пф! да и присядет, чубук закурит, пф! и начнет любоваться своими цацками, пф! да все прихваливает, да языком прищелкывает, пф! По-

¹ Büyük.

² Должно быть *Ne haber efendim*.

^{*} Что нового, господин? Новостей очень много (*Haber çok vardır* – составители).

³ *Efendim, buyur, efendim, efendim* – мой господин, пожалуйста, мой господин, мой господин.

дойдет кто-нибудь, с мельницы, бывало, ребяташки бегают, он и говорит: а? каково? видал ты это, эшечкин¹ сын? а? Растопырь бельмо-то, посмотри, что еще выведу, буйволицын сын! Мальчишки давай его дразнить: эшек Тембель-уста, эшек... он и свяжется с ними, ппффф! Не перескаты мне, Ага, всех его проделок, а пуще его росказней, ведь лето-летское провозился, объел, обкурил и надоел до смерти. У меня уж, признаться, и охота на писанный конак миновала.

– Но скажи, Гейдар-зффенди, за что у тебя с ним была тяжба? Ведь ты упомянул, кажется, что еще тягался с ним у мюдира?

– За что была тяжба, тому вряд-ли ты, Ага, поверишь, а оно правда, валлага! правда. Пфф! Кончил, изволишь ли видеть, Тембель-уста, убрал инструмент в мешок и говорит: ну, Гейдар-эффенди, живи, поживай да добра наживай, а мне расчет давай. Изволь, говорю, вот тебе и расчет пятьдесят гурушей, на! бир пф? ики-пф! пчь-пф! пф²! считай сам - все бешлики³; и серебро еще не стерто*, а вот тебе и шальвары. Взглянько, что за шальвары, полнота какая! А шиты - цц! цц! цц. пф! пф! пф!.. Взял Тембель-уста гуруши и шальвары, пошел за деревню, переделся и приходит назад в обнове. Я поздравляю с обновой и говорю, ну, как Тембель-уста, доволен-ли? Нет, говорит, недоволен: шальвары узки. Как так шальвары узки? Отчего узки? С какого конца узки? Разве я неправоверный, чтоб

¹ Eşek – ишак. В данном случае – «ишачий сын» или «сын ишака».

² Bir, iki, üç.

³ Beşlik.

* Медная, посеребренная монета.

держал у себя в доме и даже в сандыке¹ узкие шальвары? Аман, аман! Да ты шутишь, Тембель-уста, глумишься ты над моей седой бородой. Нет, говорит, не шучу, а за правду тебе говорю. Да ты, сию минуту, обоими карманами в дверях зацепился. Зарар-иок² (вреда нет), говорит, что зацепился, а шальвары узки и шитья мало. Вай. вай! То правда, Ага, что лишний корм эшека портит. По-совести скажу, на куране заклянусь, что шальвары были одним разве полотнищем уже чадыра (палатки), а шитья от карманов до низу столько, что ладонью не закрыть. Не то, что наш брат, иогун³ (мужик), да любой курдской торун⁴ надел бы их с превеликим удовольствием. Семьдесят гурушей, воллага! семьдесят гурушей* заплатил за них: для себя, ведь, купил было к байраму⁵. Но Тембель-уста упрям, как буйвол: стал на одном, что шальвары ему узки, да и ни с места. Я погорячился, не оберёгся словцом: всажу; мол я в эти шальвары, опричь тебя, ахмака⁶ (дурака), двадцать пять могил твоих отцов и праотцов.... Аман, аман-бэш аз дедим⁷ (пустое слово я сказал), не следует говорить этак благополучному мюслюману. Но... ты видал, Ага, как серчает еж, когда толкнешь его невзначай ногой? Не то, чтоб рычал, а все только сапит да пыхтит. Так пыхтел Тембель-уста, пока не доел пилава, у меня, ведь, гнев-гневом, хлеб хлебом, а дальше накиннул абу на плечи и от-

¹ Сундук.

² Должно быть Zararı yok.

³ Yoğun.

⁴ Лидеры Аширета - Так называли в основном представителей элиты курдов Аширета.

* 3 р. 50 к. сер.

⁵ Ваугам – праздник.

⁶ Ahmak.

⁷ Aman, aman-beş az dedim.

пел мне вот что: кто плюет против ветру, марает себе брови. Прощай Гейдар-джан, я пойду, а ты будешь меня догонять: прямо пойду к мюдиру, дороги туда мне не спрашивать. Запущу я тебе под ноготь небольшую занозинку, да шилом ее не выкрутишь, зубом не выгрызешь. Хоть все пятьдесят гурушей посажу, и выйдут у тебя мои шальвары, и с могилами, что в них ты запрятал, выйдут носом по ниточке.... И пошел. Затем и тяжба, что же станешь делать? Вошел в баню, так и потей, и не говори гамамчи-баши¹ (мне жарко).

– Чем же решил мюдир?

– Решил сперва тем, что шальвары узки, а после решил, что шальвары не узки.

– Сперва он, верно, недосмотрелся хорошенько, а после спохватился и присмотрелся получше.

– Смотрел он, Ага, не на ширину, или узину шальваров, а на эту в них норку, откуда киса вылазит. Когда выползла маленькая киска Тембель-усты, шальвары потянуло, скоробило, а как скоро вылезла моя старая киса, вдруг их разнесло, чох-чох энли² – очень, очень широки стали. Такими они и остались навсегда, по последнему мюдириному решению... Скоро Тембель-уста со мною помирился; бу эн юрекьтыр³ – это доброе сердце. Посмотри, сказал он мне, выворачивая наизнанку свою киску и глотая слезы, посмотри, что осталось от пятидесяти гурушей! Потом, взмахнув бородою в ту сторону; где жил мюдир, прибавил дребезжащим голосом: все туда ушли, и хоть бы тебе одна складочка прибавилась к шальварам. Теперь уж все кончено,

¹ Наматси баши – смотритель бани.

² Çok, çok enli.

³ Bu en yürektir.

Гейдар-эффенди, ничего я не ищу, а мне все-таки шальвары узки, не таких мне хотелось. И слезы закапали у бедняка на вывороченную кису...

Немного спустя представился мне случай лично удостовериться в слабой деятельности и чрезвычайно медленной поспешности турецких ремесленников. Чалмоноснейшие из карских граждан носили часы огромного объема, часологию, переплетенную в тридесять крышек и известную у нас под именем луковицы. Нельзя было не заметить, что правоверные часоносцы питают особенное доверие и пристрастие к своим хронометрическим ношам, а на наши плоские часишки смотрят с пренебрежением. На чужой арбе подтягивай чужой песне, гласит народная османская премудрость; стало быть, надо и себе обзавестись такой же луковицей. Часы, в известных обществах и случаях, такой же проводник отношений между теми, кто их носит, как табакерки¹ между теми, кто нюхает. И так припрягу я к коню Мозра (часы Мозера, с резным конем на верхней доске футляра) турецкого буйвола: конь будет идти себе по-нашему, а ла франка, а буйвола по-здешнему, а ла турка*. Вот и явилось у меня мерило времени величиною с гусиное яйцо; цепочка, хитро плетеная из серебрянной нитки, настоящей диарбекирской работы²; при ключике мюгир³ (печать) и множество

¹ Небольшая коробочка с крышкой, предназначенная для хранения нюхательного, курительного табака и махорки.

* Считая первый час в сутках от захождения солнца. выражения с ла турка и а ла франка сделались модными выражениями у турок для означения хода часов, способа сиденья, питья кофе и проч.

² Один из вилайетов Османской империи (часть Западной Армении). Местные армяне были известными мастерами — ювелирами. На Ближнем Востоке славилась изготовленные ими ювелирные изделия.

³ Mühür.

побрякушек, частью в виде ягод клубники, частью в виде крошечных новолуний. И от этой незначительной вещи сколько было замечательных последствий. Не от грома, не от тучи, от навозной кучи произрастают розы и ананасы, – волчцы... также. На лицах чалмоносных моих посетителей изображалось удивление, смешанное с почтением и умилением, когда в высокостепенном их присутствии вытаскивал я из кармана сатурнов ковчег с турецкой нумерацией и в восемь часов вечера благопристойно провозглашал:

– Бир сагат беш декеке¹ (один час и пять минут).

– Догру дыр, догру дыр² (верно, верно)! – восклицали мои собеседники, поглядывая на свои луковицы, и на перерыв стремились насладиться ближайшим рассмотрением времененосного моего ковчега.

Сам кадий в облачный день прибегал сверять момент вечернего намаза с моим чревовещателем, а ля турка. Особенное наслаждение почерпал от него мой добрый хозяин Ибрагим-Ага. Как бы приятно ни уселся он на мягком ястыхе, но, если усматривал он часовой холм на столе, торопливо вскакивал, произнося: бакаим, бакаим³ (посмотрю, посмотрю)! и подносил свою луковицу к упомянутому холму для совместного определения праверного течения времени.

– Очень хорошие это часы у тебя, очень верно идут. – Таково было всегдашнее неизменяемое заключение Ирагим-Аги.

В этом единственном случае Ибрагим-Ага, правдивый и безпристрастный, кривил душой, ослеплялся пристрастием.

¹ Bir saat beş dakika.

² Doğru dur, doğru dur.

³ Bakayım, bakayım.

Очень часто на моих часах было пять, а на его двадцать пять декеке.

– Разница, Ибрагим-Ага, значительная – двадцать минут; надобно, чтоб чьи-нибудь часы неверно шли.

– Зарар иок (вреда нет), обои, верно, идут.

Но цветущее дерево бросает черную тень, гласит оттоманская пословица.

Но, на счастье, прочно

Всяк надежду кинь, –

возиет росский парнас.

В один унылый вечер моя часовая мельница перестала стучать, часосчисления а ла турка присеклись. *Finis mundi*¹.... Сердце турецкого времени перестало биться. Приходит Ибрагим-Ага.

– Несчастье, Ибрагим-Ага, постигло мое жилище: часы стали.

– Аллах-керим бакаим² (Бог милостив), посмотрю-ка я. – Отбросив рукава, простерши длани, поднял он бездыханное чрево, а ла турка горе, потрянул и приложил к уху; потом потрянул книзу, потом вправо, и влево приставляя трясомый предмет к уху, после каждого потрясения, и внимательно прислушиваясь.

Наконец облупил он это, снесенное турецкой вечностью яйцо, от бесчисленных его скорлуп, и долго вертел в руках маленькое ядрышко, собственно, и составлявшее часы. Но самое даже раздевание, столько полезное в обмороках, не привело бесчувственного, а ла турка в чувство. Тогда, обратясь к дре-

¹ В переводе с латинского - конец света.

² Allah kerim bakaım.

мавшему у порога кафенджи, Ибрагим-ага произнес взволнованным голосом:

– Али, ты знаешь Мустафу-сагатчи¹, что живет в юсуп-пашинском квартале², около ужаме³, у калитки большая такая куча сору, и вонь всегда сильная этакая. Сходи ты завтра к нему и скажи, чтоб пришел к Аге часы поправить; разбуди, если будет спать, он двадцать раз на день ложится спать, да скажи, чтоб с инструментом пришел.

– Зачем же таскать сагатчи (часового мастера) с инструментом? – возразил я, – пусть лучше Али снесет к нему часы.

– Как это можно? – Заметил Ибрагим-Ага с важным видом. – Разве ты простой человек, чтоб посылать свою вещь к мастеру? * Мустафа-уста знает порядки, придет со всем прибором, и здесь тебе так настроит часы, что лучше прежнего будут идти. Это превосходный мастер, был в науке у одного рума (грека) в Требезонде, может даже новую пружину вставить. Один у него порок – спит очень много; ну что ж, говорит, буду я делать: как только разберу часы, так сон и подушит. Не занимайся часами, и не спал бы, может быть.

На другой день предстал пред меня с глубоким ясаком Мустафа-сагатчи. Это был толстый порядочного роста османлы, с круглым и желтым как дыня, лицом, с небольшой клиновидной бородой, в дырявых шерстяных чулках (сапоги оставлены в преддверии), в чалме из старого тряпья, в полинялой и покрытой пятнами красной куртке и в синих, очень замусоленных,

¹ Saatçı.

² Один из кварталов города Карса.

³ Cami – мечеть.

* Посылать работу к мастеру, или самому лично делать покупки в лагнахе не прилично порядочному человеку.

шальварах; у пояса старый ситцевый плат и короткий черешневый чубук, влекущий на шнурке глиняную трубку; под левой мышкой кожаный мех, а в руке скамейка. По опухшим векам и по всему вообще виду сочли бы этого человека на Руси с похмелья, а здесь он был только наперсник Морфея¹.

– Сен сагатчи сам (ты часовой мастер)?

– Бели² – Голос его был тускл и сильно пахнул чесноком.

– Расположись же вот здесь и почини мне часы.

– Башуста! – и, отмеряв два ясака за один, он взобрался на нары, уселся на законном основании, установил скамейку плотно к коленкам, и стал вынимать из мешка инструмент. Али, между тем, положил пациента на оперативную скамейку. Я взглянул на инструмент. Что за циклопические орудия! По ним можно было заключить, что Мустафа-сагатчи пришел ковать коня.

– Это твой инструмент, уста?

– Бели.

– Это для часов инструмент?

– Б-е-ли.

Дальнейшим вопросам не было уже места. Все сомнения и недоумения были рассеяны протяжным, посредине расширенным бели. Долго и глубоко осматривал сагатчи наружность часов, цепочку, побрякушки. От времени до времени он мычал глухо, закрытым ртом. Как кончился объективный экзамен и как начался субъективный, мне не суждено было видеть. К сожалению, дела отняли у меня возможность следить за дальнейшим ходом операции. Но для истории искусств довольно сох-

¹ Бог добрых (пророческих или ложных) снов в греческой мифологии.

² Belli.

ранить один драгоценный факт, что посещения Мустафы-сагатчи продолжались около недели. Не раз вспоминал я о Тембель-усте и благословлял небо, что Мустафа-уста не на моей баранине. Не раз возвратясь домой, спрашивал я Али:

– Кончил ли сагатчи? – и получал один и тот же ответ. – Културды-мы¹ (не кончил).

– Что же он тут делает?

– Не знаю, что он делает. Бен на бимугим² - я что знаю? Вижу только, что он все на часы смотрит да курит, накурится и спросит, велел ли Ага кагве давать? Я скажу, ничего не говорил. Он скажет, юхум гяльды³ (сон пришел), и уйдет.

Ибрагим-Ага, гораздо более меня пекшийся о восстановлении движения часов, объяснял медленный ход дела такими словами:

– Мустафа-сагатчи не из базарных мастеров, не станет хвастаться и сколачивать как-нибудь. Он знает порядки, понимает, у кого работает, и не без того, чтобы не желал похвалиться лишний раз: я пробыл сегодня с утра до обеда у Каймакам-аги. Наши ремесленники ставят честь выше платы. Теперь, чаю, во всех кофейнях, каравансараях, цирюльнях и банях знают, что у тебя часы починяются...

Кто глубоко исследовал слабость естества человеческого, тому не покажется удивительным повеление, в тот же день изданное мною моему кафенджи:

– Али! Непременно давай кагве Мустафе-сагатчи и клади пред ним мой табак.

¹ Kurtuldu mu ? – освободиться.

² Должно быть Ben ne bilirim.

³ Uykum geldi.

Несмотря, однако ж, на медленнейшую, или что по-турецки одно и то же, искуснейшую работу Мустафы-сагатчи, и на уверение его, что скорее кади будет ошибаться в мечети, чем построенные им часы в моем кармане, эти знаменитые часы часто заблуждались насчет действительного течения времени. По возвращении в отечество я предъявил их лучшему часовому мастеру в Тифлисе. С явно насмешливым видом сорвал он с них многосложную верхнюю одежду, просквозил воруженным глазом их внутренность и полюбопытствовал узнать, кто их разбирал, бросив в то же время такой взгляд на меня, как бы относил это действие ко мне самому.

– Их чинил турецкий часовой мастер.

– Ого! турецкий мастер! это я карашо фижу.

Достопочтенный мой приятель, большой охотник беседовать по латыни, *ciassico sermone* (с грехом пополам, то есть между нами обоими пополам), штаб-лекарь анатолийской армии Али-эффенди уверял меня, что у них, в аскер-анадолу¹ (анатолийском войске), кто имеет порядочные часы, принужден бывает посылать эту машину для починки в Марсель; что паши и старшие офицеры оттуда же выписывают шитые воротники, лядунки, сапоги и многие другие вещи, и что само правительство делает во Франции заказы аммуниции, седел, мундштуков, госпительных снабжений и проч.

– *Classico sermone сене дедеджегим*², – прибавил Али-эффенди, по обладавшей им склонности к латыни, – *imperium nostrum terra est vasta et donorum naturae abundans*; амма эффен-

¹ Asker anadolu.

² Sana diyeseğim – я тебе скажу.

дим¹... sed artifices peritos et res elegantes manufctas eget, valde eget, эффендим, non habet - proprias...»².

Как ни рассуждай, хоть по латыни, хоть по-турецки, а турки народ не мануфактурный, и ни из чего не видно, чтоб они хлопотали выйти из этого положения. Конечно, и нас не считают народом слишком мануфактурным; но разница, и огромная разница в том, что мы идем по дороге мануфактурного, как и всякого другого разумного, развития, на каковой предмет турецкая даже пословица гласит: кто идет – дойдет. Если не с гордостью, то с удовольствием сказать надобно, что по Анатолии довольно расходуется наших замков, ножей, самоваров и стаканов*, разной посуды, сургуча, табакерок, колокольчиков, с надписью: «кого люблю, того дарю» и других изделий. Правда, все это встречается только в скромных лавках, гордые же каравансарай загромождены произведениями британской мануфактуры, британским ромом, джином, портером, сахаром и чаем. Но и здесь иногда покажут вам кусок коленкор с клеймом Морозова и будут уверять, что это английский перкаль. Имущему дается.

Нечто в этом роде случилось со мною в Бюйюкдере³ пашалыке, в древнейшем армянском монастыре Сурб-Оганес¹, на

¹ Ama efendim – Но, послушайте, господин.

² В переводе с латинского - наша империя – обширная земля, изобилующая дарами природы; но, милорд... но ей нужны искусные ремесленники и изящные вещи, они ей очень нужны, милорд...

* Новое слово, получившее право гражданства в турецком языке. К нему прибавлено в начале И по нетерпимости турецкого языка к двум и более согласным в начале слова. В силу этой нетерпимости, турки говорят Истамбул, а не Стамбул. Питье чая по-русски, с самоваром, входит в употребление в Анатолии между людьми высшего полета.

³ Баязетский пашалык.

Мурад-чае – притоке Ефрата. Случайностями общей командировки мы были заброшены с полковниками И. А. Б.², в этот современный Юстиниану монастырь и упросили монахов показать нам остатки древней утвари, тщательно скрываемые от сребролюбия оттоманских забитов³ (чиновников). И вот, между разными сосудами, ковчегами, рукописными книгами, крестами, изваяниями из серебра в виде кисти человеческой руки (где хранились кости рук, отсеченных с пером, которое оне держали), попался нам большой серебрянный крест, с едва видной подписью. Преисполненный по отзыву настоятеля, армянской и греческой учености, по виду сухой, как заведываемый им пергамент, ризничий Тер... тер⁴... забыл имя... бывший нам истолкователем, говорит:

– Вот, господа, древнейший крест, с греческой надписью.

Подносим к светлому отверстию в стене, протираем, всматриваемся и читаем славянскую надпись, чеканенную вязью, под титлами: «кресту твоему покланяемся». Сердце в нас забилося крепче, – «и сердце в раю горя бе...».

¹ Храм Святого Иоанна (Сурб Ованеса) – купольная базилика в селе Багаван округа Багреванд Великой Армении. Согласно преданию, монастырь был основан Григорием Просветителем в III–IV вв. Именно здесь, в водах реки Арацани (Восточного Евфрата), в 301 г. им были крещены армянский царь Трдат III и его приближённые. Легенда гласит, что Григорием Просветителем в монастыре были перенесены также мощи святого Иоанна. Базилика существовала и в эпоху правления византийского императора Юстиниана I (527–565 гг). В 634 г. монастырь был полностью обновлен и впоследствии стал одним из наиболее величественных и значимых архитектурных сооружений Армении. И.Д. Попко и И.А. Бартоломей посетили его во время поездки к курдам, датируемой 22 августа и 1 декабря 1855 г.

² Полковник Иван Алексеевич Бартоломей.

³ Zabit.

⁴ Тер, тером – так именовали армянских священников.

– Это не греческая надпись, – говорим мы ризничему.

– Хейр¹, – возражает он, – нет, греческая, подлинно греческая; так у нас и по описи значится с давних давень...

Мы не стали спорить за силою турецкой поговорки: не тревожь старой соломы.

Во все время, что наше управление существовало на пространстве от Арпачая до Соганлука, в каравансараях Карса господствовали английские товары, прошедшие чрез Арзрумскую сухопутную таможеню. На первом плане красовались ситцы и разные бумажные ткани, преимущественно бумажный холст – «американ». Встречались также английские сукна и кружева, французские перчатки, шелковые платки, готовое белье. Все это было не высокого достоинства, зато ж и дешево невероятно. Штука ситца, в шестьдесят слишком аршин, стоила три рубля; дюжина рубах семь рублей; око (три с четвертью фунта) чая один рубль с четвертью. На товарах, особенно на галантерейных вещицах рисовались эмблемы, пленяющие взоры правоверных; бунчуки², луны, тура³ (вензель падишаха). Все это понятно, но вот что выше всякого понимания: в одной лавке продавались иголки, на бумажных обертках которых изображен был поросенок, валлага, поросенок с закорюченным в колечко хвостом. Лавочник был правоверный; будь ирмени⁴, это б ничего, а то правоверный, и его нисколько не беспокоило это злочестивое и, может быть, злонамеренное изображение.

¹ Науг.

² Короткое древко с привязанным к нему конским хвостом, символизирующее власть.

³ Название шахматной фигуры в форме осадной башни.

⁴ Армянин.

Турки потеряли, кажется, надежду сделаться народом мануфактурным и настез распахнули ворота для товаров иноземных. Протекционизму нет у них протекции. Отсюда эта разудалая контрабанда, водворившаяся близ нашей границы, в деревнях, воинственных и красящих бороду по-персидски карапапахов. Здесь краска на бороде – такая ж почти вывеска, как в другом месте пушок на рыльце.

III

Разноплеменность и разнохарактерность населения Карсского пашалыка. – Рогатый пешкеш. – Страх имени черкес-казаков. – Ночные призраки накануне Курукдаринского сражения. – Дела. – Непонятный вкус к доказательствам. – Наказание за женскую неверность.

*На свете меньше вещей видимых,
чем невидимых.
Турецкая пословица.*

Население Карсского пашалыка, как и все вообще население «османлы мемлекети»¹ – оттоманского государства – разноплеменно и разнохарактерно. В состав его входят турки, карапапахи, армяне и отчасти курды.

Последние отличаются атлетическим складом и ростом, колоссальным тюрбаном, особенной полнотой и особенно яркими цветами господствующей восточной одежды. Как люди воинственные и полукочевые, редко вынимающие ногу из

¹ Osmanlı memleketi.

стремени, они не носят туфлей, но обуваются в красные сапоги с подковами. У них, у этих красноногих курдов, можете открыть происхождение красной обуви, составляющей вывеску дворянства у наших черкесов. Пеший курд – мешок, но на коне игид–молодец. Стремена у него длиннее, чем у черкеса. В скачке и джигитовке он углубляется, врывается в седло, между тем как черкес отделяется от него, хочет из него выпорхнуть. Боевого своего коня курд не балует, зерном его не кормит. Независимо от этого воздержания он еще закаляет его не по-нашему: после долгой и шибкой езды (у курда нет тихой езды), когда скакун весь в мыле, он схватывает с него седло, заставляет его поваляться немного по траве и тотчас купает в реке, а выкупавши и остудивши, пускает его на траву. В глазах черкеса, который не снимет с нагретого коня седла, не даст ему ни пить, ни есть, даже не даст ему опустить морду в течение пяти, шести часов, это было бы явное конеубийство. Но у курда – зарар олмаз¹, вреда не бывает. Вы отнесете это к привычке и, может быть, к климату, а курд к талисманам, которые вплетает он в гриву и привешивает к уздечке. Когда же влияние дурного глаза одолеет силу талисмана, и конь занеможет, курд откроет ему кровь, или разобьет о его лоб куриное яйцо, с известным ему нашептыванием, и в этом все его ветеринарное искусство.

Армяне ничем не оттеняются от господствующего народа по одежде, приемам, привычкам, образу жизни, они те же чалмоносные османлы, даже в килису (церковь) ходят в чалмах. Говорят, они по-турецки и поют (если только поют иногда) турецкие песни. Это единственный, может быть, народ, у кото-

¹ Zarar olmaz.

рого нет собственной песни, который вместе с отечеством утратил и поэзию.

Но нет: израильтяне пели песни Сиона на реках вавилонских, на земле чуждой: не с отечеством, а с молодостью народа утрачивается его поэзия. Армянский народ отжил свою молодость: все качества и недостатки старости ему свойственны. Сами армяне считают себя старейшим из всех христианских народов, и если на что-нибудь указывают с гордостью, так это на свои исторические седины и морщины. В Кагызмане зашел я один раз в армянскую школу, в которой слышно было с улицы гуденье, как в пчелином улье. Да она и в самом деле походила на улей тем, что не имела окон, и получала свет из одной только растворенной двери. Каменный пол этого мрачного храма просвещения был усеян множеством мальчиков, которые сидели в беспорядке, как гороховые стручья на гряде. Их бледные лица и истрепанные книги, подсолнечнику цвету подобясь, были обращены к двери, откуда вливался свет к ним. В одном углу возвышался холм из обуви, скинутой учениками, в другом восседал на ветхой подушке учитель с коротким чубуком в левой и длинным жезлом в правой руке. Это был хилый, сгорбленный старик, глубоко начитанный в армянских книгах. Я спросил у него между прочим: кто, по его книгам, был основатель армянского царства? Он отвечал без малейшей запинки: Ной...

Турки на улице, армяне у своего домашнего очага. В недрах семейной жизни они сохраняют свой природный язык, хотя и допустили вторгнуться в него множеству османлизмов¹. Сох-

¹ Имеются в виду заимствованные армянами тюркизмы и их использование в повседневной жизни.

ранением языка и самой веры предков они обязаны грамотности. У них во всякой деревне школа, и мальчики начинают учиться грамоте по-армянски с пяти лет. Нигде так рано не сажают детей за книгу, потому что нигде так практически не рассчитывают, чтобы к тому времени как мальчик по возрасту сделается годен на какое-либо житейское дело, он уже отучился. И не в этом ли причина, что армянский мальчик не имеет живости и резвости своего возраста, что в десять лет он уже смотрит степенным, взрослым человеком, и что вообще армянин не бывает молод?

Замечательно, что турки, громя куполы на христианских храмах^{*}, оставляли без внимания школы. Прошли уже столетия, как звон колокола замолк в Армении, и в величественных храмах ее водворилось запустение, мерзость запустения на месте святе; но благодатное слово Евангелия живет в ней, пересаживаемое из поколения в поколение в утлых землянках школ...

Армянские деревни перемешаны с турецкими; нередко даже в одной деревне половина армян, половина турок. Как представитель народа, ветхого днями и судьбами, армянин лишен дородства и пригожества османлы; за то он воздержаннее, смышленнее и трудолюбивее своего поработителя. У армянина, как христианина, одна только жена; но детей у него больше, чем у османлы, мусульманина и многоженца. Эта последняя особенность резко бросается в глаза. Но позволительно, ка-

^{*} В Анатолии часто встречаются древние христианские храмы с пробытыми куполами.

жется, заключить из этого, что choses egales¹, армянин умеет доставить себе больше удобств существования, чем османлы*.

Одни только карапахаи не якшаются с господствующим народом и не подходят под один цвет с ним. Это татары, накочевавшие из Персии и поселенные при нашей арпачайской границе оседлой стражей, в силу старинного правила турецких султанов ограждать пределы империи поселениями воинственных племен. Карапахаи действительно не разлюбили еще оружия и не отстали от наследственных боевых привычек. Они молодцы на коне, на воровстве, в контрабанде и отчасти даже на аванпостах. У нас можно бы было сделать из них очень хороших казаков. Борода у них крашеная, а одежда и вооружение такие же, как у грузин и закавказских татар. Вместо чалмы носят они баранью папаху, по милости которой и называются карапахаи, то есть черношапочниками. Они магометане шиитской секты, господствующей в Персии и преданной аннафеме в Турции. «Гяур может еще проскользнуть каким-нибудь случаем в рай, но шиит никогда» – таков догмат суннитской нетерпимости турок.

Карапахаи не любят османлов. Во время войны они принимали нашу сторону открыто, с оружием в руках. Курды также не очень нежны к румам (туркам), но связаны с ними единством религиозной секты. В начале войны они поднялись было против нас, подстрекнутые обещанием мушира (главнокомандующего) анатолийской армии, который назначал им лакомый

¹ В переводе с французского - равные вещи.

* Турки почти не едят рыбы, а армяне, напротив, едят ее очень охотно. Монтескье полагает, что употребление в пищу рыбы значительно способствует к умножению детей в семействах.

пешкеш (подарок) из тифлисских каравансараяв; но как башкадыкларское поражение¹ дурно согласовалось с обещанием его высокостепенства, то курды вместо далеких тифлисских каравансараяв взяли пешкеш из обозов мушира и его бегущей армии, и разбрелись по своим горам. После того, во все продолжение войны они сидели в своих черных шатрах и благоразумно выжидали, чья возьмет.

Армяне во время войны искренно нам сочувствовали и доброжелательствовали. Являлись из них люди, которые радели нашему делу почти с самоотвержением. Поставщики и хлебопеки при турецких войсках были все греки; армянина ни одного не было*. Всякий раз, как наши отряды проходили мимо армянских селений, народ и духовенство радушно нас встречали и провожали. Священник в бедных нанковых ризах нес Евангелие, на старой потемневшей крышке которого сияло серебряное распятие. Он пел молитву о даровании победы, народ шептал нам благословение. Нам отрадны были христианские встречи в басурманской земле. Мы сходили с коней, снимали папахи и прикладывались к Евангелию. Зрелище было поистине умилительное.

¹ Башкадыкларская битва, имевшая место 19 ноября 1853 года между турецкими войсками под командованием сераскера Ахмет-паши и русским отрядом во главе с генералом армянского происхождения Василием Осиповичем Бебутовым в селе Баш Кядыклар Шурагельского округа Карсского пашалыка завершилась победой российских войск. В Баш Кядыкларе в 1829 г. насчитывалось 20 домов армян (Мурадян А., с. 79).

* В турецких войсках нет такого хозяйства, как в наших. Не говоря уже о других снабжениях, даже хлеб получают они от подрядчиков печеный. Две булочки, в 400 драхм весом, из пшеничного теста, не проквашенного, но за то порядочно просоленного, составляют таин - суточный рацион солдата.

В один день, возвращаясь с сотней кубанцев из дальнего поиска под турецкие аванпосты (это было в начале весны, пред открытием третьей кампании), остановился я неподалеку от армянской деревни на речке Карахан-чае. Пикеты выставлены, кони разнузданы и стреножены, бурки раскинуты и сухарные сумки расстегнуты. Через четверть часа подошли к нам с полдюжины армянских мальчиков. Это были пастушки ходившего вблизи стада. Они привели с собой молодого бычка. Кто держал его за рога, а кто толкал в бока, чтоб не робел при виде косматых бурок и папах черкес-казаков. Мальчики крестились и кричали «Христун, христун, воллага христун»; – т.е. христиане, христиане, ей Богу христиане!»

– Чох ей, амма бу гайван на истер¹ (очень хорошо, но это животное чего хочет)?

– Ага, бу пешкеш тыр, пешкеш² (господин, это подарок, подарок), – прикрикнули мальчики хором, и кто продолжал креститься, а кто хлопал бычка ладонью по зашеине, неугоми-мо приговаривая, – пешкеш, пешкеш.

Самый меньший карапузик^{*} приметно трусил и держался за хвост пешкеша с таким решительным видом, как бы это был для него якорь спасения. Между казаками, притихшими от усталости, поднялся веселый говор:

– Вишь ты, какой пешкеш приволокли, пострелята; газет бы лучше притартали... Эй, кичкине³, – пробасил урядник, – лаваш тартай, ахча дадим.

¹ Çok iyi, ama bu hayvan ne ister.

² Ağa, bu peşkeştir, peşkeş.

^{*} Карапуз – турецкое слово, из которого мы сделали арбуз. Karpuz.

³ Küçküne – малой.

Я пояснил речь урядника (а речь была о хлебе), дал мальчикам «яни монет»^{*} и велел отпустить бычка. Получив свободу, рогатый пешкеш испустил радостное мычанье и побежал скоком к своему стаду, а мальчишки пустились наперегонки к деревне. Скоро казаки получили газеты и даже журналы в глиняном переплете. После сорокаверстной побежки вся эта съестная литература читалась с особенным вниманием, без всякой критики и без малейшего неудовольствия на опечатки, плававшие в молоке в виде мух. Пришли из деревни старики и сам даже юзбаш с петухом в руках. Петух у турецких армян то же, что хлеб-соль у нашего народа при почетных встречах. За что такая честь вестнику измены и отречения, пусть решат, если не орнитология, то мифология и археология.

– Спасибо, юзбаш, за петуха, – сказал я начальнику деревни, чтоб сказать что-нибудь, – У нас свой есть; посмотри, с каким гребешком, – и я указал на трубача, вывернувшего папаху наизнанку для прохлады, и углубившегося в уписывание толстого журнала в глиняном переплете.

Юзбаш приятно улыбнулся и шепнул что-то на ухо стоявшему подле него молодому человеку. Тот сбегал в деревню и принес короткое огнестрельное оружие с расширенным наподобие кавалерийской трубы, дулом.

– Вы хорошо играете и на таких трубах; примите ж эту в пешкеш, – сказал юзбаш с лукаво-добрым видом и положил мушкетон ко мне на бурку.

– Ай да юзбаш-эффенди, славно придумал! Откуда ж ты взял это оружие?

^{*} То есть новый серебряный рубль. Новую монету нашу, золотую и серебряную, брали в Турции охотнее и с большим лажем, чем старую.

– А, вот откуда, изволь выслушать, ага. Недели с две назад наехали к нам в деревню баши-бозуки из-под Карса и начали безчинничать. Известное дело баши-бозуки – им закон не писан. Это не то, что низам^{*} ... Ну и начали всю чисто деревню буравить. Все пошло вверх дном. Мало того, что набрали разбойники ячменя, хлеба, кур, баранов сколько кто хотел, давай еще грабить пожитки. А хвастались так, что инда слушать было тошно. Мы де не те баши-бозуки, что прошлый год бегали от казаков, как зайцы от собак; мы из Арабстана пришли; увидите, как мы будем гонять этих казаков; на кебаб шайтану будем их кромсать. А черных этих буйволов с медными рогами, драгунов ихних, по десятку на одну пику нанизывать станем... Вот с такими-то речами, не во гнев тебе, Ага, шесть человек при самом юзбаше ихнем заходились у меня около сундука. Бабы подняли вой – лучшая, стало быть, одежда ихняя была в сундуке. Тогда вот он – Саркис – какую штуку выдумал! Вбегает с надвору сломя голову и кричит благим матом: черкес-казаклар чапылар¹ (линейные казаки скачут)! Баши-бозуки метнулись к лошадям; кто взнуздал, а кто и так, да скорей из деревни вон, – гай, гай! – подрали сколько мочи, только пыль взвилась столбом; назад сердечные ни разу не оглянулись, и с тех пор уж к нам ни ногой. Не только что не забрали разбойники ни ячменя, ни хлеба, ни баранов, сами еще растерялись: кто забыл абу, кто сумки, кто плеть, а юзбаш ихний, этакой здоровенный человечина, рукой до бороды не достать, оставил у меня вот этот самый мушкетон. Смех было тогда смот-

* Регулярное войско. По отзывам армян, регулярные турецкие войска ведут себя на квартирах чинно и добропорядочно.

¹ Çerkez kazaklar çaparlar.

реть на него. Двадцать раз совал он ногу в стремя и все не падал. Аллах, аллах, куда ж это стремя-то девалось! Ну, в глазах у него совсем потемнело, стремя ему показалось за комашку; насилу-насилу мы с Саркисом посадили его на коня... Пошли вам Бог всякое благополучие, только вашим именем и держимся...*

Храбрые Кубанцы, удалые Гребенцы! Помянем же и мы добрым и благодарным словом это доброжелательство турецких армян: сколько раз было оно нам в отраду и пригону! Не забуду никогда рокового вечера, последнего пред курукдаринской битвой, этим кровавым розыгрышем, в котором стояла на кону судьба Закавказья. Разводил я ночные аванпосты и отряжал разъезды. Было уже часов десять вечера. Ночь была безлунная, но не слишком темная; на темно-голубом небе ярко горели звезды. Прошло более часу, как в нашем лагере замерли последние звуки зари и все уже там начинало предаваться обычному покою. В неприятельском лагере пылали необыкновенные огни. Читатели пшеничных газет не оставили этой иллюминации незамеченной, вот как об ней, промеж себя, толковали:

– Что это за огнища у них нонече такие? Позябли что-ли они?

* Один раз навсегда всепокорнейше прошу, принять к сведению, что в моих, окуренных порохом, заметках ни одного слова нет из воображения, все из чистой действительности. Пользы не вижу черпать из воображения, да и надобности в том ни малейшей не имею, при обильном запасе действительности. Выноска в предупреждение подозрения и нарекания в самохвальстве.

– А что ты думаешь? Не позябнут эти черныши* хошь и серед лета?

– А шинеленки-то у них, видал братуха, под Башкадыкларом, дерьмо сущее. Эк вы, что выдумали! Станут османы про этих головешек дрова тратить! Самих их скорей на уголь перевернут. Какой же вы народ недогадливый! Поглядели бы сквозь очки в святцы, так увидали б, что у них нонече прозднек большой: енаральша ихняя именинница. И то праздник – именины. Поедем-ка, Кособрюхов, непрошенные, не поднесут ли? Что ж бы ты думал? Не поехали б нечто, как бы наша воля? Много, может, не сделали б, а уж переполоху нагнали бы такого, что и наша воровско-лесская Меркулиха, со всеми ведьмами, не отходила бы...

Я зажег фонарик под буркой и стал было писать записку в лагерь к генералу Б.¹, как вот приказный, отправленный с первым разъездом, скачет назад во все лопатки и объявляет, что разъезд, сделав не больше версты, заметил в темноте две белые фигуры: то ли птица, то ли люди, но скорее, что люди. Мелькнули оне и пропали; разъезд остановился и стал выжидать. Фигуры показались снова, но как только разъезд зашевелился, оне снова куда девались. Следуя за приказным, я поскакал к месту, где были оставлены им разъездные.

– Ну что тут, Фисенков?

– Да все тож, Мироныч: выткнутся анцыболы, мы тронемся, а они и опять, как в воду канут – игрец их побей! Хотя б уж стреляли, либо что...

* В рядах Анатолийской турецкой армии встречались негры.

¹ Генерал-лейтенант Василий Осипович Бебутов.

– Не лазутчики ли, – подумал я, – только зачем бы им быть в белом, и при том с этой стороны?..

И мы тронулись в направлении к месту, где показывались белые призраки.

– Урус, достун, урус, корхма¹ (русские, друзья, русские: не бойся)! – начал я произносить громче и громче.

И вот две человеческие фигуры, все в белом, явственно обрисовались в темноте, постояли с минуту на месте и бросились к нам так стремительно, что наши кони всхрапнули и метнулись в сторону.

– Я ваш, я ваш!

– Тише, тише, кто вы?

– Армяне из Огузлов²... Уф!.. Слава Богу, что не наткнулись на баши-бозуков. А уж как боялись и как бежали! Одежду покидали долой, побросали на дороге и, как видите, в одних рубахах остались. Да, слава Богу, что добрались до вас с весточкой, не пустой весточкой. Пред закатом солнца мы были в турецком лагере, хлеб продавали. Все там в сборе; обозы с пашинскими вещами потянулись к Карсу; в палатках все уложено; у совари³ (улан) все кони поседланы; около пушек тож все лошади в хомутах; солдатам раздавали ром. Мы все заметили. Пойдут они куда-нибудь эту ночь...

– Сажай их на конь! Марш-марш! Держитесь, приятели, крепче!..

¹ Urus, dostun, urus, korkma.

² Огузлы - село в Шурагельском санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. в нем насчитывалось 28 домов армян (Мурадян А., с. 79).

³ Süvari – всадник.

И чрез четверть часа добрые наши вестники были уже в ставке корпусного командира, а с рассветом турки были в полном наступлении на нашу позицию, да только промахнулись в главном расчете: наш лагерь вспорхнул еще с полуночи с своей шестинедельной насести.

Однако тяжеловесные потомки Османа, – да не умалится широкая тень их! – правду говорят, что где болит зуб, в ту сторону тянет и язык. Боевые воспоминания увлекли меня за пределы моего предмета. Что же делать, когда они связаны с другими воспоминаниями так туго, что никак их не оторвешь. Амма зарар иок (но вреда нет), тем лучше могли вы ознакомиться с духом этой разноплеменщины, над которой держали мы бразды правления в аллахо-спасаемом Карсском пашалыке. По различию народностей и дела у нас носили различные цвета. Тут были все семь цветов радуги. Турки и армяне были по большей части истцы, а карапахи и курды ответчики. Преобладающим же содержанием дел, особенно на первых порах, были воровства, грабежи и насилия, в наивозможных видах. Одаренный когтями, или, иначе, оруженосный клюет лишнего когтей, не носящего оружия, сильный душит слабого; так, кажется, всегда идет социальная жизнь в Туречине.

Но когда грабежи и насилия были нами значительно подавлены, развились дела тяжёбного свойства и мелкие жалобы. Жалобы, примером сказать, на то, что один сдуру или по злости лягнул другого, что один с голоду или по алчности вырвал соломинку из зубов другого. Армяне тягались между собою редко, турки непрерывно. Источником тяжб и жалоб служили прежде всего простота, та именно простота, которая хуже воровства; потом крайняя и нам непонятная оплошность по са-

мозащищению; наконец, этот грубейший вид эгоизма, который определен в старинной казацкой поговорке, ныне не имеющей живого смысла: «Не нашу сотню рубят, уписывают галушки». Вот вам пример. В многолюдной деревне, отнюдь не в крайнем доме, учинены самоуправство, насилие, грабеж, и никто из соседей не только не пришел на помощь, но даже не выглянул на улицу. Вот другой пример. Добрый человек шел себе путем дорогою, с думою под чалмой, с посохом в руке и чубуком за поясом. Ему повстречался сам на сам злой человек, такой же путник, с посохом в руке, но без чубука за поясом; заложил, зная, где-нибудь в кофейне. Не говоря худого слова, злой человек начинает тащить с плеч доброго человека законно ему принадлежащую абу.

– Да как же я сам-то буду без абы? – говорит добрый человек, нехорошо сморщив нос, – вон, видишь ты, тучка находит.

– Мне какое до того дело, – кричит злой человек, – давай абу, а не то я тебя вот этой клюкой.

Добрый человек пожал только плечами и отдал абу; но злой человек тем не удовольствовался, требует еще чубук и тютюн. Как ни тягостно лишение этих предметов первой необходимости, но они отданы. За тем следует, чего и ожидать было можно, требование денег.

– Вай, вай! только и есть за душой, что пять гурушей, – вопиет добрый человек, – сжался, не бери!

– Давай сюда пять гурушей, а не то вместе с душой их у тебя выкручу.

Отданы и гуруши. Злой человек накиннул себе на плечи абу доброго человека, набил его чубук его же тютюном и его же попросил подержать набитый чубук, пока сам вырубил огня,

потом закурил и пошел себе дальше, а добрый человек пришел в Карс с жалобой на потерпенное им разорение. Давайте ему удовлетворение.

– Зачем же ты отдал так легко свое добро? Почему не постоял за себя?

– Вай, вай! Бен фукара им, фукара¹ я беднота, беднота.

– Оттого-то ты и беднота. А ты б ошетинился, оскалил зубы, вот бы мошенник и не посмел тебя обидеть. Не велика важность, что он грозил палкой, у палки два конца, да и у тебя ж была дубина в руках.

– Сен беюк син, бен фукара им, фукара² (ты начальник, а я беднота, беднота) ...

Извольте ж после этого толковать с ней, с этой беднотой... Но вот, к доброму человеку № 1 приходит просить денег займы добрый человек № 2. Он так красноречиво изложил свою крайность, что № 1 тут же распахнул кису и отсчитал деньги. Не подумал он ни о свидетелях, ни о расписке. А, может быть, и подумал, да отдал предпочтение сидевшей у него в голове задней мысли: к чему славить в людях, что деньги есть? Задние мысли аллах билир³ (один Бог знает). А между тем, не случается ли нам с ними, с этими прекрасными мыслями, осаживать назад, когда надеялись ловко выскочить вперед? Да, вот уж срок для отдачи долга давно прошел, а добрый человек №2 и глаз не кажет доброму человеку № 1. Что тут делать? Надобно самому хлопотать, чтоб с ним свидеться. Свиделись.

¹ Ben fakirim, fakirim.

² Sen büyüksün, ben fakirim, fakirim.

³ Allah bilir.

- Кейфин насыл¹ (каково здоровье)?
- Аллага шюкюр² (слава Богу).
- А дела какво идут?
- Да ничего, идут себе довольно хорошо.
- Стало быть, можно уж и разделаться.
- В чем это разделаться?
- Можно мне и денежки отдать.
- Какие денежки?
- Да те, что взял ты у меня за месяц до оруча³.
- В первый раз слышу, никогда у тебя не брал я денег; по милости аллаха, своих довольно...

Ну, вот и жалоба. Но как жалоба без доказательств, то ни от меджлиса, ни от мюдиратора удовлетворения иок, аллах версын⁴ – нет, Бог даст, не прогневайся. Будь это при своих властителях, нашлось бы средство подействительнее всяких доказательств; а то эти сарылары^{*}, – да сократится тень их в конец! Пешкешей не берут, подай им доказательство. Эта дрянь, это сущее дерьмо – доказательства слаже им пешкеша. Бывают же уроды с таким нелюдским вкусом. Толкнусь, однако же, к каймакаму⁵, запою ему таким тонюсеньким голоском, как будто

¹ Keyfin nasıl.

² Allah şükür.

³ Оруç – пост.

⁴ Yok, Allah versin.

^{*} Буквально рыжие. Так называли чернявые османы рыжих англичан, когда разговаривали с нами и считали неприличным употребить более употребительное слово «гяур». Мы было с простоты и себе ж туда за ними: сарылар, сарылар! Но печальный опыт вскоре убедил нас, что за глаза и мы подвергаемся упомянутому названию точно так же, как и англичане. Выходит, что сарыларами именуют, в черномазом Леванте, все вообще народы цельтического происхождения.

⁵ Каймакам – Глава администрации уезда (казы) в Османской империи.

три дня не ел. Толкнулся. Но, тьфу ты, пропасть! Провались они совсем, эти ахмаклар, гарамзадалар¹ – дураки, незаконно-рожденные! Эх, как плотно засели в их неверную и небритую башку эти доказательства! Доказательства, доказательства, да еще и вопрос в утешение.

– Очего же ты не взял расписки, или не отдал денег при свидетелях?

– Сен беюк син, бен фукара им, фукара, (ты начальник, а я беднота, беднота).

В основании семейных распрей не лежали уже простота и фукара, а колобродили страсти, и страсти такие... что говорить про них – страсти. Возникали казусы, о возможности которых в человеческом житье-бытье, даже в человеческой природе нам до того и во сне не снилось. Отчего, например, недавно оженившийся сын вцепился в седую бороду отца, у которого все четыре жены давно уже отцвели и поблекли? Или что подвинуло к нарушению верности жену, которой муж всем взял, да только свои вожеления отдал в путеводительство уродливейшему из бесов?.. Нет, тут уж лучше, говоря словами Хаджи-Бабы, возложить упование на аллаха и сокрушить калем² (пером) на мелкие кусочки*. Если вам любопытно знать, какие приговоры изрекает суд над неверной женой, об этом, извольте, сказать можно. Но нет, нет, вскрикиваете вы, простирая вперед руки, как бы меня отталкивая, пощадите наши нервы, убирайтесь: и без вас хорошо знаем. Много мы читали о ко-

¹ Ahmaklar, haramzadeler.

² Kalem.

* Говоря словами одного солидного писателя: J'ai senti la pudeur effrayee, quand j'ai voulu le rapporter (В переводе с французского - Я почувствовала испуганную скромность, когда захотела вернуть ее – составители).

жанных мешках, ввергаемых по ночам в волны Босфора, о камнях, побивающих юную и прекрасную жертву греха, зарытую до пояса в землю, о кинжалах, дымящихся страстной кровью... Успокойтесь, ради самого пророка, успокойтесь, или, если угодно, разочаруйтесь, или, если угодно, испустите вздох сожаления, что теперь уж этого нет. Нет теперь этой неистовой, потрясающей поэзии; вытеснила ее холодная, вялая проза, а в чем сия проза, тому следуют пункты. Пункт первый. Неверную жену присуждают к изгнанию из своей деревни в какое-нибудь отдаленное место. Там она водворяется на известный срок в благонравном семействе в качестве служанки и поручается надзору местного кадия. Пункт второй. Если оное семейство, купно с кадием засвидетельствуют по прошествии предписанного срока, что изгнанница вела себя целомудренно, или умела искусно прикинуться таковой, ее возвращают мужу. Пункт третий и наитягчайший. Рад, не рад бери назад: пятна уж нет, смыто слезами тоски по родине. А не нравится, разведись, – токмо довлеет ти обеспечить ее содержание, дондежене восхоцет пояти ее ин муж¹.

¹ Часть предложения содержит архизмы. Примерное содержание: «...– только обеспечить ее содержание, до тех пор пока она не выйдет замуж».

Меджлисы. – Подати. – Соль. – Лес. – Повинности. – Просители. – Баиш-кятиб Ибрагим-эфенди. – Официальная письменность. – Игра в русские солдаты. – Рецидивы.

*На свете меньше вещей видимых,
чем невидимых.*

Турецкая пословица.

Дела такого рода и других подобных родов, подлежали ведомству меджлисов. Наше дело было блюсти за беспристрастием, бескорыстием (аллах, аллах – блюсти за бескорыстием!) и правосудием этих чалмоносных ареопагов. Меджлис учреждался из четырех членов, выбранных обывателями из своих сословий, одного председателя в сане кадия, выбранного нами из благоразумных и благомыслящих духовных лиц. В каждом санджаке состоял меджлис санджаковый, откуда дела по апелляции или по особенной важности восходили в главный меджлис, находившийся в Карсе. На первых порах личный состав меджлисов оставался тот же почти, какой был до нас при турках; только в главный и в некоторые санджаковые меджлисы мы прибавили по одному члену от армянского населения. Это было как бы предвестием хатти-гумайюна¹. Меджлисам предоставлена была полная свобода решать дела по шариату и по адату, то есть, по священному закону и по преданиям опыта, или заключениям здравого смысла, потому что далеко не все

¹ Издание Гюльхане Хатт-и-Шерифа (Эдикта Вардастана) 3 ноября 1839 года султаном Абдул-Меджидом (1839–1876) в Османской империи ознаменовало провозглашение эпохи Танзимата – века реформ, а издание Хатт-и-Хумаюна 18 февраля 1856 года положило начало новому этапу эпохи Танзимата.

человеческие действия предусмотрены и определены в священном законе (Кто их предусмотрит и определит!). Меджлисы также обязаны были сосчитывать подати по каждой общине и делать раскладки натуральных повинностей. Исполнительная власть по этим предметам находилась в наших руках, потому что меджлисы были бы для этого слишком ленивы и слишком падки на пешкешу. В пределах управляемого нами края существовали два рода податей: денежная – сальян, и натуральная – багра, то есть десятина от произведений обрабатываемой земли. Сверх того, существовали еще особенные налоги на армян за иноверие и частные с них поборы в пользу местных властей, например, плата в пользу кадия за дозволение предать земле мусульманской тело покойника не мусульманина. Мы не брали, ни сальяна, ни других денежных податей; мы собирали одну только багру¹ – пшеницу, ячмень и сено, которые и передавали в наше провиантское ведомство. На полученные же от этого ведомства деньги содержались в завоеванном крае власти и улучшались пути сообщения.

Около Кагызмана, на правом берегу Аракса, лежат целые горы ископаемой соли. При нас народ добывал ее свободно. Сверлил, кто имел нужду и охоту, соляную гору и делал в ней взрывы, насыпая в высверленную норку горсть пороха. Эти взрывы так же почти были громки, как чиханье после понюшки табаку. В свободное также пользование отданы были и сосновые леса, покрывающие хребет Соганлукских гор. Что, видимо и неоспоримо благоприятствовало их сбережению.

¹ Ашар или багра – так называлась главная и важнейшая подать, взимаемая со всех видов сельскохозяйственной продукции, 1/10 часть этой подати поступала в казну.

Лень, признаться, делать выноску, уж и так их довольно нагородил, – делаю примечание в строку: у турок дерево срубается еще выше от корня, чем у нас.

Из натуральных повинностей самая важная при нас была подводная. Если подводы выражались для общественной надобности и пользы, например, для перевозки бревен, требовавшихся на устройство мостов и переправ, то платы не полагалось; за всякую же перевозку казенную, даже за перевоз из Карса в Александрополь военного имущества, оставшегося от турецкой армии, платили мы обывателям наличной звонкой монетой. И как еще хлопотали, что бы каждый заработанный поселянином гуруш непременно дошел по принадлежности. Это удивляло карских граждан вообще и главный меджлис в особенности.

– Удивительные у вас руки, – говорит, бывало, мой почтенный хозяин Ибрагим-ага (он был член главнаго меджлиса, – да будет невозмутимо его там сиденье!) – Удивительные руки, самая клейкая смола к ним не прилипает.

Оставляя себе часть распорядительную и дела высшей полиции, особенно заботы и хлопоты по охранению общественной безопасности в населенных местах и на проезжих дорогах, мы направляли жалобы, тяжбы и споры в меджлисы; но как ни бились, не могли добиться строгого соблюдения инстанций. Дела, отброшенные нами в меджлисы, отскакивали от них и еще с большим стремлением возвращались к нам. Было что-то похожее на игру в мяч. Наша доступность была тому виною; нам самим была она и непрерывной мукой. Только рассвело, уж и просители. Хорошо, если это карапах: вошел он бойко, взглянул молодцом, плотно притиснул ногу к ноге в коленках

(одно из условий этикета), поклонился на бок, на левое ребро – там ведь сердце – и начинает живо излагать дело. Лжет он не ладно да складно и, что лучше всего, за что ему спасибо большое, бумаги не любит. Если же это османлы – аллах, аллах! – ввалится в дверь мешком и станет у порога пнем. Выражение лица неподвижное, сонное. Дверной наличник такое же точно имеет выражение. Не заговорите к нему, простоит целый день.

– На истер син, достум¹ (чего ты хочешь, приятель)?

– Арзугал, эфендим² (прошение, господин).

– Давай сюда твой арзугал.

И, согнувшись, как бы крался под дичь, или тащил куль муки указного веса, он приблизится к вам, схватит вашу полу, приложит ее к губам и ко лбу и подаст бумагу.

– О чем же ты просишь?

– Бурда язты дыр, бах³ (здесь написано, посмотри).

– «Гм! ... гм! ... здесь действительно написано... хорошо, я вижу, что написано (не сказать же ему, что я не умею читать; да и какой смертный дерзнет похвалиться, что он умеет читать по-турецки); но здесь, приятель, коротко написано, а ты мне расскажи дело подробно.

Наша безграмотность просто ввергала нас в трясины многоглаголения, из которой так же нелегко выкарабкаться, как и из всякой другой злокачественной топи. Вызванный на расскази податель арзугала пускается в изложение родословной своей и своего противника и исчисляет вам все мозоли, бородавки

¹ Ne istersen, dostum.

² Arzuhal, effendim.

³ Burda yazdırdı, bak.

и родимые пятнышки, тогда как дело идет только о кашле. Но как, по турецкой пословице, всякая вещь в мире имеет свой конец, то и проситель кончит, наконец, тем, что кончит. Вы предложили ему обождать в приемной и послали за баш-кятибом Ибрагимом-эфенди, который еще не вставал. Турки не любят вставать рано. Поднятый до восьми часов, баш-кятиб Ибрагим-эфенди является с дурным расположением духа, с запухшими глазами и еще не прояснившимся, еще подернутым плесенью сна ночного, голосом.

– Прочитай, Ибрагим-эфенди, эту бумагу.

– Башуста! Гм! мгг!... – И читает Ибрагим-эфенди, поднеся бумагу к окну и к носу, читает шепотом и вслух, и все откашливается, все прочищает голос. Он читает тяжело и долго.

– Кончил, Ибрагим-эфенди?

– Дага културдым-мы¹ (еще не кончил).

Проходит четверть часа.

– Кончил, Ибрагим-эфенди?

– Один раз кончил, в другой начал.

– Ну что же там?

– Бу сагат² (сей час).

Проходит еще четверть часа. Наконец, Ибрагим-эфенди откашливается окончательно и начинает передавать в растяжку:

– Эф-фен-дим! Гассан-Али-оглы выпросил у Мемеда Сале-Юсупа-оглы пару быков на поездку.

¹ Daha kurtuldum.

² Bu saat.

– Кажись, не так, Ибрагим-эфенди; не Гассан у Мемеда, а Мемед у Гассана выпросил быков: Гассан ведь истец, податель арзугала.

– Мгг! Гггм! Посмотрю получше: бу, бу, бу, бу... Да, точно Мемед-Сале-Юсуп-оглы выпросил у Гассана-Али-оглы пару быков на поездку, на три дня, а проездил три недели и назад без быков пришел.

– Пришел, а не приехал верхом?

– Посмотрю... да, точно приехал верхом и объявил, что быки отбиты у него курдами. Но Гассан проведал, что быков тех Мемед самоумышленно променял курдам на лошадь. А быки те не были у Гассана его собственные; были они взяты молоднячками у Хуршида-Мустафы-оглы под заклад, до отдачи долга. Гассан повел Мемеда к Хуршиду и между ними произошла ссора. Он плюнул ему в лицо и назвал собачьим сыном...

– Кто ж это плюнул кому в лицо?

– Посмотрю... бу, бу, бу, бу... Эф-фен-дим! Не видно, кто именно плюнул.

– Хорошо, а дальше что?

– Дальше, Эф-фен-дим, Гассан-Али-оглы жаловался в тахтинский меджлис, и Хуршид-Мустафа-оглы туда же жаловался. Меджлис истребовал Мемеда-Сале-Юсупа-оглы вместе с конем, образовавшимся из пары быков. Конь это оказался жеребчик, масти саврасой, трех лет. Меджлис присудил отдать жеребчика Гассану-Али-оглы, а Хуршид все норовил и пешкеши сулил, чтоб жеребчика то ему отдали за бычков. Хуршид бы и переделал дело по-своему, как вот, в сие самое время, к

жеребчику нашелся хозяин Ирмени-Парсег-Никогос-оглы, у которого оный украден, назад тому четыре года, кобылой...

– Как это так, Ибрагим-эфенди?

– Хейр, хейр (нет, нет), украден сосунком, вместе с кобылой.

– Все-таки непонятно: жеребчик трех лет, а украден четыре года тому назад. Посмотри-ка, Ибрагим-эфенди, получше.

– Бу, бу, бу... Эф-фен-дим! Жеребчик четырех лет, а украден три года тому назад. Меджлис приказал Мемеду-Сале-Юсупу-оглы: хоть роди, а подай того курда, у которого выменял часто упоминаемого жеребчика за быков. Явившийся человек, якобы курд Гуссейн-Ат-Ойнадан-оглы показал, что купил он означенного жеребчика летом в Чыблахлахе¹, у Али-Бекира-оглы, у которого видал в тоже время и кобылу масти саврасой. Но сей Али-Бекир-оглы, всему свету известный конокрад и безбожник, курящий чубук днем, во время оруча, объявляет жеребчика своим доморощенным, и бессовестно отрекается от кобылы, нагло утверждая, что у этого жеребчика ни в какие времена кобылы не было, да и быть не могло...

– Ибрагим-эфенди! Это совсем противно законам природы.

– Бели. – И улыбка, первая с тех пор, как светило дня озарило вселенную, блеснула на покрытом тучами лице баш-кяти-ба. Он возвысил голос и продолжал:

– Дальше эф-фен-дим...

– Довольно, довольно: ясно видно, что дальше. (Если, где, так это именно здесь – чем дальше в лес, тем больше дров).

¹ Чаплахли – село в Карсском санджаке Карсского пашалыка.

Присядь, Ибрагим-эфенди, и напиши на этом же самом арзугале кагызманскому меджлису, чтоб разобрал это дело беспристрастно и решил правосудно; особенно имел бы в виду курда Гуссейна-Ат-Ойнадан-оглы, не подставной ли он; ведь у вас делается это сплошь да рядом.

Ибрагим-эфенди не тотчас сажился, но отправлялся сперва за своим письменным прибором. Так-как он воротится еще не скоро, потому что будет завтракать, то можно, кажется, сказать этим временем несколько слов о его наружных и внутренних достоинствах.

Удивительно, как врезались мне в память все зубчики этого колеса в машине нашего карсского управления. Так решаюсь я назвать баш-кятиба Ибрагима-эфенди. До сих пор, в ранний час утра, когда нечего мне делать, предстает он моему воображению, и я вижу его, и слышу его, и так велика бывает иллюзия, что невольно случается, воскликну: сабагин хейрола¹ (да будет радостно твое утро)! На что казенная прислуга отзывается за перегородкой: чего изволите?..

Росту он был высокого, худощав и сгорблен. Не под бременем годов он сгорбился, но под влиянием взглядов высшего карсского начальства, в лице которого служил с ранней молодости. Лицо было у него рябое, сонное и, следовательно, безстрастное. Одна только рябость, одна тусклость препятствует уподобить его льдине. Нос у него был... труднейшее дело объяснить простейшую вещь!.. нос был обширный и возвышенный, но совершенно безжизненный, со всех сторон прямой и как будто вырезанный по выкройке из... из чего

¹ Sabahın hayırlı olur.

угодно мягкого. Очертание подобного носа передать можно, но выражение нельзя, потому что в нем никогда, даже во время нюханья чего-нибудь раздражающего, не замечается никакой игры. Но, что хуже еще, подобные носы лишают всякой возможности распространяться о физиономии: они бросают от себя широкую тень и заслоняют собою всю остальную физиономию. В следствие чего перейдем прямо к бороде. Бороду Ибрагим-эфенди подрезывал по-военному, как у пашей, или очень старых миролаев¹, головы не брил, что также свойственно военному званию, но чалму носил, то есть: вокруг фесы, у военных людей свободной от всяких приложений, повязывал платок. Обувался он в туфли, когда было жарко, и в сапоги, когда было прохладно. Дальнейшее же пространство ног, до высшего предела живота, неизменно облакал он в узкие европейские панталоны, что и служило решительным выражением его официального превосходства над правоверной, но безграмотной толпой. Однако влияние этой толпы как могущественно! Ибрагим-эфенди не смел оттеняться от нее верхней одеждой, и с узкими западными панталонами сочетал широкий восточный бурнус. Словом сказать, снаружи и издали был он как будто и праверный, сиречь² такой, как на табакерках пишут, но вблизи и исподи многое оказывалось в нем «а ла франка». Ибрагим-эфенди никогда не говорил каламбуров и вообще никаких шуток. В обыкновенных речах хранил важность, а в глубо-

¹ Мирлива – воинское звание в османской армии и флоте, соответствовавшее званию полковника.

² Старинное русское слово, которое переводится как «то есть», «иначе говоря», «иными словами».

ких суждениях обнаруживал независимость убеждений, своеобразность взглядов.

На вопрос, отчего на правоверных домах не делают крыш, отвечал кратко, но ясно: чтоб не было духоты в домах. На другой вопрос, отчего в правоверных городах улицы так тесны и здания сдвинуты так плотно, давал ответ менее краткий, но более ясный: чтобы не было холодно зимою и жарко летом. В формах письмоводства был он тверд и непоколебим до стоицизма. Напрасно стали бы вы говорить ему – это к нам не идет, это с нашим положением не сообразно. Он скажет вам только: сурет¹, эфендим, форма, милостивый государь, – и остается глух ко всем дальнейшим убеждениям. Ну, ну! настоящий был демир-адам² – железо-человек. Нужно ли после этого сказывать еще, что Ибрагим-эфенди был очень степенный человек, что оруч хранил он до крайнего изнеможения, в мечеть ходил ежедневно, карт не брал в руки и ром вкушал с величайшей осмотрительностью. Совсем не таков был его сослуживец, другой баш-кятиб Али-эфенди – болтун, картежник, нарушитель оруча, порицатель прежнего начальства, явный ромопийца. Тот носил фесу без всякой повязки, по-военному; к формам письмоводства был совершенно равнодушен и любил величать себя военным человеком, единственно в извинение своих слабостей. Скажешь ему бывало: хочешь рому, хочешь спирту? Он ответит живо: спирт лучше, и, хлопнув чарку, проговорит, сбивая фесу к затылку: аскер-адам им³ (я военный человек); а как пройдетя по другой, начнет тужить, что после нас оста-

¹ Surat.

² Demir adam.

³ Asker adamım.

нется один приторный ром по-прежнему. Ибрагима-эфенди он не любил и называл его ханжей, лицемером и лжецом. Я же, нимало ныне не ослепленный пристрастием, считаю долгом справедливости засвидетельствовать пред целым светом, готов присягнуть на алкоране (перевод Казимирского)¹, что Ибрагим-эфенди никогда не лгал, ни по корыстным видам, ни даже по избытку воображения. (Из чего и позволительно заключить, что у Ибрагима-эфенди не было избытка воображения. Аллагашюкюр (и слава Богу)! Тем лучше для него). Призванный в тайное заседание главного меджлиса, во время сочинения срочного доноса на нас в Арзрум, он на нас не клеветал – ни единой же вины на нас не налагал. Напротив, Али-эфенди готов был подхватить и развить какую угодно ложь, хоть на нас в меджлисе, хоть на меджлис у нас: ему было все равно; на то он был аскер адам – военный человек, или иначе сефер² – вечно путешествующий, и потому освобожденный от всех строгостей правоверия. Я не хотел бы видеть в Ибрагиме-эфенди ни одного недостатка и самые даже недостатки, по истине, желал бы видеть в нем добродетелями; но тот же долг справедливости, который подвинул меня на защиту его против Али-эфенди, побуждает упомянуть, что он был человек глубоко скрытный. Долго носил он в своей холодной груди пламенную и безнадежную страсть к моему прекрасному самовару. Ослепительный блеск и обворожительный шум этого рыжего сына Тулы каждое утро производили на него глубокое впечатление и потрясали в нем кровеносные сосуды. Самые ошибки и кви-про-

¹ *Коран в переводе А. Казимирского. Le Koran / par M. Kasimirsku, Paris, Charpentier, 1841.* Хранился в личной библиотеке И.Д. Попко.

² Sefer.

квоки, которые делал он, читая утренние арзугалы, я отношу отчасти к этому могущественному влиянию самовара на его ум и сердце. Но он упорно молчал.

Он тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал.

И только пред самым нашим отбытием из Карса проговорился моему урус-баш-кятибу, русскому письмоводителю Оганесу-аге:

– Ах, любезный мой благоприятель, Оганес-ага! если бы, о, если бы к моим благоприобретенным истаканчикам да самовар каймакама-аги, не был ли бы я счастливейшим человеком в Карсе?

В тот же день как догадливый Оганес-ага передал мне это тайное вожделение, в книге судеб Ибрагима-эфенди оказалось написанным выслушать от меня следующую торжественную речь, именно торжественную речь, произнесенную в полном собрании гостей:

– Любезный и долгой памяти достойный Ибрагим-эфенди! в сей многознаменательный день, долговременно усердная и разносторонняя служба твоя доставили тебе из рук самого валия серебрянные часы с цепочкой и фарфоровую сахарницу с крышкой. От меня же прими сей заветный самовар, верно, мне сопутствовавший в походах и битвах, и носящий на себе досто-славные знаки невзгод, опасностей и трудностей военного быта. Су бардак су йолда кырыллыр¹ – водоносный сосуд на пути к воде сокрушается. Но он не сокрушился. Да не умалится блеск его, ни в сем, ни в грядущем году; шум же его да напо-

¹ Su bardak su yolda kırillar.

минает тебе о бывшем его владельце до скончания дней моих и твоих. Пред лицом настоящего собрания, передаю сей пешкеш из рук в руки – боюр! Осыпaeмый многочисленными поздравлениями, Ибрагим-эфенди принял самовар в свои руки и, прижав его к своему жилету, клялся век меня помнить и часто писать мне письма в Петрополь. Ни одного, однако ж, не писал, на том общем основании, что из ста обещающихся писать письма, меньшим числом девяносто девять не пишут. Да и хорошо сделал: где ж бы я там нашел баш-кятиба, чтоб читать его послания!

Но пора прекратить речь о личности Ибрагима-эфенди. Вот он пришел назад с своим письменным ящиком и уселся не а-ля-турка и не а-ля-франка, а как бы сказать, как Оттоманская Порта в настоящее время. Потом положил он левую руку на левое колено, ладонью кверху, распростер по ладони бумагу и стал писать. Писал же он с таким напряжением и одышкой, как бы тянул лямку против течения. Тяжело пишут турки. С развитием официальной письменности придется им сделать то же, что и у нас когда-то было сделано: заменить титла наличными гласными, округлить углы и распрямить зигзаги согласных, словом, сочинить новую более подвижную и ходкую гражданскую азбуку. В ожидании этого улучшения, Ибрагим-эфенди пыхтел и потел целый час, пока написал десять строк, половина которых состояла из строжайших повелений и угроз:

- Угроз бы можно было и не писать, Ибрагим-эфенди.
- Сурет, эфендим, сурет¹ – главнейшая вещь.

¹ Suret, effendim, suret.

Не могу умолчать здесь об одной слабости баш-кятиба Ибрагима-эфенди, слабости официальной и общей всем турецким канцелярским чиновникам, принимающим ее за блестящее качество. Как всякое полуневежество любит хвастнуть перед полным невежеством, то Ибрагиму-эфенди очень нравилось пичкать в свои писания арабские и персидские слова, и так он был в этом отношении не воздержан, и пичкал их в таком множестве, что напоследок сам в них запутывался, и читал, случалось, совсем не то, что писал. Но таков уж, видите, вкус на востоке: ни в пилаве, ни в бумаге, без пряностей жарчайших стран нельзя. А, впрочем, не водится ли этого и на севере, в странах наиболее прохладных? Но к чему, помилуйте, такие грубые отступления! Не лучше ли припомнить басенку «зеркало и обезьяна», и продолжать прядь по добру да по здорову прерванную нить повествования? И то правда.

Так вот Ибрагим-эфенди сделал надпись на арсугале, прихотливо расчеркнул финальный крючек, засыпал темные строки блестящими медными опилками, которых отнюдь не стряхнул, но дал им засохнуть на густых, как деготь, чернилах, вынул потом из серебряного шарика, прикрепленного цепочкой к печати, кусочик туши, взял ее на язык, чтоб сообщить ей легкую влажность, потер ею мой «мюгир»^{*}, и приложил этот могущественный символ к бумаге. За тем хартия готова; остается только вручить ее просителю.

^{*} Именная печать такой величины и формы, как воробьиное яйцо. Подписей в турецких бумагах вовсе не существует. Подписывать свое имя, или писать с себя портрет дело нехорошее. А потому, грамотны вы, или нет, личное спокойствие выше всего; вы приказываете приложить ваш мюгир вместо подписи. Из одного этого можно составить себе понятие о степени образованности и письменной деятельности турецких «забитов».

Но приказный Одинцев, который для этого позван, докладывает:

– Баба прибегла, ваше высокоблагородие, да разозлемшись больно; весь народ в сенях порастолкала, так вот живосилом и ломится.

– Введи ее.

Вошла женщина молодая, или старая, аллах биллир (единому Богу известно), потому что вся закутана в белое шерстяное покрывало и при том стала боком к дверям, чтоб даже и глаз ее не было видно.

– Ага, – начала она объясняться, все стоя боком, – соседкин сын Дурах, тот, что ты в медресе плотишь за его учение, избил в кровь мою девочку, нос расквасил, озорник, похабник.

– Такой умный и скромный мальчик, что это с ним случилось? За что избил он твою девочку?

– Не мою одну, всех мальчиков и девочек на улице переколотила, сорванец, озорник, похабник. Давайте, говорит, будем играть в русские солдаты, а я, говорит, буду миролаем (полковником) затем, что грамоте умею. Дети послушались и стали играть. Построил он их в ряд, ровнять начал, а сам все петушится да все кричит какие-то русские слова, у солдат ваших выучился. Третьего дня Ирмени Бедроз, цирюльник, сказывал, что это нехорошие слова; хоть и русские, говорит, а все-таки нехорошие; не велите, говорит, детям кричать этак на улице: русские господа сердчать стануть. Такие-то все слова кричал Дурах, да вдруг забежал с краю и давай по зубам чистить бедных детишек, всем надавал в морду, а моей Айшечке пуще всех досталось: его то самого дурочка вздумала царапнуть.

– Вся в матушку, – подумал я.

– Благо, люди случились, прикрикнули на сорванца, а он и ухом не ведет: подите вы себе, говорит, что вы знаете? на то, говорит, игра в русские солдаты...

Должен я сказать здесь, хоть в скобках, что игра в русские солдаты была при нас в большом ходу на улицах Карса, и что не только мальчики, но и девочки чрезвычайно громко и чисто произносили наши сильные, военные выражения, не помещаемые в уставах и никогда не попадающие в типографские тиски, от чего, вероятно, и называются они, в иных случаях, вольными.

Надобно было поправить неловкость Дураха, который так испортил эту прекрасную игру, желая, конечно, довести ее до высшей степени совершенства. Куда ж было знать ему правило, что лучшее враг хорошего. Жалобщица получила десять гурушей на пряники обиженной девочке и отправилась, вместе с Ибрагимом-эфенди, к кадию. Податель арзугала позван, и хартия вручена ему с приказанием доставить ее в санджаковый меджлис, от которого и ожидать решения.

– Ага, кто ж теперь за быков будет платить?

– Это решит меджлис.

– Башуста! А за жеребчика кто будет отвечать?

– Решит меджлис.

– Башуста!

Отвязался, наконец, ушел. Бегом, чаю, побежал; завтра утром в Кагызмане будет.

На завтра наутро новые дела, новые лица. Ба! да вот между новыми и вчерашнее одно лицо.

– Ты, кажется, Гассан-Али-оглы?

– Бели.

- Ты вчера получил от меня бумагу в Кагызмане?
- Бели.
- От чего же ты не отправился?
- Было отправился, да вспомнил на дороге и воротился.
- Зачем же воротился?
- А за кобылу, ага, кто будет отвечать?
- Джаным! Обо всем меджлис сделает распоряжение, все в бумаге написано.
- Башуста.

Ушел. Не подлежит сомнению, что ушел, да только надолго ли? Нет, того и гляди, что воротится, воллага, воротится. Когда он пред вами стоит и вас выслушивает, всякое в нем мышление в пятки уходит; когда же от вас удалится, в те поры начинает думать и размышлять. Такое положение пред властью вошло к нему в кровь с молоком матери, с воздухом, который вдыхал он еще в детстве, а освободиться от него, выйти из него – выше сил взрослого человека.

Редко проходило так, чтобы проситель после самого долготерпеливого прения и самого убедительного решения, не возвращался раза два, три. Войдет, станет надгробным камнем. – «Что ж ты еще скажешь?» – «Да как же, ага, мое дело?» И это произнесет он таким холодным тоном, с таким тупым видом, как бы о его деле никогда прежде того и помину не было. Ничего не могло быть утомительнее и тошнее этих возвратов. Это были рецидивы лихорадки, те неотразимые рецидивы, которые убивают во враче всякую веру в хинную соль и в энергию природы. Как, однако ж ни безчувственны, ни гладки были эти лица, воротившихся вспять просителей, а нет-нет и мелькнет на каком-нибудь из них помышление, вроде этого: «если ты

имел добрую волю выслушать меня от начала до конца, если ты потратил для меня столько добрых слов, отчего же ты не притащил моего противника за бороду и здесь же, при моих глазах, не растерзал его в клочки, к полному моему удовольствию? Но ты и думал, да забыл это сделать: вот же тебе для этого я и воротился...». Слишком нова была для правоверных эта середина. Не могли они сразу к ней привыкнуть.

IV

Байрам и Райфа

Не в пеньку душа була.

Пословица черноморских казаков.

Иногда сами санджаковые меджлисы поднимали бурю в стакане воды – из обыкновенного случая или из такого дела, которое нетрудно было им самим поправить, разводили дело ужасающей важности, необъятной уголовности. Тут уж они не находили в себе довольно присутствия духа, чтоб непосредственно приступить к обсуждению и решению дела, и ограничивались простым изложением его истории. Кадий писал эту историю, члены прикладывали к ней свои шюгиры¹ (именные печати), и высокопарное послание шествовало с трубным звуком мимо санджаковых мюдиров прямо к каймакаму, то есть к вашему покорнейшему слуге. В некоторых случаях самая даже личность меджлисов приходила в движение; весь их личный состав поднимался с дивана на седло и, минуя каймакама, яв-

¹ Şürüg.

лялся к валию – старшему офицеру, которому подчинялись другие, управлявшие большими или меньшими частями, как в карском пашалыке, так и в округе города Ардагана^{*}. Вот одно из дел этого рода.

В прекрасный июньский вечер после продолжительной скачки курил я с Ибрагимом-агой на балконе превыспренного моего жилища. Достопримечательно это жилище. Прошлым летом, когда мы блокировали Карс, здесь помещались британские офицеры, состоявшие при генерале Вилльямсе. Этот балкон служил им обсерваторией. Отсюда наблюдали они в подзорные трубы за всеми нашими движениями. Вот у меня над головой висят еще обрывки помочей, на которых держалось орудие их глаз. О, превратность военных судеб! «Сегодня мне, завтра тебе». Ибрагим-ага что-то рассказывал про прежних своих жильцов сарыларов, все называя их нечистоплотными, во-первых, за то, что едят они почти сырую говядину и позволяют себе брезгать жирнейшими правоверными кушаньями, и во-вторых, что из той же посуды, из которой сами ели, кормят

* Наше управление в завоеванной части Анатолии состояло из трех инстанций. Низшую или третью инстанцию составляли мюдиры, которым подчинялись сельские юзбашы; вторую – каймакамы, которым подчинялись мюдиры, и третью – валий, к которому относились каймакамы. Мюдиров было до десяти, из военных и гражданских чиновников, преимущественно закавказских уроженцев, знавших языки турецкий и армянский. Каймакамов два, один в Карсе, другой в Ардагане, оба гвардейские казачьи офицеры. Валий был гвардейский полковник из состоящих при главнокомандующем по особым поручениям. Все было хорошо подобрано. Дела вращались быстро. Переписки всемерно избегали. Самая обыкновенная резолюция по вступившим бумагам была: «подать коня». В исполнение ее базарган (купец), обогранный кровью и обобраный до нитки поутру, опять перебирал свои тюки и пересчитывал гуруши ввечеру, отчего и раны его скоро закрывались.

своих собак, и добро бы путных собак, а то самых уродливых и гадких на свете. Я не распустил, но совсем опустил уши и весь был зрение. Смотрел я на зеленые крыши с белыми перьями вечернего дыма; на серые зубцы старой стены, о которые само время сокрушило свои зубы; на котловидные верхи бань, в жарком сумраке которых сокрыто столько ленивых наслаждений, неизвестных добрым сынам севера; смотрел на эти высокие знамена исламизма – минареты, и на всю эту рябь, так живописную издали и так безжалостно оскорбляющую взор и нос вблизи... По улицам тянулись эшеки с водой и мальчишками на хребте. На минаретах стояли белочалменные муллы, готовые крикнуть последний азам, как только угаснет последний луч солнца за Чахмахом¹. И все как будто приготовилось внимать возгласу последней молитвы дня, – тишина была торжественная. «Хапыс, хапыс² – арестант, арестант!» послышалось вдруг за углом, и чрез минуту показалось в улице человек восемь вооруженных всадников. Толпа мальчишек и больших зевак теснилась вокруг всадников, которые были деревенские жители. Они препровождали хапыса, скрученного веревкой по рукам. Двое вели клячу, на которой сидел узник; двое держали концы веревки, которой он был обмотан по поясу и под мышками, остальные вертелись направо и налево, едва успевая отвечать на вопросы, падавшие на них градом со всех сторон. В подбочившемся и надменно открывавшем шествие наезднике узнал я

¹ В северной части города возвышается Чакмак, на западе – Шорах, на юге – Тик-Тепе, на востоке – Черные (Карадагские) горы.

² Нарис – заключенный.

Расуля-аюк-оглы, бойкого есаула заришадского санджака*. Конвой остановился у моей квартиры.

– Пойду ж я в мечеть, – сказал Ибрагим-ага, поднимаясь и держа у зубов давно потухший чубук, – после ужина зайду узнать, что это за хырсыз¹ (грабитель).

Я вошел в комнату, куда скоро явился Расуль с конвертом нерусского покроя. Конверт сделан по-турецки и надписан так же: стало быть, не от мюдире, – от меджлиса.

– От мюдире нет бумаги, Расуль?

– Мюдире, ага, нет дома, – сенокос казакам отводит.

– Все ли у вас в санджаке благополучно?

– Все слава Богу; вчерашний только день нашли в овраге, близ Аджа-кала², убитую женщину; голова камнем проломлена. Народ толкует, что сам же муж вывез ее в глухое место и просадил ей голову камнем. Статься может, я хорошо знаю это семейство, житье было собачье. Меджлис будет следствие делать. Меджлис, ага, низко кланяется твоему высокостепенству.

– Ну, все ли в добром здравии Кади-эфенди?

– Все, слава Богу.

– Нурид-эфенди?

– Слава Богу.

– Абдулла-эфенди?

– Слава Богу; третьего дня кровь отворял.

* При всех меджлисах и русских должностных лицах состояли на жаловании конно-вооруженные полицейские служители из турок и армян. Они носили громкое название есаулов - не во гнев казацким ротмистрам.

¹ Hırsız.

² Село в Шурагельском санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. здесь было 10 домов армян (Мурадян А., с. 78).

Надобно было перебрать поименно всех членов меджлиса: ведь этот плут Расуль, вернувшись в Заришад, не упустит передать все слова, что от меня слышал. Когда дошла очередь до здоровья Хаджи-Омара, тоже члена меджлиса, Расуль отвечал:

– Слава Богу, здравствует, только в горе большом. Вот этот молодец Байрам, которого мы теперь привезли, украл у него дочку Райфу, и махнул было с ней на русскую сторону. Хоть и говорят, будто Багдад не далеко для влюбленных^{*}: однако Байрам и Райфа не сумели добраться и до Гумров¹, – припала ж охота подночевать на дороге. Подночевали и заспались. Настигли мы их, всей деревней гнали. Настигли в овраге, неподалеку от Джамушли², накрыли сонных голубков в гнездышке, да взяли потихоньку под крылышки и привезли назад в Заришад. Сколько слез, ага, сколько вою было! Теперь Райфа опять в отцовском доме, да только лицо у нее не то, что прежде было, – крепко сопухой вымазано.

– Как это, Расуль?

– Крепко, стало быть, черно стало. Известное дело, поторопилась, прежде приказа матери скатерть со стола схватила, (Расуль лукаво улыбнулся) а первая была красавица во всем санджаке.

– Так этот хапыс, что вы теперь препроводили, не разбойник, не вор?

– Куда ему, ага, в воры, в разбойники! Молод еще для таких дел, да не тем и смотрит: смиренник, скромник, что твоя

^{*} То есть: для влюбленных нет расстояний и препятствий. Пословица.

¹ Современный город Гюмри (Республика Армения).

² Село в Шурагельском санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. здесь было 30 домов армян (Мурадян А., с. 78).

красная девушка. Гвоздика, потерянного из каблука на улице, не поднимет; от одного слова, что вырвется ину-пору неловко в торопях, сгорит, как зорюшка алая, зарумянится маковым цветом. Куда б ему и Райфу-то украсть, как бы она сама его к тому не подбила; сама ведь девка-то оседлала отцовского коня, сама вывела его из конюшни, да верно она же посадила и парня в седло. Всю свою одежду было забрала и две тысячи гурушей отцовских денег ткнула, вот она какова! По справедливости, ага, по нашему глупому толку. – Расуль глянул направо и налево, – не Байрам Райфу украл, а Райфа Байрама: игид-кыз¹, молодец-девка, всем домом верховодит.

– Если Райфа сама хотела быть женой Байрама, отчего ж это дело не уладилось между ними добрым порядком, законным сватовством?

– Байрам сватал, да нашему Хаджи-Омару не такой, вишь, зять нужен. Подай ему зятя из Карса, чтоб был в шелку да в серебре, чтоб у него лавка была с красным товаром. Райфа у Хаджи одним одна дочь, а денег, добрые люди говорят, четыре кубышки непчатых и еще пятая початая. В прошлом году, при сватывался, слышно было, Мустафа-эфенди, здешний купец. Большой дом на выезде у байрам-пашинских ворот² – это его. Он держал лавку в большом караван-сараяе и занимался подрядами для войск. Верно, ты видал его, ага: высокий такой, смуглый, глаза навывкате. Он ездил к вам в лагерь, и за то Ингилиз-

¹ İgit kız.

² С восточной стороны у горы Кара-даг пригород Карса назывался Байрам паша.

паша¹ его повесил. Не случись этой беды, Хаджи отдал бы ему Райфу; но этому сироте, голышу Байраму отказал начисто и еще пригрозил, что набьет ему феллаху на ноги и вздернет пятки кверху, если не перестанет думать о Райфе. Такому голяку, как Байрам, просить Райфу у Хаджи – не все ли равно, что рыть колодезь в море? У Байрама с матерью нет даже собственного угла. Жили они до прошлого года в Суботани²; был там у них домишко, было и хозяйство кое-какое, а как Суботань разорили, перешли они на жительство к нам, в Заришад, и прютились у родни, – то ж фукара такая, что сто воров ничего у нее не украдут. Вот уж четырнадцатый год, как отец Байрама взят в службу, в падишахову гвардию, и жив ли, нет ли – хабарын иок³, известий о нем нет.

– Расуль, отпусти ты свое войско назад, а Байрама развяжи и обожди с ним в приемной, пока я позову.

Неизбежный баш-кятиб Ибрагим-эфенди потребован, послание заришадского меджлиса прочитано. В нем изложена была история, рассказанная Расулем, только сжатее и сильнее: похититель Райфы был щедро наделен именами зокоснелого злодея, изверга, душегубца, кровожадного зверя, увлекшего непорочного агнца. Три вины на нем тяготели: вывел из конюшни лучшего жеребца Хаджи-Омара, выкрал из дома лучшую женскую одежду, со значительной суммой денег, и нагло похитил целомудренную дочь почетнейшего из граждан Заришада. По важности столь тяжкого злодеяния меджлис не приступил к

¹ Во время Крымской (Восточной) войны в Карсе турецкими войсками, по сути, командовал английский комиссар Юолиямс.

² Село в Шурагельком санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. в нем было 40 домов армян и 40 домов турок (Мурадян А., с. 78).

³ Haberin yok.

суду и определил предать преступника немедленно в руки высшей карающей власти.

Байрам введен. Да, Расуль не преувелил, назвав его красной девушкой. Это был молодой человек с первым пухом ланит, высокий, стройный, прекрасный. Несмотря на телесное и душевное удручение, он держался прямо и смотрел без смущения, смотрел чистым прозрачным взглядом.

– Гендж-адам¹ (молодой человек), зачем ты похитил девушку из родительского дома?

– Я не похитил ее, ага; она по доброй воле покинула родительский дом; я ничего в моей жизни не похитил.

– Но ты вывел коня из чужой конюшни, выкрал одежду из чужого сундука, унес чужие деньги. Так говорит на тебя эта бумага.

– Ага! она сама вывела лошадь из конюшни своего отца и увезла свою собственную одежду, а были ли у нее деньги, я этого даже не знал.

– А, знаешь ли, какая ждет тебя участь после того, что ты сделал?

– Довольно знаю, ага, довольно мне насаказано в меджлисе; пропащий я человек, вот и все тут. Но я тужу не за своей головой: сам накликал беду на свою голову; а мать, с кем останется мать?

Голос его задрожал и прервался. Расуль, стоявший сбоку, молвил:

– Старуха-то как убивалась, ага, аллах, аллах, как она бедняжка убивалась! Бесчувственную снесли ее домой, когда Бай-

¹ Genç adam.

рама связали и повезли. А Хаджи еще палкой хотел ее потянуть; старой колдовкой, бесовской ведьмой и всячески этак узывал.

Байрам стоял с потупленными глазами. Скорбь изображалась во всех чертах его молодого, выразительного лица. Больно было видеть это лицо вблизи. Я отошел к окну. Расуль приблизился ко мне и продолжал в полголоса:

– А сынок-то воды словно в рот набрал; точнехонько так и в меджлисе, как теперь перед тобой, ага, хоть бы одно слово сказал: помилуйте, простите, пожалейте. Молод, не знает, что следует говорить; помилосердуй над ним, ага.

– Расуль, вот тебе пешкеш за твою добрую службу, а вот другой за твое доброе сердце. Люблю тебя за исправность и добросовестность. Поди отдохни, повеселись в кофейне, а завтра не уезжай, не побывавши у меня: бумагу дам к мюдиру.

Расуль поклонился, поцеловал мне полу, и, не разгибаясь, отступил задом за дверь. В глубине моей души родилось решение спасти юношу, по-видимому, близкого к отчаянию. Есаулам отдано приказание не отлучаться из прихожей и не впускать никого, ни даже Ибрагима-агу.

Оставшись один с Байрамом, я сбросил с себя всякую судебскую важность и начал говорить к нему с наивозможным спокойствием:

– Не думай, Байрам, чтоб я считал тебя одним из этих негодяев, от которых нет покоя, ни нам, ни обществу. Прежде, чем ты переступил мой порог, я узнал, что ты не вор и не бездельник. Ты бежал с девушкой, конечно, с честным намерением, конечно, с тем, чтоб сделаться ей мужем?

– Бели.

– Это уменьшает твою вину, и я не хочу видеть в тебе закоснелого преступника, каким тебя выставляет меджлис, как ленивый отяжелевший от жира кот, который не хочет бегать за мышами. Да, действительных преступников он не ловит, ни одного еще не поймал. И если бы мы сами не побивались, добрым людям проезда бы не было по дорогам... Байрам! Пущенная стрела назад не вернется, но ее можно найти и поднять. Покамест ты еще не пропащий человек. Перестань думать, чтоб ты был пропащий человек. Аллах-керым¹ (Бог милостив): ты будешь опять вместе с матерью, будешь, надеюсь, и вместе с Райфой. Не считай моих слов пустыми: бош сез демез² – пустого слова не говорит русский офицер. За тебя некому заступиться, твой отец далеко, твоя мать бедная старуха без пристанища. Твой отец служит султану падишаху, я такой же слуга у моего Великого Государя. Я заступлюсь за тебя. Ты не будешь посажен в тюрьму, я сам беру тебя на поруки до решения дела. Но ты дай мне обещание, что не убежишь.

Говоря это, я ходил по комнате, от одного раскрытого окна к другому. На дворе смеркалось. Снаружи дома, под крышей, трещали полевые сверчки. У дверей, где стоял мой подсудимый, сгущалась тень.

– Не убежишь, Байрам?

Ответа не было.

– Не убежишь, а?.. Отвечай же!

Но ответа не было. Это меня удивило. Я подошел к Байраму, остановил на нем глаза и... уже ль никогда не испарится из моих воспоминаний это потрясающее впечатление, этот нео-

¹ Allah kerim.

² Boş söz demez.

жиданный толчок прямо под сердце? Молодой человек судорожно шевелил губами, глаза его сверкали накопившимися слезами, все мускулы его лица были в живейшем движении. Это было уже не то лицо, какое я видел на нем при входе. Он силился говорить и не мог; звуки оставили его язык. Он захлебывался избытком чувства; слезы удушали в его груди, под ложечкой, и в горле, откуда человеческое слово выходит... Да, бывают минуты этих крутых поворотов души, когда телесный наш состав ходит ходуном и звучное слово нас оставляет. И если бы оно замедлило возвратиться лишним несколько секунд, прости тогда и белый свет. Кто не испытывал подобного состояния наяву, тот, верно, познакомился с ним во сне. Страшнее этого сна не бывает.

Молодой человек грохнулся к моим ногам и разразился взрыдом. На гробовой доске раздаются ли такие взрыды? На колесе пытки слышатся ли такие звуки? И в человеческом языке есть ли такое сочетание слов, и в музыке есть ли такие раздражающие четверть-тоны, чтоб эти взрыды уловить и передать? Не мне отвечать на подобные вопросы: я не Гете и не Моцарт.¹

Голосом, прерываемым икотой затрудненного плача, юный османлы проговорил:

– Не у... бе... гу, вол... ла... га, не убегу. – И его руки обвили мои ноги. И его слезы жгли мне колена. Зачерстев на долговременном биваке, сделав отвычку от глубоких ощущение-

¹ Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832) – немецкий поэт, драматург, романист, учёный-энциклопедист, государственный деятель, театральный режиссёр и критик. Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791) – австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

ний, от шибких волнений души, я был сам не свой, я потерял голову. И кто на моем месте пребыл бы невозмутим и холоден! Где он, этот непоколебимый муж, из какого гранита он вытесан, из какой стали он вылить?.. Я поднял Байрама и не знаю, что наговорил ему в утешение и ободрение. Наконец, войдя в свою колею, я сказал ему турецкой поговоркой:

– Ну, Байрам, сел ты криво – говори прямо, — и потребовал, чтоб он чистосердечно рассказал мне историю своей любви.

После дождя слез душа юноши раскрылась всеми своими лепестками и благоухала сокровеннейшим ароматом своих весенних соков. Вечер был тихий, как полночь. Сердце летело назад, к отдаленнейшим воспоминаниям. Полный месяц поднялся над Бююк-ягны¹ и светил прямо в незастекленные решетки моих окон. В такой безмятежный вечер, под обаянием такого света, и старик не будет говорить лживо; тем более говорил истинно юноша. И его говор был сладкозвучен уху и сердцу, потому что был он говор сердца, нового, едва початого сердца. Да что тут тратить слов много – то была исповедь первой любви.

Первая любовь! Первая любовь в климате, где два пола прозябают, как свекловица и ее стебель: свекловица под землей, стебель на воздухе. Грубый стебель поднимает голову, греется на солнце, играет с ветром и впивает небесную росу; нежная свекловица роется в темной норе, наравне с кротом, ниже уровня открытой жизни, и живет одними осадками, одним подножием жизни стебля. И там первая любовь!

¹ Būyūk Yahni, гора на плато Карс – 2270 м.

Да, господа, теперь я знаю, что она повсюду, во всех слоях и закоулках человеческой жизни, под всеми человеческими крышами, коньковыми и плоскими, и под всеми небосклонами одинакова. Как общечеловеческая болезнь, как корь и оспа (фи, какое сравнение!) она зарождается в крови, неизвестно, как и откуда, и развивается, и выступает наружу, или, если угодно, проявляется одинаково. Одинаково ли лечится и проходит – не знаю. И отчего бывает так, что у одного после оспы остаются рябины, а у другого нет, тоже не знаю. Бен на билирим¹ (я что знаю)? Я знаю только, что дома Байрама и Райфы стояли смежно. Он на крыше засыпал ямки после дождя, она – у решетчатого и, как водится, незастекленного окошка, распутывала моток пряжи. Он никогда прежде не видал ее. (А можетъ и видал, да в чадре, какой же из того толк!) Она не видала его. Он взглянул на окошко и перестал засыпать ямки; она взглянула на крышу и перестала распутывать моток. (Хейр, Хейр – нет, нет – она стала его спутывать). К нему вот сюда, за пазуху запала жгучая искра. Труба была тут же; но это не из трубы: в то время не топились. Он было замаять ее, а она как вспыхнет пороховом и разлилась пороховым огнем по всему сотканию кровеносной сети. С ней (не с искрой, а с Райфой), как оказалось после, случилось то же самое. На другой и на третий день после первого свидания (если это только было свидание), он продолжал лазить на крышу и засыпать ямки, хотя, в сущности, ямок уже не было, и крыша была глаже кожи на барабане. А она у того же окошка все хлопотала над тем же мотком. Гадкий тот моток окончательно спутался. Ах, какая досада! обе

¹ Ben ne bilirim.

руки заняты и нет никакой возможности удержать чадру на голове, все она валится на плечи. Аман, аман – стыд какой! А он все смотрит, все смотрит. Буду ж и я смотреть, когда так. Чрез три дня, однако ж, и ему, и ей наскучило смотреть по пустякам, без дела. И они придумали дело: принялись делать разные знаки глазами, губами, головой, руками, пальцами, преимущественно пальцами. Посредством этих знаков они передавали друг другу все, что думали, чувствовали, видели во сне и желали наяву. В течение одной осени, беспрецедентное искусство это было значительно ими разработано.

Пришла зима. Решетку окошка заклеили бумагой. На крышу напал снег. Дела пошли худо. Байрам не мог держаться долго на своем посту: безжалостный мороз щипал его за нос и гнал к очагу. Да и особенной приманки лазить на крышу не было: сквозь маленькую дырочку, пробитую, должно быть, пальчиком в оконной оболочке, он не мог видеть больше, как одну черную точку, один глаз Райфы. Один глаз, стоило ли зябнуть из-за одного глаза? А из-за этих ничтожных прорех в оконной бумаге сколько, бывало, шума и гнева в доме Райфы! Ее мать повесила невинного кота и двух благонаравнейших кошек.

Ах, как бесконечно длинны и как невыносимо томительны были эти короткие дни зимы для двух объятых пламенем и разгороженных лоскутом бумаги, сердец? Не так длинны и не так томительны дни оруча для имамов и хаджи, – ленивые и голодные дни оруча. Не оставалось ни ему, ни ей, другого утешения, как-то только, которое, – дерзну ли сказать? – которое скупые хозяева держат про запас своим исхудалым вьючным созданиям: не кончайся, не кончайся, о мой ослик: придет весна и для

тебя вырастет зеленый горошек^{*}. И вот пришла она, эта добрая для всех весна. Бельмо с окошка спало. Байрам и Райфа, бледные и худые, свиделись на прежних пунктах и предались прежнему занятию, которое не замедлило возвратить розы их ланитам. В короткое время они прошли зады и вслед затем рысью повели свое драгоценное искусство вперед. После отказа в сватовстве Байрама, они возвели его на высшую степень совершенства. Райфа была уже в состоянии сообщить Байраму с величайшей ясностью и определенностью, что в такую-то ночь в таком-то часу и в такое-то место выведет она отцовского аргамака¹, взнузданного, оседланного, совсем готового к походу. Что они на него сядут и ускачут на русскую сторону, что найдут они неподалеку от Гулугов дальних родственников Хаджи, сделают им богатые пешкеша, и заживут у них припеваючи. Сами вечно румяные хурии побледнеют от зависти, глядя на их житие. За объяснением посредством знаков, как бы за сговором словесным или сношением письменным, последовало исполнение. Болтун Расуль прилгнул, будто Райфа посадила Байрама на коня; он сам сел, а она только держала под узцы. Байрам поместился позади седла. Она подала ему узел, ухватила за его пояс и настоящим игидом села в седло. Потом взяла узел к себе на колени, а ему вручила повод и велела править. Поехали, помчались, полетели. Только демир-казах² (полярная звезда), а

^{*} Турецкая пословица. Такая же пословица, только сжатее и сильнее выраженная, встречается в языке черноморских казаков: «не здыхай, коню, пужари горять», – то есть пожар очищает луг от сорных трав, посохших на корне, осенью, отчего нарастет хорошая трава весной.

¹ Аргамак – устаревшее название лошадей восточной породы. Чаще всего под этим названием подразумевали ахалтекинскую породу лошадей.

² Demir kazık.

больше никто не видал их отъезда. Такая отвага в Райфе, взро-
сшей под чадрой, вам покажется удивительной. Но существа,
которые имеют ум и не смеют думать, имеют сердце и не
смеют чувствовать, имеют глаза и уши и не смеют слушать, ко-
торые осуждены на вечные безделки – такие существа именно
и бывают иногда черезчур отважны.

Байрам, по-видимому, не имел столько отваги, как его
спутница. Он правил плохо, его рука все приходила на помощь
руке Райфы, придерживавшей чадру на груди.

– Ах, какой! – шептала Райфа. – Я сама держу чадру, ты
только правь хорошенько, на русскую сторону держи, да не на-
жимайся так наперед, отдайся назад.

Но Байрам не отдавался назад; напротив, боясь упасть, еще
больше наклонялся наперед и, что того хуже, решительно не
заботился о направлении бега. На русскую ли сторону несет их
шибкий аргамак, в Арабстан ли, в заоблачные ли сады хурий,
или в преисподние бездны демонов, ему было все равно. Бед-
ный Байрам! забыл ты, что старики говорят про людей рассеян-
ных: кто оставляет свою голову дома, теряет чалму на базаре...

Так, или иначе, отважные путники проехали больше двух
часов. И они, и их скакун начали уставать. На русской стороне
стала заниматься заря. Рассудок кричал им, как шальной, как
должник, который хлопчет проводить своего заимодавца по-
дальше: поезжайте, поезжайте, не останавливайтесь, не жалейте
коня, колите ему бока стремями. Но сердце, нежное серд-
це, шептало нежно: пожалейте бедную лошадку, остановитесь;
вот глубокий овраг, остановитесь здесь, никто вас здесь не от-
кроет. Они послушались сердца, кто ж его не слушается? Спу-
стились в овраг, сошли с коня, спутали его кое-как на травке, а

сами выбрали пещерку между скалами и поскорее там приютились. Стыдливая аврора была свидетельницей их первого поцелуя, проснувшиеся птички пропели им, как умели, эпиталаму, а шумило Карс-Чай нарочно расшумелся, чтобы не навязали ему нести эти нежные вздохи до самых берегов Арпачая.

Они погрузились в неземное забытие, а потом заснули, как все земнородные. О, как сладок и как короток был этот сон счастья! Как скоро наступило и какой грозой грянуло это неумолимое пробуждение! Зачем это так на белом свете, что за самым сладким упоением следует самое горькое отрезвление? Светило дня не свершило еще четвертой части своего течения, как у их изголовья раздался гневный, скалы потрясающий, рев Карс-Чая заглушающий, голос отца Райфы... Предатель аргмак! он перебил путо, бросил усталых путников на произвол Морфея и другого, с ним дружного, божества, и побежал назад к своей гадкой конюшне. Он-то открыл погоне направление, а путо указало убежище беглецов. И ты, бессовестная Афродита¹, не остановила вероломного Буцефала², не бросила ему камня под ноги! Эх ты! твое дело только подбить, втянуть в беду, а выручить не твоя забота...

Байрам кончил свою исповедь, когда мулла прокричал азан³ на сон грядущим, правоверным.

– Ну, Байрам, люблю за откровенность. Дай руку! Не унывай же, кардаш¹: поправим беду.

¹ В древнегреческой мифологии богиня любви, красоты, плодородия, вечной весны и жизни, входившая в число двенадцати олимпийских богов.

² Буцефал или Букефал – кличка любимого коня Александра Македонского.

³ Azan – в переводе с арабского языка означает «приглашение» или «объявление», в исламе обозначает призыв к обязательной молитве.

– Не оставь, ага, заступись, век буду помнить твое благодеяние. Теперь на душе стало легче, а все-таки щемит.

– По Райфе?

– По Райфе не столько, по матери пуще. Ата² (отец) в своих письмах из Истамбула, доколе мы их получали, все мне наказывал: береги, Байрам, мать, ты теперь уж на ногах, не покинь матери. Вот тебе и не покинул?

– Полно, не плачь. Сын старого воина не должен плакать. Семиглазов! возьми его к себе, пусть он с вами будет. Обходиться с ним хорошенько, только глаз с него не спускать, но так, чтоб ему и не в догад было. Понимаешь?

– Понимаю, ваше высокоблагородие. Пойдем, кардаш.

Каким тоном сказал он это: пойдем, кардаш! Сколько сердечной теплоты в этих простых, незначущих словах! Добр русский воин, и его доброта особенно становится видной, осязательной на чужбине, меж чужих людей. И его любят за то чужие люди. Даже турки нас любили, что вы сейчас и увидите.

На другой день карсский кадий, председатель и душа главного меджлиса был очень удивлен моим ранним к нему приходом.

– Но еще больше удивишься, кади-эфенди, – начал я без дальних околичностей, – если я попрошу тебя разрешить вопрос: какое наказание определяется молодому человеку за похищение дочери из родительского дома, и за последствия этого похищения?

Кадий посмотрел на меня углами глаз, провел рукой по бороде и отвечал:

¹ Kardeş.

² Ata.

– До танзимата вешали, а после того стали определять телесное публичное наказание, денежную пеню и ссылку в ка-
торгу.

– Все вместе, кади-эфенди?

– Все вместе, каймакам-ага, непременно все вместе. Впрочем, не равны обстоятельства дела...

Тут произошло, между нами, объяснение, которое бесполезно было бы воспроизводить. Объяснение важное, потому что после него наступило глубокое молчание, изредка нарушаемое всхлипываниями чубуков. Наконец, кадий поднял голову, весело глянул мне в глаза и сделал вопрос:

– Так ты хочешь этого?

– Хочу.

– Из-за чего?

– Из-за чего? гм! да хоть вот из-за чего: не огорчи человека в несчастье, его вздох станет когда-нибудь поперек твоего предприятия. (Мы ведь и в алкоран заглядывали). – Кадий был тронут. Это был разумный, следственно добрый человек.

– Но я хочу этого, кади-эфенди, без малейшего ущерба, ни для шариата, ни для адата.

Кадий улыбнулся и молвил добродушно:

– Если б вы знали, как живут между собою шариат и адат, сколько раз на день они ссорятся и мирятся! Шариат правая рука, адат левая; правая норовит направо, левая налево. Но ведь это две руки одного закона и оне моют одна другую, чтоб обеим быть белыми. Восстановить честь семейства законным браком, обоюдную слабость, минутное увлечение неопытных сердец обратить в вечное семейное благополучие... всех этих рассуждений, что ты изволил сделать, у нас не делается; у нас

делаются другие рассуждения, тоже довольно дельные; но, при настоящих обстоятельствах (кадий сделал особенное ударение на этих словах и стал выколачивать чубук) отчего ж не сделать и ваших рассуждений: адату, как суду не положительному, но в высшей степени относительному, они нисколько не противны. Это было когда-то, это может быть всегда, это должно быть теперь – вот клад, которым нагружается корабль адата. Широк он и глубок, этот корабль. У ингилизов не сыщется такого. Он вмещает и сдерживает какой угодно груз, и, направляемый искусным кормчим, плывет он под парусами шарията, плывет по волнам правосудия, прямехонько к пристани желания. Правда, накренится иной раз на ту, или на другую сторону, но ведь от этого направление курса нисколько не изменяется... А? Знаешь теперь, возлюбленный мой каймакам-ага, что такое шарият и адат? Ты читаешь коран, да там этого не вычитаешь. Боюр! (кадий подал новый чубук). Итак, умой руки пред зариадским меджлисом, как ты этого хочешь, да оно и благоразумно, и передай дело нам. Переговори с валием: он умен, как Гарун-Ал-Рашид¹, и благороден, как все первые халифы вместе, – да тебе лучше знать это. Наше ж решение будет таково: в удовлетворение шарита вlepить Байраму в пятки сотню чубуков. Следовало б больше, но когда уж тебе так крепко жаль его, пускай будет сотня, вlepить сотню чубуков на майдане, в пример и страх благодетельному юношеству, и наложить на него тяжкую денежную пеню, этого добра можно валить не жалеючи: Хаджи-Омар, как скоро сделается тестем, простит, разумеется. По точной же силе адата и в рассуждении

¹ Арабский халиф, из династии Аббасидов с 786–809 гг.

настоящих обстоятельств края, (я передал чубук кадию с глубоким ясаком¹) повелеть реченному Байраму войти дверью, но не чрез татебную щель в честной дом Хаджи-Омара, сиречь соделаться законным ему зятем, послушным сыном. У него же, кстати, сыновей не имеется. Таково будет наше решение; но я предупреждаю тебя, высоко уважаемый каймакам-ага, что оно с первого раза не понравится заришадскому меджлису, точнее сказать, Хаджи-Омару. Этот святейший грешник, который на майдане чувствует дурноту от одного вида луковицы, а дома съедает ее целиком совсем с кожурой, этот честнейший плут Хаджи-Омар тотчас к тебе явится, к самому валию полезет и будет уверять прискорбным голосом, что его лицо от нашего решения не только не побелело, но, напротив, пуще почернело. Но верблюд становится на колени с верблюдами: ты пришлешь его к нам на убеждение. У меня найдется про него кое-какое убеждение. Я слегка напомню ему об этом богатом арзрумском армянине, что ездил по деревням с товарами, ночевал у него, у этого святого Хаджи, выехал благополучно, а потом, не доехав до другой деревни, как в воду канул. Следов отыскать не могли, как ни искали. На загладку болтну я ему старую присказку, что обычный конец лисы – лавка меховщика. Болтну этак, и укажу ему на твою горницу: там мол, Хаджи, сидит этот меховщик, большой мастер снимать и волчьи и лисьи шкурки. В случае надобности (кадий понизил голос), в случае надобности, ты сделаешь вид, что знаешь кое-что по делу арзрумского армянина. Ты увидишь, как сморщит нос Хаджи, как чудесно

¹ Yasak – глубокий поклон.

он чихнет. В чистейшем воздухе шибнет ему душок Сибири* . Тогда распорядись только, чтоб Байрам пожелал ему доброго здоровья и, vessелям, конец делу... Сказать по душе, сказать так, чтоб никто не слышал ваши беспощадные преследования разбоя и воровства нагнали холоду не одним проворным игидам, что рыщут около дорог, но и степеннейшим передержателям, что набожно перебирают четки у теплого оджака. Любим мы вашу неусыпность и подвижность, и сущий, по-моему, глупец, кто не стал бы любить вас самих. При наших «забитах» не было так; у наших забитов, как справедливо народ говорит, свинцовые лядвеи. К тебе явится бедный человек, с час тому ограбленный на дороге, ты вскочишь на ноги, начнешь вооружаться и кричишь: седлать коней, живо! А наш сделал бы только вот что (кадий хлопнул в ладоши) и закричал бы: эй, оглан, чубук долдур¹ (эй, мальй, набей трубку)!

Странной казалась мне такая трагикомическая развязка сердечной драмы Байрама. Но ведь нам не переделать этого странного Востока: не наше дело, мы не туркофилы. Да и что такое здесь всыпка чубуков в пятки? Обыкновенное ударение палок в барабан при утренней и вечерней заре, при сборе роты к каше и вызове полковых адъютантов за приказанием. И как все обычаи на Востоке очень древни, то, конечно, и чубукоду-басенья по пятам должно теряться во мраке времен доистории-

* Разбойников и воров, попадавших к нам в руки, мы ссылали в нашу пограничную Александропольскую крепость, где они употреблялись в крепостные работы. Народ же в Турции думал, что мы ссылаем их в Сибирь. Нам было на руку это заблуждение, потому что Сибирь была для турецких сорвиголов страшнее виселицы.

¹ Oğlan, çubuk doldur.

ческих, героических. Пята Ахилла¹ была уязвима едва ли потому только, что ее касалась рука матери, но, скорее, потому что ее касался, с нее сгонял кожу чубук в течение того времени, как этот герой продолжал курс наук в Медресе. Известно, что герои бывают первые шалуны в Медресе. Например, Грыцько Нечеса², Головатый³, Сагайдачный⁴, що проминяв жинку на тютюн та люльку, Необачный, и другие наши гетманы. Но Байрам не таков. Не случись только этого ночного бегства, Байрам мог бы служить образцом смиренности. Однако, что он в сравнении с победителями Троян под стенами Илиона, басурман в степях Очакова и Ляхов при Желтых Водах? – факир⁵, муравей, комар. Итак, объявлю ему без всяких предисловий, какое ждет его решение.

– Роза родится из шипов, Байрам; ты сорвешь розу, только поколешь себе руки. Райфа будет твоя, только не даром. Цена за нее сто чубуков. Делать нечего, поплатись дружище. За неимением другого калыма, отдай этот. Пропади борода, останься голова, шариат возмет сто чубуков, а адат вручит тебе Райфу.

¹ Персонаж древнегреческой мифологии, участник Троянской войны, один из главных героев «Илиады» Гомера.

² Так звали казаки генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739–1791) из-за модного в то время парика.

³ Антон Андреевич Головатый (1732/1744–1797) – войсковой судья, бригадир русской армии, талантливый администратор и кошевой атаман Черноморского казачьего войска, поэт.

⁴ Петр Конашевич Сагайдачный (ок. 1582–1622) – старший войска Запорожского, предводитель реестровых казаков на службе Речи Посполитой, организатор походов реестровых казаков против Крымского ханства, Османской империи и Русского царства на стороне Речи Посполитой.

⁵ Fakir - бедный.

– Это не дорого, ага, – весело отвечал Байрам. – Райфа стоит ста мук джехеннема. Снесу без ропота кару шариата: законно отсеченный палец не болит.

Решение главного меджлиса составлялось так точно, как выше изъяснено. Затем сбылось почти все, что предвидел и предсказал наш умный и нам доброжелательный кадий. Отбитый по пятам Байрам, вошел веселыми ногами и отнюдь не щелью, а дверью, в честной дом Хаджи-Омара. Сиречь, как пояснял кадий, он сделался законным обладателем изобретательницы нового языка без слов и звуков. Да будет имя ее известно друзьям человечества, лишенного языка и слуха. Всем же вообще друзьям добродетели да будет известно и ведомо, что на другой день после брачного торжества, на которое скупой Хаджи почал свою четвертую кубышку, эта сопуха, которой краснойбай Расуль вымазал лицо первой красавице в заришадском санджаке, чисто смылась...

Распротясь навсегда с Карсом (а Бог знает, навсегда ли!) мы возвращались в отечество. Около Огузлов¹ вздумали поджигитовать. Была, видите, предшествующая тому причина. Какой плеоназм, разве бывают причины последующие? Не бывают, конечно, последующие, но бывают непредшествующие, то есть бывают отодвинутые в такую даль, что и вовсе не видать их. А здесь причина-то сейчас была в руках, сейчас только выходила из сакв, разряжалась и хлопала. А по казацкому норову, как скоро бутылка... ах, проговорился: должен был сказать причина – хлоп, хлоп! винтовка и пистолет туда же – паф, паф. Это, как видите, не из тех причин, которые дают вспышку, о

¹ Огузлы, Угузлы – село в Шурагельском санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. в нем насчитывалось 28 домов армян (Мурадян А., с. 79).

которых твердила нам некогда логика *causa non causatur, ergo non ergatur*¹.... Ну, причина не причина, а русские люди, «Славяне по преимуществу, вот и все тут. Мой куртин перебил подкову и заставил меня сождать полчаса, пока налбанд² приплелся, переваливаясь с ноги на ногу, пока засучил рукава, достал из мешка молоток и выкурил чубук, пока прибрал железную лепешку по копыту и наклеил ее. Дальше от Огузлов мы ехали уже вдвоем только с храбрым неразлучным моим соратником Евтеем Семиглазовым. Сгрустнулось по добрым людям, хоть и туркам, вчера покинутым в Карсе. Может быть, не по туркам, собственно, а по тем добрым порядкам, которые мы с таким рвением создали и теперь навсегда покидали, которые рухнут под свинцовой тяжестью оттоманского властвования, не скажу правления. Вот они, наши мостики чрез речки; вот наши поверстные пирамидки по дороге. Что с ними будет через несколько лет! Прощайте ж русские мостики и пирамидки в Туречине. Скоро мы съедем на ту золотую дорожку, которая приведет нас к воротам родной станицы. Издали замаячит нам постовая вышка на Кубани. Вечернее солнышко осветит нам лучезарный крест на храме. Сладко заколышется ретивое. Мы шапки скинем, перекрестимся. С коней сойдем, три поклона положим в землю. Заряды выбросим, чутку пустим в станицу. Все там поднимется на ноги, зашумит старый и малый: наши турки, наши турки идут!..

Такая дума, как вино, веселит казацкое сердце. Перестали мы с Евтеем Семиглазовым дуться, как мышь на крупу. Попри-

¹ В переводе с латинского - При отсутствии причины отсутствует и порождаемое ею следствие.

² Налбанд.

гладили встопорщенные усы и поразговорились про близкий возврат на родину, про известную нам пальбу с кургана на воздух, про радостную беготню и говор, про обнимания и лобызания, и причитания, и сладкие слезы... Про все, чем сладка она, станичная встреча, про все, чего вы, не казаки, вовсе не знаете, и понять, и почувствовать так, как мы, не можете. Но и вы приезжаете в отпуск из армии, и вы возвращаетесь в вашу деревню после войны. Ну, и приезжаете на перекладной с колокольчиком, в пыли, в грязи, для эффекта; ну, и возвращаетесь в карете, покрытые лаврами, которых совсем на вас не заметно. Разве это по-нашему? Жорж, Жорж, ах, се повр пти Жорж, аншанте, илья миль сиекль¹. Это разве по-нашему? Скажите, добрые люди, по-нашему ли это? Подите ж, пожалуйста, в вашими ильями да сиеклями. Послушайте лучше, о чем мы толковали с Евтеем Семиглазовым.

– Первое дело, брат Евтей, как Бог принесет тебя в Беломечотку², отслужи ты молебен святому великомученику и победоносцу Георгию; честно, славно заслужил ты Георгиевский крест, даром что первую только службу служил, а прямым молодцом держал себя при всяком случае. Особенно под Караялом³, помнишь, как эта саранча налетела тучей густой на наши аванпосты?

Но мой Евтей вдруг затянул повод и отстал. Оглядываюсь, а он торопливо хоронит клетчатый платочек за пазуху черкес-

¹ George, George, oh, se pauvre petit George, Enchanté, il y a mille siècles – Джордж, Джордж, бедный маленький Джордж, восхищенный, тысячу веков назад.

² Станица Беломечетская, находится в Кочубеевском районе Ставропольского края России, на правом берегу р. Кубань.

³ Село в Карском санджаке.

ки. Гм! шибко задела его за ретивое речь о станичной встрече. А на войну выезжал, чаю, песенку попевал. Вот она казацкая натура, толкуйте про нее армейские люди! Не буду, однако ж, оглядываться, не подам виду, что я подметил, для какой надобности доставал он клетчатый платочек из-за пазухи... Через несколько минут расторопный, хотя и растроганный, Евтей Семиглазов наблизился ко мне рысью и отрапортовал:

– Ктось-то нас догоняет, ваше высокоблагородие, да и шибко, во весь дух летит. Мы остановились и сождали.

– Присматривайся-ка хорошенько: знакомый, или не знакомый, а, впрочем, держи ухо востро.

– Это знакомый, ваше высокоблагородие, да и какой еще знакомый-то! Кажись мне, барашка.

– Барашка? Какой бы барашка?

– Да тот турчонок, мы его все барашкой звали, любя этак звали, славный какой был парнишко, тот, что женился так не по-людски, что перед его отдули, как сидорову козу, а потом того, свадьбу сыграли.

В самом деле, это был Байрам.

– Хош гяльды¹, Байрам-джан, откуда это?

– Теперь из Карса, а ночью из дому. Вчерашний день, сумерками, прихал я домой из Гели².

– На хабар³?

– Мне говорят: хабар такой, что русские наши господа выбираютя из Карса. Сам мушир с пашами из Арзрума их угощает и провожает. Три дня все палят из пушек. Говорю ма-

¹ Hoş geldi.

² Гель-нахие – село в Ардаганском санджаке.

³ Ne haber – какие новости.

тушке: поеду я проститься с Каймакамом-агой; она говорит: поезжай, сынок, поезжай, простись, пожелай ему доброго пути и всякого благополучия. Райфа тож самое: поезжай, поезжай, говорит, хоть больше двух недель дома не был, но поезжай, поторопись, чтоб застать. С полуночи оседлал я коня и махнул в Карс. Нынче утром туда приехал, и, к большому моему горю, узнал, что вы еще вчера после обеда выехали. Что ж, думаю себе, пушусь догонять, буду ехать до самых Гумров. И, не слезая ни на минутку, выехал из Карса. В Огузлах хотел было покормить скотину, как налбанд, который ковал тебе жеребца, сказал мне, что ты не больше часу оттоль выехал. Я и пустился во всю мочь.

– Добрый у тебя конь, нечего сказать: десятка полтора сагатов, если не больше, отмахал ты без отдыха.

– Это тот самый жеребец, на котором мы с и Райфой пустились было... – Не досказав, молодой человек улыбнулся и покраснел.

– А, так это тот предатель, изменник! Ну, за теперешнюю службу прощаю, а за тогдашний случай следовало б отвалить его на все бока. Благодарю тебя, Байрам, что не забыл меня теперь, когда уж я тебе и никому здесь ни на что не нужен.

– Всегда тебя помню, ага, всегда тебе добра желаю сердечно. Матушка, Райфа за тебя Бога молят.

– Хочешь проехать со мной немножко?

– Я тебя до самага Арпачая провожу.

– До Арпачая далеко, а до Пирвали¹ доедем вместе. – И мы поехали.

¹ Село в Шурагельком санджаке Карсского пашалыка. В 1829 г. здесь имелось 30 домов армян (Мурадян А., с. 79).

Семиглазов подогнал своего бурого, чтоб поровняться со мною, и, держа впереди себя сумку, плотно чем-то набитую, спросил:

– Прикажите взять?

– Это что такое?

– Это вот он мне сунул. Сверху, видать, лепешки, снадобенные, должно быть, по-ихнему, а в середине тож, кажись, съестное.

– Коли съестное, возьми, да не думавши долго, протри глаза снадобенным лепешкам.

Байрам подъехал вплоть к моему стремени, засунул руку к себе за пазуху и вытащил оттуда что-то, завернутое в бумажку. Потом, продолжая ехать молча и держа сверток в левой руке вместе с поводом, он несмело посматривал на меня своими добрыми черными глазами. Вид его вызывал вопрос, и я сделал ему вопрос о свертке. Тогда он наклонился в мою сторону, приложил сверток к груди, ко лбу и подал его мне. Развертываю бумажку и нахожу в ней шелковый пояс, с разноцветными узорами и блестящими кисточками по концам. Байрам объяснился:

– Матушка и Райфа посылают этот учкур^{*1} твоей хануме: это ей пешкеш от них. Не побрезгуй, ага, довези домой.

* Это слово одинаково произносится и означает одну и ту же вещь, как у нас, так и у турок.

¹ Учкур – это пояс. Учкур – казачий бокс. Название связано с элементом казачьей одежды – поясом-учкуром.

Бедные турчанки, они и не подозревают, что эта вещь, так необходимая для них и так важная у них, решительно не нужна нашим ханумам и сущий пустяк у нас.

– Хорошо, Байрам-джан, довезу, непременно довезу. Поклонись же матушке и Райфе и скажи, что я очень им благодарен, что я долго буду их помнить.

Мы подавались вперед частым, усиленным шагом. Байрам рассказывал о своем счастливом житье с Райфой, о ласковом с ними обхождении угрюмого Хаджи, о надежде свидеться скоро с отцом. Все струны его любящего сердца звучали, все жилки его прекрасного лица играли живейшим удовольствием. Несколько раз отсылал я его домой, но он не слушался, и при этом минутный туман набегал на его ясные очи. Вечерело.

Вот, наконец, Арпачай, вот наша граница.

– Земля отечественная! приветствую тебя, благословляю тебя, с благоговением перенесу ногу чрез твой священный порог. Нет, я припаду челом и грудью к твоему порогу прежде, чем прильну к твоему материнскому лону. Горячо облобызаю я твое воскрылие, опущенное голубой лентой Арпачая. Волна влажной грани смоем чуждую пыль с моего чела, унесет след слезы по братьям, не вернувшимся со мною. Лучшие меня пали, мне не суждено было слечь за тебя, земля моих отцов и дедов. А смерть за тебя сладка. Кто ее боится, тот не стоит, чтоб ты его носила, поила и кормила. Тот тебя не любит и, как паразитное растение, втуне тянет и поглощает твои жизненные соки. Сколько любивших тебя сынов твоих сложили кости на полях и скалах чужбины! И им уж никогда не зреть тебя и тебе их никогда не приголубить. Но ты сохранишь славную память о них: они сложили свои благородные кости за твое величие, за

твою силу и преспеяние.... Русь!.. Байрам, йолдаш, кардаш¹... Русь! Вот она, видишь ли, как она царственна и божественна в этом венце из вечерних лучей! А там, за синевой тех дальних гор, мой дом, моя камышевая кровля... где и я, как ты, был молод, где и я, как ты... Но ты счастливее меня!

Но я, любя, был глуп и нем.

Прощай, благородный османлы! Поклонись когда-нибудь старому служивому, который дал тебе любящее и благодарное сердце. Скажи ему, что тебя швырнули ко мне связанного и угнетенного до отчаяния, а от меня ушел ты свободный и счастливый. Прощай, Байрам, руку!

– Евтей, до самого Арпачая вскачь сколько духу!

Но вместо того, чтоб взять мою протянутую к нему руку, Байрам схватился с коня, вцепился мне в стремя и прильнул челом к моему колену. Сквозь кожу голенища я ощутил жар слез. Опять те же слезы, жгучие, как брызги кипятка, слезы...

– Полно, Байрам, освободи ногу, дай мне сойти с коня и обнять тебя по-братски, по-русски!

Кертили. В Апреле 1858 г.

¹ Yoldaş, kardeş – товарищ, брат.

Summary

Many Russian officers serving in the Caucasus had literary experience. One of them was the military historian, ethnographer, and public figure Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko. In 1848, his article “*The Military Holiday of the Black Sea Cossacks on May 11*” appeared in issue No. 27 of the newspaper *Kavkaz*. To date, this is the earliest identified work of the future historian.

Until 1854, due to his service duties, I.D. Popko mainly traveled across the territory of the Northwestern Caucasus. However, after the death of his immediate superior, the appointed Ataman of the Black Sea Cossack Host and commander of troops on the Caucasian Line and in the Black Sea region, Nikolai Stepanovich Zavadovsky, Popko was assigned to the Separate Caucasian Corps and sent to the Russian-Turkish border.

On November 16, 1855, Kars was captured by Russian troops after a prolonged siege. Following this, the issue arose of restoring and organizing the city and its economy. The Caucasian Viceroy N.N. Muravyov immediately established a civil administration over the conquered sanjaks, uniting them into a single region called the Kars Oblast, and appointed Guard Colonel M.T. Loris-Melikov, who served on special assignments under him, as its head.

The new administrative unit of the Russian Empire was organized into several administrative districts, including Kars, Olti, and Ardahan. At the personal request of the head of the newly acquired territories, in early 1856 I.D. Popko was appointed head of the Kars District. Mikhail Tarielovich Loris-Melikov and Ivan Diomidovich Popko frequently interacted in the course of their

service, and the former was well acquainted with the latter's abilities and professional qualities.

This period in Popko's life remains one of the least studied, although it significantly influenced his development as an administrator and his subsequent career advancement. The limited number of identified sources does not allow for a comprehensive study of this stage of his biography.

As early as 1855, Popko published his first article, "*Plastuny*", in *Russkii Invalid*, followed later that year by a supplement titled "*Plavni*". Upon arriving in St. Petersburg, he resumed his collaboration with the newspaper, continuing to publish his works under the pseudonym Pomandruyko. In addition, he began contributing to the journal *Voennyi Sbornik* under the pseudonym Esaul.

In the official publication of the Military Ministry of the Russian Empire, the newspaper *Russkii Invalid*, a major work titled "*Russian Administration in the Kars Pashalik in 1856*" was published in issues Nos. 89, 90, 105, 148, 149, 166, and 167 in 1858 under the pseudonym Pomandruyko.

Unlike the "*Report on the State of the Kars Region by Lieutenant General Ivan Popko*", which is an official document covering the period from April 12 to May 30, 1878 and compiled in accordance with his administrative duties, "*Russian Administration in the Kars Pashalik in 1856*" represents ethnographic, diary-style notes written by a young historian based on recent memories and fresh impressions. Consequently, unlike the official report, these notes are written in a more vivid and expressive language, enriched with emotional evaluations of events. Popko's interpretations often differ from those of official authorities.

The focus of his work is on the everyday life of ordinary people: their daily routines, beliefs, family and social relations, interactions with authorities, and other aspects. This work is one of the earliest studies devoted to Kars, its inhabitants, and the surrounding areas, written by a Russian historian.

The author divided his work into four chapters, with the first and third consisting of two parts each. The first three sections, as mentioned above, represent ethnographic observations of life in Kars and its surroundings. They are based on the historian's diary entries and include reflections on the condition of the conquered city, its population, their customs and traditions, judicial and educational systems, attitudes toward the arrival of the Russian army, the level of education among the local population, religious norms and their influence on society, and the various peoples inhabiting the region.

Particularly noteworthy are his recollections of everyday life, devoted to seemingly ordinary aspects such as housing, lighting, heating, agriculture, haymaking, timber transportation, the state of crafts, traditional furniture, salt, forests, and attitudes toward women.

A major strength of the work lies in its vivid literary language and emotionally engaged perspective, which sharply distinguishes it from official documents.

“Russian Administration in the Kars Pashalik in 1856” is a valuable historical source written by a direct participant in the events described. The document holds significant historical importance and allows for a broader understanding of various issues, presenting them not from the viewpoint of high-level administration, but from that of an observer not constrained by

administrative frameworks. This provides a more comprehensive picture of life in the city and its surroundings during that period, offering a more objective view of social relations, interethnic interactions, and administrative, religious, educational, and economic systems.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 427, оп. 1, д. 202.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 52, оп. 1, д. 108, ф. 377, оп. 1, д. 7, 10.
3. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИА), ф. 229, оп. 4, д. 3137.

Изданные источники

1. *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Архив канцелярии главноначальствующего*. Т. XI. Издан под редакциею председателя комиссии н.с. Дм. Кобякова, Тифлис, тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888.
2. **Герасимова Ю.**, *Начальник Карской области Михаил Тариелович Лорис-Меликов // «Вестник архивов Армении (научно-информационный журнал)»*, Ереван, 2010, № 1, с. 176–189.
3. *Отчет о состоянии Карской области начальника Карской области генерал-лейтенанта Ивана Попко 1878 г.* / публикация текста, предисловие и примечания Акопа Мурадяна: Ереван, изд.-во «Гитутюн» НАН РА, 2025, 206 с. + 2 с. табл.

Исследования

1. **Ալիշան Դ.**, *Արարիկ*, Վենետիկ, 1890, էջ 70 (Алишан Г., *Aйра-рат*, Венеция, 1890, с. 70).
2. **Աղասյան Ա., Հակոբյան Հ., Հասրաթյան Մ., Ղազարյան Վ.**, *Հայ արվեստի պատմություն*, Երևան, «Զանգակ-97» հրատ., 2009 (Aghasyan A., Hakobyan H., Hasratyan M., Ghazaryan V., *The History of Armenian Art*, Yerevan, Publishing house «Zangak-97», 2009).

3. *Շարի: Հայոց բանահյուսական մշակույթը*, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2013 (*Карс. Фольклорная традиция армян*, Ереван, изд. «Гитутюн» НАН РА, 2013).
4. **Կոմիտաս Վարդապետ**, Ուսումնասիրություններ եւ յօդուածներ, Երկու գրքով, Գիրք Բ. /աշխատասիրութեամբ **Գուրգէն Գասպարեանի եւ Սարինէ Մուշեղեանի/**, Երևան, 2007 (**Komitas Vardapet, The Armenian People Possess an Indigenous Musical Tradition**, Studies and Articles in Two Books, Book II, edited by Gourgen Gasparian and Marine Mousheghian, Yerevan, 2007, p. 83-93).
5. Հայկական ավանդական տարազը (*Armenian Folk Costumes*), Հայաստանի պատմության թանգարան, Երևան, 2025 (*Armenian Folk Costumes*, History Museum of Armenia, Yerevan, 2025).
6. *Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն*, հտ. 1–26, ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 1970–2009 թվականներ (*Армянская этнография и фольклор*, т. 1–26, Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, изд. «Гитутюн» НАН РА, 1970–2009 гг.).
7. **Հացունի Վարդան**, Ճաշեր եւ խնճոյք հին Հայաստանի մէջ, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1912 (**Hatsuni Vardan, Meals and Feasts in Ancient Armenia**, Venice-St. Lazarus, 1912).
8. **Հացունի Վարդան**, Պատմություն հին հայ տարազին, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1923 (**Hatsuni Vardan, Illustrated History of Ancient Armenian Clothing**, Venice-St. Lazarus, 1923).
9. **Մուրադյան Հ.**, *Շարիի նահանգի վարչաժողովրդագրական նկարագիրը 19-րդ դարի տաջին երեսնամյակին*, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտ, 2006 (**Мурадян А., Административно-демографическая картина Карсской губернии в первое тридцатилетие 19-го века**, Ереван, Институт истории НАН РА, 2006).
10. **Герасимова Ю.Н.**, *«Неусыпные труды и распорядительность, соединенные со знанием дела». Деятельность М.Т. Лорис-Мели-*

кова по управлению Карской областью // «Вестник Тверского государственного университета», Тверь, вып. 3, 2009, с. 3–19.

11. **Городецкий Б.М.**, *Иван Диомидович Попка: био-библиографический очерк* // На Кавказе, Екатеринодар, 1909, т. 1, № 3, с. 315.
12. **Мирзоян Соня, Бадем Джандан**, *Постройка железной дороги Тифлис – Александрополь – Карс (1895–1899)*, https://www.academia.edu/7068785/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B0_%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B_%D0%A2%D0%B8%D1%84%D0%BB%D0%B8%D1%81_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%81_1895_1899
13. **Муравьев Н.Н.**, *Война за Кавказом в 1855 г. в 2 т.*, Санкт-Петербург, тип. Товарищества “Общественная польза”, 1877, т. 2, с. 242–243.
14. *Некролог: Попка Иван Демидович* // Всемирная иллюстрация, Санкт-Петербург, 1893, т. L, № 12, с. 203.
15. *Некролог: Иван Демидович Попка* // Исторический вестник, Санкт-Петербург, 1893, т. LIV, № 11, с. 621–622.
16. *Некролог: Попка Иван Демидович* // Новое время, Санкт-Петербург, 1893, № 6292.
17. **Пагирева Д.Д.**, *Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-топографического отдела*, Тифлис, тип. К.П. Козловского, 1913.
18. *Словарь русского языка: в 4-х т.* // РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. **А.П. Евгеньевой**, 4-е изд., стереотипное, Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
19. **Ушаков Н.И.**, *История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах*, ч. 2, Санкт-Петербург, тип. Эдуарда Праца и К°, 1836.

20. **Фарфоровский С.В., Козубский Е.Н.**, Биографические сведения о И.Д. Попко // Русский архив, Москва, 1910, № 1, с. 93.
21. *Этимологический словарь русского языка* // **М.Р. Фасмер**, Москва, Прогресс, 1964–1973.
22. *Le Koran* / par **M. Kasimirsku**, Paris, Charpentier, 1841.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аббасиды, 152
Абдулла-эфенди, 136
Абдул-Меджид, 116
Азраил см.: Маляк аль-маут
Айшечка, 130
Александр II, 6, 20
Александр Македонский, 149
Александр, Великий князь, 7, 21
Али, 84
Али-ага, 10, 84, 94
Али-Бекир-оглы, 122
Али-эфенди, 94, 125, 126
Аругюн, 63
Афродита, 149
Ахилла, 155
Ахмет-паша, 103

Б

Багговут Александр Федорович,
6, 8
Байрам, 27, 133, 137–150, 152–
156, 159–163

Бартоломей Иван Алексеевич,
10, 96
Барятинский Александр
Иванович, 22
Бебутов Василий Осипович
(Иосифович), 7, 16, 103,
108
Бедроз, 130
Беюк-Шальвар, 81–83
Буцефал (Букефал), 149

В

Вольф Николай Иванович, 22
Высоцкий Иван, 4
Владимир, Великий князь, 21
Верегин Александр Иванович,
22

Вилльямс см.: Уильямс
(Вилльямс) Уильям
Фенвик

Г

Гамид, 82, 83
Гарун-Ал-Рашид, 152

Гасан, 74, 121
Гассан-Али-оглы, 120, 121, 131
Гафиз-паша, 82, 83
Гейдар-эфенди, 27, 73, 75–79,
81, 83–85, 87, 88
Гейдеранлы, 10, 11
Гейдер-хан, 10
Георгий Победаносец, 158
Гете фон Иоганн Вольфганг, 143
Головатый Антон Андреевич,
155
Гомер, 155
Григор Просветитель, 96
Гуссейн-Ата-Ойнадан-оглы, 122,
123

Д

Джаффар, 51, 52, 54, 61
Долгоруков Василий Андреевич,
11
Дубинин Игорь Владимирович,
24
Дурах, 45, 130, 131

Е

Евдокимов Николай Иванович, 6
Ермолов Алексей Петрович, 46
Есаул см.: Попко Иван
Диомидович

З

Завадовский Николай
Степанович, 5–7

Зиновьев Николай Васильевич,
21, 22
Золотаренко Василий
Федорович, 6, 8, 9, 13, 24

И

Ибрагим-ага, 32, 42–44, 89–91,
93, 118, 134, 136, 141
Ибрагим-эфенди, 43, 116, 120–
124, 126–129, 131, 139
Измаил-паша см.: Кметь
Георгий
Индрениус Бернгард (Борис)
Эммануилович, 15, 17
Иоан Святой, 96

К

Кади-эфенди, 136
Казимир А., 126
Кметь Георгий, 18
Ковалевский Евграф Петрович,
21
Константин V Копроним, 37
Копроним, 37
Корф фон Николай Иванович, 7
Кособрюхов, 108
Кулиш Пантелеймон
Александрович, 21
Кухаренко Яков Герасимович, 5

Л

Лебедев Петр Семенович, 20,
23–25

Лорис-Меликов Михаил
Тариэлович, 5, 6, 12, 13,
16, 19

М

Маляк аль-маут, 71
Мария, 21
Махмуд-уста см.: Махмуд-
эфенди
Махмуд-эфенди, 46, 51, 56–59,
61, 62, 64
Мемед Сале-Юсуп-оглы, 120–
122
Меркулиха, 108
Микита, 70
Милютин Дмитрий Алексеевич,
22, 23
Мироныч, 108
Монтескье, 102
Морозов, 95
Морфей, 92, 149
Моцарт Вольфганг Амадей, 143
Муравьев Н.Н. см.: Муравьев-
Карский Николай
Николаевич
Муравьев-Карский Николай
Николаевич, 6, 10–12, 14,
15, 18
Мустафа-сагатчи, 91-94
Мустафа-эфенди, 138

Н

Нечес Грыцько см.: Потемкин-
Таврический Григорий
Александрович
Николай I, 7
Николай, Великий князь, 20, 21,
Нурид-эфенди, 136

О

Оганес-ага, 127
Одинцев, 130
Одиссей, 39
Ольшевский Мелентий
Яковлевич, 16, 17, 22
Осман, 49, 110
Очаков, 155

П

Парсег-Никогос-оглы, 122
Паскев-дженерал см.: Паскевич-
Эриванский Иван
Федорович
Паскевич-Эриванский Иван
Федорович, 46
Пашенков, 69
Помандруйко см.: Попко Иван
Диомидович
Попка Диомид Несторович, 3
Попко Иван Диомидович, 3–15,
17, 19–25, 27–30, 32, 47,
56, 66, 96, 126

Потемкин-Таврический

Григорий Александрович,
155

Р

Райфа, 27, 133, 137–139, 142,
145–150, 155, 156, 160–162

Расуль, 136–138–141, 147, 156

Рашиль Григорий Антонович,
5–7

Рындовский Николай

Сесенович, 23

С

Сагайдачный Петр Конашевич,
155

Самарин, 16

Саркис, 106, 107

Святой Иоанн, 96

Семиглазов Евтей, 47, 63, 150,
157–159, 161

Серебряков Лазарь Маркович

(Арцатагорцян Лазарь

Маркосович Арцатагорцян

К.М.), 5

Сион, 100

Совар-дженерал см.: Ермолов

Алексей Петрович

Суслов Александр Алексеевич,
10, 11

Т

Тембел-уста, 65, 76, 78, 79, 81,
82, 84–87

Темир-ага, 73

Трдат III, 96

У

Уильямс (Вилльямс) Уильям
Фенвик, 19, 41, 134, 139

Уллис см.: Одисей

Ф

Фисенков, 108

Фока, 137

Х

Хаджи-ага, 49, 81, 139, 141, 147,
162

Хаджи-Баба, 114

Хаджи-Омар, 137–139, 152, 153,
156

Хасананлы, 11

Хрулев Степан Александрович,
15, 16

Хуршид-Мустафа-оглы, 121

Ю

Юстиниан I, 96

Юсуп Гелыч-оглы, 82

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абелянк, 8
Абинск, 5
Авнуник, 8
Аджа-кала, 136
Азов, море, 24
Айрат, 8
Александрополь см.: Гюмри
Анапа, 70
Анатолия, 65, 95, 101, 134
Арабестан, 83, 106, 148
Аракс, 50, 117
Арагат (Масис) см.: Большой
 Арагат
Арацани, 96
Арацани, 96
Ардаган, 8, 12, 32, 134, 159
Арзрум см.: Эрзерум
Армения, 28, 30, 96, 101
Армянское нагорье, 61
Арпачай см.: Ахурян
Аршаруник, 8

Астраханская духовная
 семинария, 4

Астраханская епархиальная
 ведомство, 4

Астрахань, 4, 46

Ахурян, 32, 97, 149, 160, 162, 163

Ашоцк, 8

Б

Баба-Даг, 56

Багаван, 96

Багдад, 137

Багреванд, 96

Байрам паша, 138

Барсуки, река, 70

Барсуковск, 70

Басен, 8

Баш Кядыклар, 103, 108

Баязет, 96

Беломечетск, 158

Бердацпор, 8

Берна, 72

Беюк-Тикма, 77

Беюк-ягны, 144
Ближний Восток, 88
Боисет см.: Баязет
Босфор, 115
Боха, 8
Большой Арарат, 61

В

Вананд, 8
Великая Армения, 8, 96
Византийская Империя, 31, 37,
46, 68, 78
Владикавказ, 12
Восток, 154
Восточный Ефрат см.: Арацани

Г

Габебянк, 8
Гамогаевск, 70
Гель, 159
Гечеван см.: Кечван
Гостагаевск, 70
Грузия, 46
Гугарк, 8
Гулуг, 147
Гюмри (Гумри), 7, 35, 118, 137,
154, 160

Д

Джамушли, 137
Джермалу (Чармалу), 64
Диарбекир, 88

Е

Екатеринодар, 3, 9, 19, 23
Ефрат, 96

Ж

Желтые Воды, 155

З

Закавказье, 107
Западная Армения, 88
Запорожье, 155
Заришад, 27, 137, 139

И

Илион, 155
Истамбул см.: Стамбул
Итакия, 39
Италия, 33

К

Кавказ, 3–7, 10, 13, 23
Кавказская гимназия, 4
Кавказская область, губерния, 46
Кагзван (Кагызман), 34, 50, 54,
67, 100, 117, 131, 132
Кагоцман см.: Кагзван
Казерт, 33
Кампания, 33
Капуя, 33
Кара-даг, 135, 138
Каранлых-Дара, 50, 55, 56
Карахан, река, 104
Карачапар, 76

Караял, 158

Карс, город, санджак, пашалык,
вилайет, округ, область, 6,
8, 9, 11–13, 15–19, 24, 25, 28,
31, 32, 34, 35, 37, 41, 42, 45,
46, 50, 57, 63–65, 72, 76, 77,
79, 82, 83, 91, 97, 98, 103,
106, 109, 110, 112, 116, 118,
122, 127, 131, 134, 136–139,
144, 156–160

Карс-чай, 32, 33, 149

Кархан-чай, 104

Кемерли (Камарлу, Кемюрлю),
81, 82

Кенстч, 76

Керпили (Кирпили), 24, 163

Кечван (Кечеван), 50, 62, 82

Кизилчахчах, 69

Ког, 8

Кочубеевск, 70, 158

Краснодар, 70

Крым, 41, 155

Кубань, 5, 6, 157, 158

Кубань, река, 70, 158

Курук-дара см.: Кюрюк-Дара

Кюльверан, 75, 98

Кюрюк-Дара, 8, 73, 98

Л

Левант, 113

Лях, 155

М

Малая Азия, 66

Марсел, 94

Масис см.: Арарат

Мекка, 83

Мецрац, горы см.: Согоанлугские
горы

Москова, 4

Московская духовная академия,
4

Московский учебный округ, 21

Мурад-чай, 96

Муш, 79

О

Огузлы (Угузлы), 109, 156, 160

Ольгинск, 5

Ольти, 12, 32

Очаков, 155

Осмаская империя, 26, 32, 88,
113, 116, 155

П

Партизацпор, 8

Персия, 102

Петрополь, 128

Пирвали, 160

Полтавская, 3

Преградный стан, 70

Р

Республика Армения, 7

Речь Посполита, 155

Российская империя, 8, 12, 21,
24, 46, 57, 155
Россия, 8, 70, 158
Русь, 62, 92, 163
Рязань, 41

С

Саганлуг см.: Соганлуг
Санкт-Петербург, 9, 10, 18–21,
24
Северо-Западный Кавказ, 7
Сибирь, 154
Сион, 100
Соганлугские горы, 50, 62, 63,
97, 117
Соганлук
Соганлукский хребет, 50
Ставрополь, 3, 4, 12, 70, 158
Стамбул, 77, 95, 150
Суботань, 139
Сурб-Ованес (Сурб-Оганес),
монастырь, 95

Т

Тайк, 8
Тахтин, 76
Терек, 12
Тик-Тепе, 135
Тимашевск, 3, 20, 24
Тифлис, 19, 41, 94
Требезонд, 91
Троицк

Троя, 155
Туречина, Туретчина см.:
Турция, Турецкое
государство
Турция, 8, 18, 38, 65, 67, 102,
105, 110, 154, 157

Ф

Форсадан, 76
Франция, 94

Х

Хадживали, 73
Харьков, 3, 4

Ч

Чакг, 8
Чаплахли (Чыблахлы), 122
Чараями см.: Джермалу,
Чармалу
Чармалу, 64
Чахлах (Чакмак), 135
Черномория, 5, 7, 19, 22, 23, 70
Черные горы (Карадаг), 135
Чифтлигчай, 32

Ш

Ширак, 8
Шорах, 135
Шурагель, 69, 73, 75, 103, 109,
136, 137, 139, 156, 160

Ծ
Эрзерум, 19, 34, 44, 59, 77, 79,
80, 83, 97, 126, 159
Эриван, 34
Эриванская губерния, 32, 34

Ա
Արեւոյանք, 8
Այրարատ, 8
Աշոցք, 8
Արշարունիք, 8
Արտասիան, 8

Բ
Բասեն, 8
Բերդացիոր, 8
Բողիսա, 8

Գ
Գարեւոյանք, 8
Գուգարք, 8

Կ
Կող, 8

Հ
Հավնունիք, 8

Ճ
Ճակք, 8

Ս
Մեծ Հայք, 8

Մեծրաց լեռներ, 50

Շ
Շիրակ, 8

Պ
Պարտիզացիոր, 8

Վ
Վանանդ, 8

Տ
Տայք, 8

Ա
Ardahan, 164

Բ
Black Sea, 164

Շ
Caucasus, 164

Կ
Kars, 164-166

Լ
Loris-Melikov Mikhail
Tarielovich, 164

Մ
Muravyov N.N., 164

Ն
Northwestern Caucasus, 164

O

Olti, 164

P

Pomandruyko, 165

Popko Ivan Diomidovich, 164,
165

R

Russian Empire, 165

S

St. Petersburg, 165

Z

Zavadovsky Nikolai
Stepanovich, 164

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РУССКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАРССКОМ ПАШАЛЫКЕ В 1856 ГОДУ (Из походных воспоминаний Помандруйко)	32
I <i>Положение покоренного Карса. – Турецкая неподвижность к улучшениям. – Жилища. – Женщины. – Освещение и отопление. – Мебель. – Невозможный для путешественников способ изучать чужой народ. – Ислам. – Ибрагим-ага. – На кого из гяуров снисходительнее смотрят правоверные</i>	32
II <i>Земледелие. – Сенокошение. – Газеты. – Возка бревен. – Состояние ремесел. – Мельник. – Тембельуста. – Тяжба по поводу мнимой узкости шальваров. – Турецкий часовой мастер. – Русские мануфактурные изделия в Анатолии. – Славянская надпись, осужденная быть греческой. – Чем наполнены карские караван-сарай. – Поросенок на иголках. – Контрабанда у русской границе</i>	65

III

<i>Разноплеменность и разнохарактерность населения Карского пашалыка. – Рогатый пешкеш. – Страх имени черкес-казаков. – Ночные призраки накануне Курукдаринского сражения. – Дела. – Непонятный вкус к доказательствам. – Наказание за женскую неверность</i>	98
---	----

IV

Байрам и Райфа	133
SUMMARY.....	164
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	168
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	172
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ...	176

**РУССКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАРССКОМ
ПАШАЛЫКЕ В 1856 ГОДУ**

(Из походных воспоминаний Помандруйко)

*Публикация текста,
предисловие и примечания Акона Г. Мурадяна,
Игоря В. Дубинина*

**RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE KARS
PASHALIK IN 1856**
(From the Campaign Memoirs of Pomandruyko)

Text Publication, Introduction and Notes by **Hakob Gh.
Muradyan and Igor V. Dubinin**

Редактор: *Татьяна А. Гришанина*
Компьютерный дизайн: *Нинета С. Адамян*

Заказ № 1450

Подписано к печати 29.05.2026 г.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печ. листов 11.5.

Тираж 100.

Типография НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24.